

ВВГУ

Территория новых возможностей. Вестник ВВГУ

2025

2

2

[17]

ТЕРРИТОРИЯ
НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ВЕСТНИК
ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

THE TERRITORY
OF NEW OPPORTUNITIES

THE HERALD
OF VLADIVOSTOK STATE
UNIVERSITY

2025

2025 № 2 [17]

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ.**

**ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

.....

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Владивостокский государственный университет»

Издается с 2009 г.

ISSN 2949-1258

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Владивосток
2025

2025 № 2 [17]

**THE TERRITORY OF NEW
OPPORTUNITIES.**

**THE HERALD OF VLADIVOSTOK
STATE UNIVERSITY**

.....

Founder and publisher:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Vladivostok State University"

Published since 2009

ISSN 2949-1258

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Vladivostok
2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Терентьева Татьяна Валерьевна

Мамычев Алексей Юрьевич

Латкин Александр Павлович

председатель редакционной коллегии, доктор экономических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет» (г. Владивосток, Россия)

заместитель председателя редакционной коллегии, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

главный редактор, доктор экономических наук, профессор, директор Института подготовки кадров высшей квалификации, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Васильев Антон Александрович

Гвилия Наталья Алексеевна

Глазырина Ирина Петровна

Гомбоева Маргарита Ивановна

Дорошенко Светлана Викторовна

Ермакова Жанна Анатольевна

Зубарев Александр Евстратьевич

Клещёва Нелли Александровна

Кокурина Ольга Юрьевна

Коноплёва Нина Алексеевна

Кречетников Константин Геннадьевич

Мазелис Лев Соломонович

Мешанова Мария Валентиновна

Муртазозода Джамшед Саидали

Найден Светлана Николаевна

Овчинников Алексей Игоревич

Петрук Галина Владимировна

Сёмкин Сергей Викторович

Смагин Виктор Павлович

Смирнова Надежда Анатольевна

Солодухин Константин Сергеевич

Фоминская Марина Дмитриевна

Чернявская Валентина Станиславовна

Шеромова Ирина Александровна

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна

Яроцкая Людмила Владимировна

доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры логистики и поставок, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (г. Москва, Россия)

доктор экономических наук, профессор, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита, Россия)

доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

доктор экономических наук, доцент, заведующая сектором, Институт экономики УрО РАН, (г. Екатеринбург, Россия)

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет (г. Оренбург, Россия)

доктор экономических наук, профессор факультета экономики и управления, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Россия)

доктор педагогических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

доктор педагогических наук, профессор, Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова (г. Владивосток, Россия)

доктор экономических наук, доцент, и.о. директора Института цифровой экономики и бизнес-аналитики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета, Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права юридического факультета, Таджикский национальный университет (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

доктор экономических наук, профессор, Институт экономических исследований ДВО РАН, (г. Хабаровск, Россия)

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и управления, директор департамента научно-исследовательской работы, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

доктор физико-математических наук, профессор кафедры информационных технологий и систем, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией фундаментальной и прикладной физики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

доктор технических наук, профессор кафедры дизайна, технологии, материаловедения и экспертизы потребительских товаров, Костромской государственный университет (г. Кострома, Россия)

доктор экономических наук, профессор кафедры математики и моделирования, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Ставропольского института кооперации (филиал), Белгородский университет кооперации, экономики и права (г. Ставрополь, Россия)

доктор педагогических наук, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

доктор технических наук, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по науке Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

доктор педагогических наук, профессор, доцент, ведущий эксперт Центра анализа и прогнозирования мирового научно-технологического развития Института международных отношений ФГАОУ ВО НИЯУ «МИФИ» (г. Москва, Россия)

доктор юридических наук, декан Юридической школы, директор Центра киберправа, Корейский университет (г. Сеул, Республика Корея)

профессор, доктор экономических наук, директор международного департамента, Северо-Восточный университет финансов и экономики (г. Далянь, КНР)

Park Nohyoung

Zhang Yuci

EDITORIAL COUNCIL MEMBERSHIP

Tatiana V. Terentyeva	<i>Chairman of the Editorial Council</i> , Doctor of Economics, Professor, Rector, VVSU (Vladivostok, Russia)
Alexey Yu. Manychev	<i>Vice-chairman of the Editorial Council</i> , Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Alexander P. Latkin	<i>Head Editor</i> , Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Training of Highly Qualified Personnel, VVSU (Vladivostok, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anton A. Vasiliev	Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute, Altai State University (Barnaul, Russia)
Natalia A. Gvilia	Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Logistics and Supplies, St. Petersburg State University of Economics (Moscow, Russia)
Irina P. Glazyrina	Doctor of Economics, Professor, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS (Chita, Russia)
Margarita I. Gomboeva	Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Culture, Arts and Design, Trans-Baikal State University (Chita, Russia)
Svetlana V. Doroshenko	Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)
Zhanna A. Ermakova	Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University (Orenburg, Russia)
Alexander E. Zubarev	Doctor of Economics, Professor of the Faculty of Economics and Management, Pacific State University (Khabarovsk, Russia)
Nelly A. Kleshcheva	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Olga Yu. Kokurina	Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Nina A. Konopleva	Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Konstantin G. Krechetnikov	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, S.O. Makarov Pacific Higher Naval School (Vladivostok, Russia)
Lev S. Mazelis	Doctor of Economics, Associate Professor, VVSU (Vladivostok, Russia)
Maria V. Meshchanova	Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
Jamshed S. Murtazozoda	Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)
Svetlana N. Nayden	Doctor of Economics, Professor, Institute of Economic Research FEB RAS (Khabarovsk, Russia)
Alexey I. Ovchinnikov	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
Galina V. Petruk	Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Director of the Department of Research, VVSU (Vladivostok, Russia)
Sergey V. Syomkin	Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Information Technologies and Systems, VVSU (Vladivostok, Russia)
Viktor P. Smagin	Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Fundamental and Applied Physics, VVSU (Vladivostok, Russia)
Nadezhda A. Smirnova	Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design, Technology, Materials Science and Consumer Goods Expertise, Kostroma State University (Kostroma, Russia)
Konstantin S. Solodukhin	Doctor of Economics, Professor of the Department of Mathematics and Modeling, VVSU (Vladivostok, Russia)
Marina D. Fominskaya	Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Stavropol Institute of Cooperation (branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Stavropol, Russia)
Valentina S. Chernyavskaya	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Legal Psychology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Irina A. Sheromova	Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Claudia G. Erdyneeva	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Lydmila V. Yarotskaya	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Associate Professor, Leading expert of the Centre for Analysis and Forecasting of World Science and Technology Development, Institute of International Relations, National Research Nuclear University "MEPhI" (Moscow Engineering Physics Institute) (Moscow, Russia)
Park Nohyoung	Doctor of Law, Dean of the Law School, Director of the Cyber Law Center, Korea University (Seoul, Republic of Korea)
Zhang Yuci	Professor, Doctor of Economics, Director of the International Department, Northeastern University of Finance and Economics (Dalian, China)

Научное издание

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.
ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

2025, № 2

[Том 17]

Научный журнал

Издание не подлежит маркировке в соответствии с гл. 3 ст. 11 п. 4 ч. 2 ст. 1
ФЗ № 436-ФЗ

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского
государственного университета» зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 15.12.2022 г.
(Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-84186 от 05.12.2022 г. – печатное издание)
ISSN 2949-1258

Периодичность: 4 раза в год

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Сайт: <https://science.vvsu.ru/scientific-journals/journal/>

Адрес издателя:

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес редакции:

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, к. 1341
тел. (423) 240-40-54; e-mail: vestnik@vvsu.ru

Ответственный за выпуск Л. Е. Стрикаускас

Ответственный секретарь В. В. Шамаева

Редактор И. Г. Шабунина

Компьютерная верстка М. А. Портновой

Подписано в печать 20.06.2025. Формат 70×100/16.

Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 16,51. Уч.-изд. л. 15,16.

Тираж 300 [I–100] экз. Заказ 303

Цена на территории РФ свободная

Дата выхода в свет: 24.06.2025 г.

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Содержание

Региональная и отраслевая экономика

Дун Даомин

Многокритериальная методика принятия решений для интеграции китайских логистических операторов в транспортную экосистему сельскохозяйственной продукции России

Латкин А.П., Ян Вэйсинь

Теоретические аспекты исследования проблем обеспечения национальной продовольственной безопасности в современных экономических и геополитических условиях

Бризицкая А.В.

Оценка инвестиционной привлекательности дальневосточных регионов России для китайских инвесторов

Котов Е.В.

Роботизация производства и социализация экономики: состояние, причины и последствия

Шакирова Ю.А., Гатауллина А.А., Квашнина Д.И.

Региональные особенности безработицы в Республике Татарстан (2010–2023)

Сергиенко М.С., Зубарев А.Е., Красова Е.В.

Модели развития экономики в условиях неравной конкуренции на мировом рынке

Менеджмент

Осипов А.В., Конотоп А.А., Васильева А.А.

Проблемы организации стратегического менеджмента трансграничных расчетов в современных санкционных условиях

Жохова В.В., Степулёва Л.Ф.

Современные подходы к разработке стратегии продвижения медицинских услуг на корпоративном уровне

Данилов Е.А.

Совершенствование информационной архитектуры корпоративного управления: системный подход к менеджменту информационных ресурсов

Юридические науки

Мягкая А.А., Чебоксаров Б.А.

Проблемы терминологического обозначения лиц с ограниченными возможностями здоровья в действующем законодательстве: технико-юридический аспект

Вронская М.В., Кузнецов А.В.

Цифровизация правосудия и искусственный интеллект: компаративистское исследование

Contents

Regional and sectoral economy

Dun Daomin

A Multi-Criteria Decision-Making Methodology for Integrating Chinese Logistics Operators into Russia's Agricultural Product Transportation Ecosystem

Latkin A.P., Yan Weixin

Theoretical aspects of the study of problems of ensuring national food security in modern economic and geopolitical conditions

Brizitskaya A.V.

Assessment of the investment attractiveness of Russia's Far Eastern regions for Chinese investors

Kotov E.V.

Robotization of production and socialization of the economy: current state, causes, and consequences

Shakirova U.A., Gataullina A.A., Kvashnina D.I.

Regional features of unemployment in the Republic of Tatarstan (2010–2023)

Sergienko M.S., Zubarev A.E., Krasova E.V.

Models of economic development under unequal competition in the world market

Management

Osipov A.V., Konotop A.A., Vasilyeva A.A.

Problems of organizing strategic management of cross-border payments in modern sanctions condition

Zhokhova V.V., Stepuleva L.F.

Modern approaches to the development of a marketing strategy for the promotion of medical services at the corporate level

Danilov E.A.

Improving the information architecture of corporate governance: a systematic approach to the management of information resources

Law sciences

Myagkaya A.A., Cheboksarov B.A.

Problems of terminological designation of persons with disabilities in the current labor legislation: technical and legal aspect

Vronskaya M.V., Kuznetsov A.V.

Digitalization of justice and artificial intelligence: A comparativist study

Педагогика

Яроцкая Л.В., Буденная С.Ю.

Моделирование содержания обучения
английскому языку как лингва франка
современного юридического общения

Суший Т.С.

Методическая модель развития социокультурных
умений студентов в процессе обучения
аудированию на английском языке средствами
виртуального музея

Доронина И.В.

Опыт применения каузометрии в обучении
студентов психолого-педагогической направленности

Абросимова Е.Е., Филипова А.Г.

Искусственный интеллект: вызовы и возможности
использования в образовательном процессе

Технические науки

*Артемьев А.В., Гриняк В.М., Иваненко Ю.С.,
Шуленина А.В.*

Метрики оценки напряженности движения судов на
морской акватории с интенсивным трафиком

Правила оформления статей

Pedagogy

Yarotskaya L.V., Budennaya S.Yu.

Modelling the content of teaching and learning
English as a lingua franca for modern legal
communication

Sushii T.S.

Methodological Model of Development of Students'
Socio-Cultural Skills in the Process of Teaching
Listening in English by Means of a Virtual Museum

Doronina I.V.

Experience in using causometry in the educational
process with future teachers

Abrosimova E.E., Filipova A.G.

Artificial intelligence: challenges and opportunities
for use in the educational process

Technical sciences

*Artemyev A.V., Grinyak V.M., Ivanenko Yu.S.,
Shulenina A.V.*

Metrics for vessel traffic intensity assessing
in a marine area

Rules of formatting articles

162

183

193

203

212

228

Научная статья
УДК 332.146.2
DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/007-018>
EDN: <https://elibrary.ru/IJIFU>

**Многокритериальная методика принятия решений для интеграции
китайских логистических операторов в транспортную экосистему
сельскохозяйственной продукции России**

Дун Даомин

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург. Россия

***Аннотация.** Статья посвящена разработке многокритериальной методики принятия решений для интеграции китайских логистических операторов в транспортную экосистему сельскохозяйственной продукции России. В условиях глобализации и изменения международных торговых цепочек интеграция национальных логистических систем в единую цифровую инфраструктуру приобретает стратегическое значение. Особое внимание уделяется анализу барьеров, связанных с различиями в регуляторных требованиях, уровне цифровизации и политической нестабильности между странами. Исследование фокусируется на корпорации COFCO, крупнейшем китайском дистрибьюторе сельскохозяйственной продукции, и анализирует различные стратегии интеграции в российскую логистическую систему на основе методов нечеткого анализа иерархий Fuzzy AHP и Fuzzy TOPSIS. Применение этих методов позволяет учитывать неопределенность и вариативность при принятии решений, а также формирует гибкую модель, способную адаптироваться к изменениям внешней среды. Предложенная методика применима для оценки оптимальных вариантов интеграции в условиях высокой геоэкономической нестабильности и технологической совместимости. Она имеет практическую ценность для повышения операционной эффективности, снижения издержек и улучшения устойчивости цепочек поставок сельскохозяйственной продукции.*

***Ключевые слова:** интеграция логистических систем, китайско-российское сотрудничество, логистические барьеры, метод анализа иерархий, международная торговля, операционная эффективность, сельскохозяйственная продукция, стратегия логистической интеграции, цифровая экосистема, цепи поставок.*

***Для цитирования:** Дун Даомин. Многокритериальная методика принятия решений для интеграции китайских логистических операторов в транспортную экосистему сельскохозяйственной продукции России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/007-018>. EDN: <https://elibrary.ru/IJIFU>*

Regional and sectoral economy

Original article

A Multi-Criteria Decision-Making Methodology for Integrating Chinese Logistics Operators into Russia's Agricultural Product Transportation Ecosystem**Dun Daomin**Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russia

Abstract. The academic paper focuses on the development of a multi-criteria decision-making methodology for integrating Chinese logistics operators into Russia's agricultural product transportation ecosystem. In the context of globalization and shifting international trade chains, the integration of national logistics systems into a unified digital infrastructure becomes strategically significant. Special attention is given to analyzing barriers related to differences in regulatory requirements, levels of digitalization, and political instability between the two countries. The study centers on COFCO Corporation, the largest Chinese distributor of agricultural products, and evaluates various integration strategies into the Russian logistics system using Fuzzy Analytic Hierarchy Process Fuzzy AHP and Fuzzy TOPSIS methods. The application of these methods allows for the consideration of uncertainty and variability in decision-making, while also forming a flexible model capable of adapting to changes in the external environment. The proposed methodology is applicable for assessing optimal integration options in conditions of high geo-economic instability and technological compatibility. It holds practical value for enhancing operational efficiency, reducing costs, and improving the resilience of agricultural product supply chains.

Keywords: logistics systems integration, China-Russia cooperation, logistics barriers, analytic hierarchy process, international trade, operational efficiency, agricultural products, logistics integration strategy, digital ecosystem, supply chains.

For citation: Dun Daomin. A Multi-Criteria Decision-Making Methodology for Integrating Chinese Logistics Operators into Russia's Agricultural Product Transportation Ecosystem // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/007-018>. EDN: <https://elibrary.ru/IJZJIFU>

Введение

В условиях международной торговли транспортная логистика сельскохозяйственной продукции становится стратегически важной для стран-экспортеров и импортеров. Одной из основных проблем является интеграция национальных логистических систем в единую экосистему для обеспечения эффективности поставок [1]. В России экспорт сельхозпродукции является приоритетом, реализуемым через инициативу «Агроэкспресс» от АО «РЖД Логистика» [2]. Китай как крупнейший покупатель российской продукции стремится улучшить стандарты продовольственной безопасности в рамках программы «Здоровый Китай 2030» [3].

Цель исследования – разработка методики многокритериального выбора стратегии интеграции COFCO [4] в российскую логистическую экосистему, учитывающей геополитические, экономические и технологические риски. Исследование фокусируется на улучшении управления цепями поставок и повышении безопасности поставок для Китая.

Проблема заключается в отсутствии методики, позволяющей учитывать неопределенность и вариативность внешнеполитических и экономических факторов при принятии решений об интеграции китайских логистических операторов

в российскую логистическую экосистему. Существующие подходы либо не учитывают специфические риски международных логистических интеграций и сохранение автономии как приоритета, либо не позволяют корректно адаптировать стратегические решения в условиях нестабильной внешней среды.

Основной вызов – баланс между стратегическими выгодами и рисками. Китай не готов к полной интеграции из-за возможного внешнего контроля, высоких затрат на модернизацию и рисков утраты операционной гибкости.

Исследование основано на данных российских и китайских государственных органов, включая материалы Министерства сельского хозяйства КНР [5], ОАО «РЖД» и Евразийской экономической комиссии [6]. Важную роль играют предшествующие исследования в области логистики и цифровых систем [7]. Существующие исследования часто фокусируются на операционной эффективности или технологической совместимости, но не предлагают комплексного подхода к многокритериальной оценке [8]. Одним из противоречий является недооценка влияния политической и экономической стабильности на успешность интеграции, а также специфика взаимодействия России и Китая [9].

Методы исследования

Стратегия расширения российского экспорта сельскохозяйственной продукции, в частности свинины, в Китай с логистическим обоснованием конкурентных преимуществ демонстрирует потенциал для увеличения объемов продаж. В условиях геоэкономической нестабильности российские производители должны сосредоточиться на новых возможностях выхода на внешние рынки. Логистическим преимуществом может стать интеграция китайских компаний в цифровую экосистему сельскохозяйственной продукции, например, через сервис «Агроэкспресс» от АО «РЖД Логистика» [10]. Принятие решения об интеграции китайских корпораций может основываться на методике, модифицирующей метод анализа иерархий [11].

Для решения задачи используется комбинированный метод: нечеткий анализ иерархий Fuzzy АНР для определения значимости критериев и Fuzzy TOPSIS для выбора предпочтительной стратегии интеграции [12, 13]. Такой подход учитывает как стратегические приоритеты, так и вариативность сценариев.

Метод Fuzzy АНР выбран как модификация классического АНР Саати; позволяет учесть неопределенности в экспертных оценках, поскольку геополитическая нестабильность, экономические риски и пилотная стадия развития проекта затрудняют получение точных данных [14, 12]. Использование Fuzzy TOPSIS позволяет оценить альтернативы на основе их близости к идеальному решению, что делает процесс более комплексным. По результатам анализа модульная и полная интеграции получили наивысшие оценки по совокупности критериев, что свидетельствует об их наибольшей целесообразности, так как они обеспечивают максимальную эффективность, совместимость и устойчивость цепочек поставок.

Таким образом, комбинация методов Fuzzy АНР и Fuzzy TOPSIS формирует гибкую модель стратегического выбора, способную учитывать неопределенность и политические риски, что особенно важно для международных логистических интеграций [15].

Основная часть

Предложенная методика направлена на определение предпочтительной стратегии интеграции COFCO в российскую цифровую логистическую экосистему с учетом геоэкономических рисков, технологической совместимости и операционной эффективности. Для анализа были выбраны критерии, отражающие стратегические и оперативные цели, включая национальные приоритеты, финансовые перспективы и устойчивое развитие. Выбор критериев осуществлялся на основе экспертных обсуждений и анализа литературы. Затем их важность была оценена с помощью метода Fuzzy АНР, что позволило учесть неопределенность и вариативность возможных сценариев:

С1. Совместимость с национальными стратегиями. Интеграция должна соответствовать стратегическим приоритетам Китая, таким как «Здоровый Китай 2030», что важно для долгосрочного сотрудничества, но может ограничивать операционную гибкость из-за высокой зависимости от государственной политики.

С2. Государственная поддержка и регуляторная стабильность. Включает политическую поддержку и согласование регуляторных требований, что влияет на устойчивость проекта, однако геоэкономические факторы могут повысить неопределенность и потребовать гибкости.

С3. Финансовая обоснованность. Оценка баланса затрат на модернизацию и прогнозируемых выгод, включая возможное совместное финансирование, что снижает нагрузку на стороны, но требует согласования.

С4. Сокращение логистических издержек. Оптимизация маршрутов и автоматизация процессов минимизируют транспортные расходы, но первоначальные затраты на цифровизацию могут увеличить издержки [16].

С5. Технологическая синергия. Взаимодействие платформ через IoT и блокчейн снижает затраты на адаптацию и повышает безопасность, но требует значительных инвестиций и может ограничить масштабируемость [17].

С6. Эффективность интеграции. Влияние на скорость и точность операций, автоматизацию процессов и гибкость маршрутной сети, что повышает устойчивость цепочек поставок.

С7. Устойчивость к внешним факторам. Способность модели работать в условиях политической нестабильности и санкционных рисков, что требует гибких механизмов адаптации.

С8. Экологическая устойчивость. Влияние на углеродный след и использование энергоэффективных технологий, что способствует устойчивому развитию, но требует дополнительных инвестиций в инфраструктуру.

С9. Управление рисками. Включает защиту данных и создание резервных маршрутов, что снижает уязвимость системы, но требует дополнительных ресурсов для поддержания кибербезопасности.

С10. Конкурентоспособность. Влияние на рыночные позиции COFCO, включая снижение логистических затрат и повышение прозрачности цепочек, но существует риск зависимости от российских мощностей.

С11. Ожидаемый срок интеграции. Влияние на временные затраты на внедрение системы, где длительный срок реализации может снизить актуальность проекта.

C12. Адаптивность стратегии. Оценка гибкости интеграции в ответ на изменения внешних условий, что снижает регуляторные риски, но может замедлить принятие решений.

C13. Корпоративная автономия. Степень сохранения контроля COFCO над своими операциями после интеграции, где полная интеграция повышает эффективность, но ограничивает независимость компании.

Для вычисления весов факторов в условиях неопределенности формируется нечеткая матрица парных сравнений, в которой каждая ячейка a_{ij} отражает степень предпочтения фактора i по сравнению с фактором j . Экспертные оценки были получены с использованием вербальной шкалы оценок, где значения выражались в виде словесных категорий и впоследствии были преобразованы в нечеткие треугольные числа (TFN) для учета неопределенности в суждениях, что позволяет учитывать вариативность экспертных мнений и сложность прогнозирования в долгосрочной перспективе (табл. 1).

Таблица 1

Шкала нечетких сравнений критериев

Четкое значение	Fuzzy TFN (min, среднее, max)	Описание
1	(1,1,1)	Одинаково важны
3	(1,3,5)	Один фактор немного важнее
5	(3,5,7)	Существенно важнее
7	(5,7,9)	Значительно важнее
9	(7,9,9)	Абсолютно важнее
Обратные значения	(1/9, 1/7, 1/5) и т.д.	Обратные веса

После заполнения значений важности в нечеткой матрице она принимает вид, представленный в табл. 2.

Оценки в матрице парных сравнений основывались на ключевых факторах, влияющих на успешность интеграции китайских корпораций в российскую цифровую логистическую экосистему. Основным ориентиром для значимости критериев было соблюдение государственной стратегии и регуляторных требований, особенно для Китая, где логистика и торговля зависят от государственных инициатив. Поэтому совместимость с национальными стратегиями (C1) получила наивысшую оценку, так как без соответствия внутренним условиям Китая интеграция невозможна.

Государственная поддержка и регуляторная стабильность (C2) также получили высокую оценку, поскольку они определяют устойчивость и долгосрочность проектов, особенно в Китае. Регуляторные ограничения могут как ускорить, так и замедлить процесс интеграции, в зависимости от связи проекта с государственными стратегиями.

Таблица 2

Нечеткая матрица парных сравнений Fuzzy TFN

	C1	C2	C3	C4	C5	C6	C7	C8	C9	C10	C11	C12	C13
C1	(1,1,1)	(1,3,5)	(5,7,9)	(3,5,7)	(5,7,9)	(3,5,7)	(5,7,9)	(5,7,9)	(5,7,9)	(5,7,9)	(5,7,9)	(5,7,9)	(1,3,5)
C2	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,1,1)	(3,5,7)	(1,3,5)	(3,5,7)	(1,3,5)	(3,5,7)	(3,5,7)	(3,5,7)	(3,5,7)	(3,5,7)	(3,5,7)	(1,1,1)
C3	$(\frac{1}{9}, \frac{1}{7}, \frac{1}{5})$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,1,1)	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$
C4	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	(1,1,1)	(1,3,5)	(1,1,1)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$
C5	$(\frac{1}{9}, \frac{1}{7}, \frac{1}{5})$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$
C6	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	(1,1,1)	(1,3,5)	(1,1,1)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$
C7	$(\frac{1}{9}, \frac{1}{7}, \frac{1}{5})$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,1,1)	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$
C8	$(\frac{1}{9}, \frac{1}{7}, \frac{1}{5})$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,1,1)	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$
C9	$(\frac{1}{9}, \frac{1}{7}, \frac{1}{5})$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$
C10	$(\frac{1}{9}, \frac{1}{7}, \frac{1}{5})$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$
C11	$(\frac{1}{9}, \frac{1}{7}, \frac{1}{5})$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,1,1)	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,1,1)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$
C12	$(\frac{1}{9}, \frac{1}{7}, \frac{1}{5})$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	$(\frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3})$
C13	$(\frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1)$	(1,1,1)	(3,5,7)	(1,3,5)	(3,5,7)	(1,3,5)	(3,5,7)	(3,5,7)	(3,5,7)	(3,5,7)	(3,5,7)	(3,5,7)	(1,1,1)

Примечание: сост. автором.

Для корпоративной автономии и стратегической независимости (C13) оценка была дана с учетом важности сохранения контроля COFCO над операциями, поскольку потеря гибкости может снизить конкурентные преимущества.

Сокращение логистических издержек (C4) и эффективность логистической интеграции (C6) были оценены как важные, но их влияние ограничено более глобальными факторами транспортной инфраструктуры. Эти параметры не могут быть основным драйвером без поддержки со стороны государств и ключевых игроков на рынке.

Адаптивность стратегии (C12) и управление рисками (C9) также получили высокую оценку, так как внешние факторы, такие как санкции и политическая нестабильность, требуют механизмов адаптации, но их значимость ниже, чем у соответствия государственной стратегии и корпоративной автономии.

Для проверки согласованности и логичности оценок был рассчитан FCR. Полученный коэффициент согласованности FCR составил 0,074. Это значительно ниже порога 0,3, что указывает на высокую степень согласованности между экспертными оценками. Данное обстоятельство означает, что оценки критериев в матрице парных сравнений Fuzzy АНР были выполнены логично и последовательно, несмотря на присутствие неопределенности.

На основании оценок определим относительную важность каждого фактора в процессе интеграции COFCO (табл. 3).

Таблица 3

Веса критериев Fuzzy АНР

Критерии	Вес (нормализованный)
С1. Совместимость с национальными стратегиями	0,23
С2. Государственная поддержка и регуляторная стабильность	0,15
С3. Финансовая обоснованность интеграции	0,02
С4. Сокращение логистических издержек	0,08
С5. Технологическая синергия и масштабируемость	0,04
С6. Эффективность логистической интеграции	0,08
С7. Устойчивость цепочек поставок к внешним факторам	0,02
С8. Экологическая устойчивость	0,02
С9. Управление рисками	0,05
С10. Конкурентоспособность на рынке	0,06
С11. Ожидаемый срок интеграции	0,02
С12. Адаптивность стратегии интеграции	0,07
С13. Корпоративная автономия и стратегическая независимость	0,15

Примечание: сост. автором.

Таблица 3 представляет итоговые веса критериев, полученные с использованием метода Fuzzy Extent Analysis в рамках Fuzzy АНР [12]. Процесс включал суммирование нечетких чисел, нормализацию весов и дефаззификацию. Критерий С1 (совместимость с национальными стратегиями) получил наибольший вес, что подчеркивает его ключевую роль для успешной интеграции, особенно в контексте Китая. Этот критерий составил более 20% общего веса. Критерии С2 (государственная поддержка и регуляторная стабильность) и С13 (корпоративная автономия) также получили высокие оценки (14–15%), подтверждая важность политических и корпоративных условий для успешной интеграции. Критерии С4 (сокращение логистических издержек) и С6 (эффективность интеграции) имеют средний вес, что подчеркивает их важность, но ограниченность влияния на решение. Распределение весов подтверждает, что стратегические и политико-экономические аспекты играют главную роль.

После расчета весов критериев был выбран метод TOPSIS для окончательной оценки альтернатив. Этот метод эффективно учитывает многокритериальные предпочтения и помогает определить оптимальные альтернативы на основе их близости к идеальному решению, что важно в условиях неопределенности [13].

TOPSIS хорошо сочетается с Fuzzy АНР, позволяя интегрировать веса для более точной оценки альтернатив и повышая прозрачность процесса принятия решений.

Для оценки стратегии интеграции СОFCO в российскую логистическую экосистему было выбрано шесть вариантов, охватывающих различные подходы к интеграции с учетом степени вовлеченности и рисков:

1. Полная интеграция. Вариант предполагает полное включение СОFCO в российскую логистическую экосистему с максимальной координацией всех операций, что обеспечивает максимальную эффективность, но при этом ограничивает гибкость и автономию.

2. Модульная интеграция. Вариант предполагает частичную интеграцию с возможностью адаптации отдельных компонентов системы (модулей); обеспечивает необходимую гибкость и мобильность, позволяя интегрировать наиболее выгодные элементы логистической сети, при этом не теряется независимость и стратегическая гибкость.

3. Частичная интеграция. Вариант характеризуется более ограниченным взаимодействием с российской экосистемой, где СОFCO сохраняет высокую степень независимости; подходит для тестирования системы или меньших объемов деятельности, однако может ограничить масштаб и возможности компании.

4. Альтернативные маршруты. Это вариант, в котором СОFCO ориентируется на использование других путей поставок, избегая полной или частичной интеграции с российской логистической системой; может быть полезен в случае геополитических рисков или нестабильности, но увеличивает логистические издержки и снижает контроль над процессом.

5. Инвестиции в собственную инфраструктуру. Вариант предполагает, что СОFCO будет развивать свои собственные логистические мощности, не полагаясь полностью на внешнюю инфраструктуру. Это может быть выгодно в долгосрочной перспективе, но потребует значительных инвестиций и времени на реализацию.

6. Отказ от интеграции. Представляет собой крайний вариант, в котором СОFCO решает не участвовать в российской логистической экосистеме. Это решение минимизирует риски, но также значительно ограничивает возможности компании на внешнем рынке и может увеличить затраты на логистику. Исходя из этой логики выставим оценки вариантам решений по каждому из 13 критериев (табл. 4).

Таблица 4

Матрицы парных сравнений Fuzzy TOPSIS

Критерии / Варианты интеграции	1	2	3	4	5	6
С1. Совместимость с национальными стратегиями	(7,9,9)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(7,9,9)

Критерии / Варианты интеграции	1	2	3	4	5	6
C2. Государственная поддержка и регуляторная стабильность	(7,9,9)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(7,9,9)
C3. Финансовая обоснованность интеграции	(3,5,7)	(3,5,7)	(5,7,9)	(5,7,9)	(5,7,9)	(1,3,5)
C4. Сокращение логистических издержек	(1,1,1)	(1,1,1)	(1,3,5)	(3,5,7)	(5,7,9)	(5,7,9)
C5. Технологическая синергия и масштабируемость	(1,1,1)	(1,1,1)	(3,5,7)	(3,5,7)	(1,3,5)	(5,7,9)
C6. Эффективность логистической интеграции	(1,3,5)	(1,1,1)	(1,3,5)	(3,5,7)	(3,5,7)	(5,7,9)
C7. Устойчивость цепочек поставок к внешним факторам	(3,5,7)	(1,1,1)	(3,5,7)	(3,5,7)	(1,1,1)	(5,7,9)
C8. Экологическая устойчивость	(1,1,1)	(1,1,1)	(1,3,5)	(3,5,7)	(5,7,9)	(5,7,9)
C9. Управление рисками	(3,5,7)	(1,1,1)	(1,3,5)	(3,5,7)	(5,7,9)	(3,5,7)
C10. Конкурентоспособность на рынке	(3,5,7)	(1,3,5)	(1,3,5)	(3,5,7)	(3,5,7)	(5,7,9)
C11. Ожидаемый срок интеграции	(5,7,9)	(1,3,5)	(1,3,5)	(5,7,9)	(7,9,9)	(7,9,9)
C12. Адаптивность стратегии интеграции	(7,9,9)	(1,3,5)	(1,3,5)	(5,7,9)	(1,1,1)	(1,3,5)
C13. Корпоративная автономия и стратегическая независимость	(7,9,9)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,3,5)	(1,1,1)	(1,3,5)

Примечание: сост. автором.

Для расчета близости к идеальному решению с учетом весов Fuzzy АНР сначала нормализуем матрицу оценок, преобразуя каждое значение в диапазон от 0 до 1. Затем применим веса для каждого критерия, чтобы учесть их важность при оценке альтернатив. Далее определим идеальное и худшее решения по каждому критерию, используя максимальные и минимальные значения в матрице. Расчет расстояний до этих решений позволит определить, насколько каждая альтернатива близка к идеалу. Наконец, вычислим коэффициент близости, который покажет, какая альтернатива наиболее приближена к оптимальному решению (табл. 5).

По расчетам близости к идеальному решению модульная интеграция является наиболее предпочтительным вариантом для COFCO в российской логистической экосистеме. Этот подход не противоречит государственным стратегиям и способствует оптимизации логистических процессов, что может снизить издержки. Он также сохраняет корпоративную автономию и гибкость, важные для стратегического планирования компании.

Таблица 5

Коэффициент близости для каждой альтернативы с учетом весов Fuzzy АНР

Вариант	Близость к идеальному решению (FCR)	Ранг
Полная интеграция	0,27	6
Модульная интеграция	0,97	1
Частичная интеграция	0,93	2
Альтернативные маршруты	0,79	3
Инвестиции в инфраструктуру	0,76	4
Отказ от интеграции	0,36	5

Модульная интеграция позволяет COFCO адаптировать операции к изменениям внешней среды, при этом не теряется контроль над ключевыми процессами. Это помогает компании реагировать на экономические и политические изменения, минимизируя внешние риски, в отличие от более жестких схем интеграции, таких как полная.

Заключение

В процессе исследования была разработана методика выбора стратегий интеграции корпорации COFCO в российскую цифровую логистическую экосистему, основанная на уникальном наборе критериев, адаптированных к специфике китайско-российской логистической интеграции. Данная методика позволяет учитывать влияние геополитической нестабильности, экономических рисков и технологической совместимости. Кроме того, предложена адаптация методов Fuzzy АНР и Fuzzy TOPSIS для многокритериального выбора стратегий интеграции в условиях высокой неопределенности, что расширяет возможности принятия обоснованных решений при ограниченной информации.

Методика, основанная на многокритериальном анализе, позволяет объективно оценить различные варианты интеграции, включая полную, модульную и минимальную интеграцию, с учетом стратегических, экономических и технологических факторов. Она учитывает такие важные критерии, как совместимость с национальными стратегиями, устойчивость цепочек поставок и корпоративная автономия, что делает ее особенно актуальной для комплексных логистических интеграций в условиях высокой неопределенности.

Практическая значимость предложенной методики заключается в ее способности эффективно решать задачу выбора предпочтительного варианта интеграции в условиях ограниченной информации и множества факторов, влияющих на решение. Методика также обладает высокой масштабируемостью, что позволяет адаптировать ее для различных типов интеграций и расширять на другие компании и отрасли, сталкивающиеся с подобными проблемами.

Список источников

1. Гвилия Н.А., Парфенов А.В., Шульженко Т.Г. Управление интегрированными межкорпоративными логистическими системами в условиях цифровой экономики // *Управленец*. 2019. Т. 10, № 1. С. 40–51.
2. Российский экспортный центр. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/agroekspress-v-odin-klik-ao-rzhd-logistika-sovmestno-s-rets-zapustili-tsifrovoy-servis-na-platforme/
3. Healthy China 2030. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-10/25/content_5124174.htm
4. COFCO Corporation. URL: <http://www.cofco.com>
5. Министерство сельского хозяйства КНР. URL: <http://www.moa.gov.cn/>
6. Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/>
7. Мурев Д.И. Деловые экосистемы и новые механизмы координации совместной деятельности // *Основные механизмы развития предпринимательства в условиях современных вызовов: Междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст. / отв. ред. А.П. Шихвердиев; ФГБОУ ВО «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2023. С. 80–85.*
8. Гвилия Н.А., Дун Д. Современные подходы к интегрированному планированию цепей поставок сельскохозяйственной продукции // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2024. № 1 (145). С. 121–127.
9. Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза РФ: [сайт]. URL: <https://aemcx.ru/export/rusexport/>
10. Михайлюк М.В. Цифровые бизнес-экосистемы региона: сложности развития // *Финансовые исследования*. 2022. № 3 (76). С. 52–58.
11. Chang D.Y. Applications of the extent analysis method on fuzzy AHP // *European Journal of Operational Research*. 1996. Vol. 95 (3). P. 649–655. URL: [https://doi.org/10.1016/0377-2217\(95\)00300-2](https://doi.org/10.1016/0377-2217(95)00300-2)
12. Saaty T.L. A Scaling Method for Priorities in Hierarchical Structures // *Journal of Mathematical Psychology*. 1977. Vol. 15 (3). P. 234–281. URL: [https://doi.org/10.1016/0022-2496\(77\)90033-7](https://doi.org/10.1016/0022-2496(77)90033-7)
13. A new fuzzy multi-attribute group decision-making method based on TOPSIS and optimization models / C. Hu, X. Hu, Y. Liu, & X. Zhang. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2311.15933>
14. An interval-valued fuzzy number approach for supplier selection / C.-S. Lee, C.-C. Chung, H.-S. Lee [et al.] // *Journal of Marine Science and Technology*. 2016. Vol. 24, Iss. 3. Article 2. DOI: 10.6119/JMST-015-0521-8
15. Wang Y.-M., Chin K.-S. Fuzzy analytic hierarchy process: A logarithmic fuzzy preference programming methodology // *International Journal of Approximate Reasoning*. 2011. Vol. 52, Iss. 4. P. 541–553. DOI: 10.1016/j.ijar.2010.12.004
16. Щербаков В.В., Шульженко Т.Г. Стратегические приоритеты регулирования направленности и интенсивности грузопотоков в условиях новой макроэкономической ситуации // *Железнодорожный транспорт*. 2022. № 9. С. 51–55.
17. Щербаков В.В. Цифровая логистика – ключ к трансформации кооперационных цепочек // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022. № 6 (138). С. 132–137.

References

1. Gvilia N.A., Parfenov A.V., Shulzhenko T.G. Management of integrated inter-corporate logistics systems in the digital economy. *Manager*. 2019; 10 (1): 40–51.
2. Russian Export Center. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/agroekspress-v-odin-klik-ao-rzhd-logistika-sovmestno-s-rets-zapustili-tsifrovoy-servis-na-platforme/
3. Healthy China 2030. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-10/25/content_5124174.htm
4. COFCO Corporation. URL: <http://www.cofco.com>
5. PRC Ministry of Agriculture. URL: <http://www.moa.gov.cn/>
6. Eurasian Economic Commission. URL: <https://eec.eaeunion.org/>
7. Murev D.I. Business ecosystems and new mechanisms for coordinating joint activities. *Main mechanisms for the development of entrepreneurship in the face of modern challenges: International Scientific and Practical Conference: Sat. scientific. Art. / hole ed. A.P. Shikhverdiyev; FSBEI HE "Syktyv. state. un-t them. Pitirim Sorokin"*. Syktyvkar: Publishing House of SSU named after Pitirim Sorokin; 2023. P. 80–85.
8. Gvilia N.A., Dun D. Modern approaches to integrated planning of agricultural supply chains. *Izvestia of St. Petersburg State Economic University*. 2024; 1 (145): 121–127.
9. Federal Center for the Development of Agricultural Exports of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation: [website]. URL: <https://aemcx.ru/export/rusexport/>
10. Mikhailyuk M.V. Digital business ecosystems of the region: development difficulties. *Financial research*. 2022; 3 (76): 52–58.
11. Chang D.Y. Applications of the extent analysis method on fuzzy AHP. *European Journal of Operational Research*. 1996; 95 (3): 649–655. URL: [https://doi.org/10.1016/0377-2217\(95\)00300-2](https://doi.org/10.1016/0377-2217(95)00300-2)
12. Saaty T.L. A Scaling Method for Priorities in Hierarchical Structures. *Journal of Mathematical Psychology*. 1977; 15 (3): 234–281. URL: [https://doi.org/10.1016/0022-2496\(77\)90033-7](https://doi.org/10.1016/0022-2496(77)90033-7)
13. A new fuzzy multi-attribute group decision-making method based on TOPSIS and optimization models / C. Hu, X. Hu, Y. Liu, & X. Zhang. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2311.15933>
14. An interval-valued fuzzy number approach for supplier selection / C.-S. Lee, C.-C. Chung, H.-S. Lee [et al.]. *Journal of Marine Science and Technology*. 2016; 24 (3). Article 2. DOI: 10.6119/JMST-015-0521-8
15. Wang Y.-M., Chin K.-S. Fuzzy analytic hierarchy process: A logarithmic fuzzy preference programming methodology. *International Journal of Approximate Reasoning*. 2011. 52 (4): 541–553. DOI: 10.1016/j.ijar.2010.12.004
16. Shcherbakov V.V., Shulzhenko T.G. Strategic priorities for regulating the orientation and intensity of cargo flows in the new macroeconomic situation. *Railway transport*. 2022; (9): 51–55.
17. Shcherbakov V.V. Digital logistics is the key to the transformation of cooperation chains. *Izvestia of St. Petersburg State Economic University*. 2022; 6 (138): 132–137.

Информация об авторе:

Дун Даомин, аспирант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург, 583536651@qq.com

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/007-018>

EDN: <https://elibrary.ru/IZJIFU>

Дата поступления:
10.02.2025

Одобрена после рецензирования:
14.04.2025

Принята к публикации:
15.05.2025

Научная статья

УДК 338.439

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/019-031>

EDN: <https://elibrary.ru/JAFGSP>

Теоретические аспекты исследования проблем обеспечения национальной продовольственной безопасности в современных экономических и геополитических условиях

Латкин Александр Павлович

Ян Вэйсинь

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. Представлены результаты исследований жизненно важной проблемы для современного этапа развития российской экономики в новых геополитических условиях. Основной акцент сделан на обеспечении национальной продовольственной безопасности как ключевого фактора сохранения и развития человеческого капитала, достижения стратегической цели увеличения продолжительности жизни населения путем улучшения ее качества. На основе обобщения фундаментальных и прикладных трудов зарубежных и отечественных авторов систематизированы теоретические подходы к определению понятия «национальная продовольственная безопасность», определены наиболее приемлемые из них к современному исследовательскому управленческому процессу. Представлены современные оценки отечественных исследователей по обеспечению продовольственной безопасности России с учетом пороговых значений собственного продовольственного производства и импорта продуктов питания из других стран, а также SWOT-анализ обеспечения национальной продовольственной безопасности Приморского края с учетом новых внешних угроз. Предложено авторское определение продовольственной обеспеченности и продовольственной безопасности для регионального уровня. Выявлены особенности обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне и определено место регионов Дальнего Востока в общероссийском рейтинге.

Ключевые слова: продовольственная обеспеченность, продовольственная безопасность, национальный и региональный уровень, определение, обеспечение, теоретические подходы, проблемы, факторы, SWOT-анализ.

Для цитирования: Латкин А.П., Ян Вэйсинь. Теоретические аспекты исследования проблем обеспечения национальной продовольственной безопасности в современных экономических и геополитических условиях // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 19–31. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/019-031>. EDN: <https://elibrary.ru/JAFGSP>

Original article

Theoretical aspects of the study of problems of ensuring national food security in modern economic and geopolitical conditions

Alexandr P. Latkin

Yan Weixin

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

© Латкин А.П., 2025

© Ян Вэйсинь, 2025

Abstract. *The article is devoted to the results of research of a vital problem for the current stage of development of the Russian economy in new geopolitical conditions. The authors mainly focus on ensuring national food security as a key factor in preserving and developing human capital, achieving the strategic goal of increasing life expectancy by improving its quality. Based on the generalization of fundamental and applied works of foreign and domestic authors, theoretical approaches to defining the concept of "national food security" are systematized, the most acceptable of them for the modern research management process are determined. The article presents modern assessments of domestic researchers on ensuring food security in Russia, taking into account the threshold values of domestic food production and import of food products from other countries, as well as a SWOT analysis of ensuring national food security in Primorsky region, taking into account new external threats. The author's definition of food security and food security for the regional level is proposed. The features of ensuring food security at the regional level and the place of the Far East regions in the all-Russian rating are revealed.*

Keywords: food security, food safety, national and regional level, definition, provision, theoretical approaches, problems, factors, SWOT analysis.

For citation: Latkin A.P., Yan Weixin. Theoretical aspects of the study of problems of ensuring national food security in modern economic and geopolitical conditions // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 2. P. 19–31. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/019-031>. EDN: <https://elibrary.ru/JAFGSP>

Введение

В процессе развития общества понимание проблемы обеспечения продовольственной безопасности и подходы к ее решению в разных странах имели свою специфику, обусловленную уровнем разделения труда, преобладающим технологическим укладом, качеством жизни населения, национальными и природно-климатическими особенностями, геополитическими условиями.

В 80-х гг. XX в. стало очевидно, что достижение продовольственной безопасности на национальном уровне не гарантирует ее наличие на региональном. В разной степени концепция передачи ответственности за продовольственную безопасность от государства к регионам была обсуждена в работах таких авторов, как М. Портер, Дж. Кейнс и М. Трейси, где установлено, что международные и межрегиональные связи в области продовольственной безопасности становятся все более важными, способствуя разработке единых стандартов и глобальному мониторингу в этой сфере.

Важно подчеркнуть, что на протяжении последних лет подходы к пониманию сути продовольственной безопасности как цели продовольственной обеспеченности претерпели значительные изменения. Это варьировалось от осознания проблемы снижения объемов производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, а также зависимости от импорта до стремления к снижению импортозависимости, достижению экономической и физической доступности продовольствия для населения и увеличению объемов экспорта.

Так, в Доктрине продовольственной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ в 2010 г., продовольственная безопасность была признана важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности, определены ее стратегическая цель, показатели для каждой сферы потребления, производства, национальной конкурентоспособности и сферы организации управления. Однако в условиях усиления санкционной политики США и стран Запада возникла необходимость актуализации этой Доктрины. Утвержденная в январе 2020 г.

и действующая до настоящего времени, ее новая редакция базируется на рациональном подходе к решению проблемы продовольственной безопасности, основывается не только на создании базы для национального производства продуктов питания, но и на формировании сбалансированного сочетания собственных и импортных продовольственных ресурсов, которые обеспечивали бы социальную стабильность в обществе [1, 2]. Обоснование такого подхода и соответствующей государственной политики составляет одну из актуальных научных проблем в современных геополитических условиях, решение которой является целью настоящего исследования.

Методология исследования базируется на теории регионального развития, фундаментальных и прикладных научных трудах зарубежных и отечественных авторов по проблематике продовольственной безопасности, в том числе на мезоуровне. Используются абстрактно-логический, диалектический, экономико-статистический и другие методы.

Основная часть

1. Теоретические подходы к определению категорий «продовольственная обеспеченность» и «продовольственная безопасность»

До настоящего времени в научной среде утвердилось мнение о том, что понятия «продовольственная безопасность» и «продовольственное обеспечение» являются взаимозаменяемыми. Существует точка зрения, что английский термин «food security», который впервые получил широкое распространение на Всемирной конференции по продовольственным проблемам в Риме в 1974 г., имеет двусмысленный перевод: его можно трактовать как продовольственная безопасность или продовольственное обеспечение [3].

На наш взгляд, такой подход не является корректным, потому что слово «food» с английского языка однозначно переводится как продовольствие, а слово «security» как безопасность. Соответственно, категории «продовольственная безопасность» и «продовольственное обеспечение» – достаточно близки по смысловому содержанию, а вот по сущности таковыми не являются.

Авторы работы [4] выделяют продовольственную безопасность как один из ключевых аспектов продовольственного обеспечения общества. Основные положения этого понятия заключаются в следующем:

- продовольственная безопасность в первую очередь отражает экономические отношения, возникающие в условиях кризиса;
- продовольственная безопасность является лишь одной из сторон более широкого понятия – продовольственного обеспечения общества;
- продовольственное обеспечение общества представляет собой способность государства удовлетворять потребности всего населения, как в обычных, так и в чрезвычайных ситуациях, в продуктах питания, основываясь на научно обоснованных нормах и используя собственные ресурсы и рационально организованный импорт [4, 5].

Похожую точку зрения высказывает В.А. Богомолов, который определяет продовольственную безопасность как способность государства и общества на протяжении длительного времени обеспечивать население продуктами питания

в необходимом количестве и качестве, достаточном для здорового физического и социального развития каждого человека в обычных условиях, а также минимально необходимым для поддержания здоровья и работоспособности в условиях чрезвычайных продовольственных ситуаций [6].

Авторы настоящей статьи разделяют научную позицию М.А. Блока о том, что «продовольственную безопасность следует рассматривать как цель продовольственного обеспечения территории соответствующего уровня», а также Д.А. Афанасьевой, утверждающей, что продовольственная безопасность подразумевает наличие защиты от потенциального дефицита питания для населения в соответствии с медицинскими нормами и не требует при этом полной самодостаточности в обеспечении продовольствием [7, 8].

Сделанное теоретическое обобщение исследований за многолетний период позволяет систематизировать основные подходы к определению продовольственной безопасности (табл. 1).

Таблица 1

Теоретические подходы к определению понятия «национальная продовольственная безопасность»

Подход	Содержание подхода	Автор понятия
Экономический	Акцентирует внимание на доступности продовольствия и его ценах. Продовольственная безопасность определяется через возможность населения обеспечить себя достаточным количеством продуктов питания по доступным ценам при обязательном учете таких аспектов, как покупательская способность, уровень дохода и цены на продовольствие	К. Маркс, А. Маршал, М. Познер, Р. Вернон, М. Портер
Социальный	Фокусируется на социальном неравенстве и доступе к продовольствию среди различных групп населения. Продовольственная безопасность рассматривается как статус, при котором все группы, включая уязвимые категории населения, имеют достаточный доступ к безопасной и питательной пище	П. Алстон, М. Алтиер, О.А. Готов
Экологический	Акцентирует внимание на устойчивом использовании агрономических ресурсов, сохранении биоразнообразия и экологичности продукции сельского хозяйства. Продовольственная безопасность подразумевает способность систем питания выживать и адаптироваться к экологическим вызовам, таким как изменение климата	Л.С. Чешинский, И. Воробьев, А.В. Ситников, Н. Свирейко
Управленческий	Определяющая роль органов власти и местных сообществ заключается в обеспечении продовольственной безопасности. Включает в себя приоритеты, цели и задачи государственной политики, стратегий и программ, направленных на поддержание продовольственной безопасности на местном и национальном уровнях	Д.И. Менделеев, С.Ю. Витте, С. Дзасаров, С.Г. Афанасьев, И. Ушачев, И. Щербак

Подход	Содержание подхода	Автор понятия
Системный	Продовольственная безопасность рассматривается как часть более широкой агропродовольственной системы, в которой учитываются взаимодействия между производством, переработкой, распределением и потреблением продовольствия, при учете взаимосвязи и влияния экономических, социальных и экологических факторов	Ю.С. Хромов, А.И. Алтухов, Г.С. Бондарева, Ф.И. Загирова, В.Г. Агаев, В.В. Гусев
Нормативно-правовой	Рассматривает продовольственную безопасность через призму прав человека, уделяя внимание достаточному и безопасному питанию. Подчеркивает важность доступа к продовольствию как основному правовому и социальному обязательству	Всеобщая декларация прав человека (1948). Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания (1974). ФАО (Food agriculture organization)

Источник: сост. авторами.

Признавая масштабность и значительную ретроспективу приведенных в таблице исследований, следует отметить высокую теоретическую и практическую значимость экономического, социального и системного подходов, основные положения которых результативно используются в новейшей истории России, в том числе в современных геополитических условиях.

2. Национальная продовольственная безопасность России в контексте новых внешних угроз

В российской экономической науке проблема обеспечения продовольствием населения имеет значительный исследовательский и управленческий опыт.

Одним из первых комплексных исследований проблемы обеспечения продовольственной безопасности можно считать труды Ю.С. Хромова, в которых анализируются ее национальные и международные аспекты. По его мнению, в конце 70-х гг. после глобальных продовольственных кризисов политика национальной продовольственной безопасности стала ключевым приоритетом во многих странах, в том числе и СССР. При этом проблему продовольственной безопасности в странах с особыми географическими и климатическими условиями, к которым относится и Россия, предлагается рассматривать в контексте взаимодействия с другими регионами страны и приграничными дружественными странами [9].

Еще одной проблемой является наличие в России регионов с отсталым уровнем экономики. Подчеркивается, что в этих регионах наблюдается низкий уровень потребления продовольственных товаров. При этом жители тратят значительные суммы на еду, однако качество питания не оправдывает этих затрат. Данная ситуация обусловлена общими социально-экономическими трудностями,

с которыми сталкиваются регионы с слабо развитыми агропромышленными секторами или находящиеся вдали от основных транспортных маршрутов [1].

На наш взгляд, национальная продовольственная безопасность, рассматриваемая как экономическая категория, отражает совокупность общественных отношений в конкретном государстве, касающихся обеспечения всех его граждан продуктами питания, которые соответствуют установленным стандартам качества и количества.

Следует признать, что на протяжении последних лет подходы к пониманию сути национальной продовольственной безопасности, критериев и показателей ее оценки, а также механизмов обеспечения претерпели значительные изменения. Это варьировалось от осознания проблемы снижения объемов производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, а также зависимости от импорта до стремления к снижению импортозависимости, самообеспеченности основными видами сельскохозяйственной продукции, достижению экономической и физической доступности продовольствия для населения и увеличению объемов экспорта.

Важно также отметить еще один аспект продовольственной безопасности: доступ населения к продуктам питания влияет на продолжительность жизни, здоровье и воспроизводство населения. Как справедливо подчеркивает Б.В. Бадюев, продовольственная безопасность является основой обеспечения права человека на жизнь [10].

Изучение характеристик обеспечения национальной продовольственной безопасности на различных этапах развития международного разделения труда представляет собой важную тему, особенно в свете постоянных изменений в глобальной экономике и влияния глобализации на продовольственные системы. По существующим оценкам – в России уровень продовольственной безопасности составляет от 65 до 75 %; это означает, что доля импорта продуктов питания колеблется от 25 до 35 %. В некоторых, особенно крупных приграничных с КНР, регионах страны импорт может достигать примерно 50–60 % [2].

По мнению Е. Устиновой, баланс продовольственных ресурсов, необходимый для обеспечения продовольственной безопасности России и оптимального экспорта в энергетических единицах по направлениям их формирования и использования, должен быть следующим: производство для продовольственных нужд – 70 %, импорт – 15 %, экспорт – 15 % [11].

Несмотря на то, что предлагаемый баланс продовольственных ресурсов может показаться обоснованным, по мнению авторов настоящего исследования, существуют важные аргументы в пользу более гибкого и адаптивного подхода. Во-первых, чрезмерная зависимость от внутреннего производства может привести к излишнему риску, особенно в условиях современной динамики природно-климатических изменений, стихийных бедствий, а также нарастающих антироссийских санкций и других факторов, способных негативно сказаться на стабильности ежегодного производства сельскохозяйственной продукции и водных биологических ресурсов.

Во-вторых, принимающие рамки на импорт могут ограничить доступ потребителей к разнообразным и качественным продуктам, что негативно скажется на питании населения, демотивируя принципы здорового и разнообразного питания.

В-третьих, жесткие ограничения на экспорт могут препятствовать развитию отечественных производств, которые могли бы успешно конкурировать на международных рынках и способствовать увеличению доходов фермеров и агропредприятий. Импортзамещение не всегда является панацеей; многие рынки требуют адаптации и готовности к изменениям, чтобы сохранить конкурентоспособность.

Правомерность этих аргументов доказывается анализом развития в Приморском крае сельского хозяйства, где постоянно возникает риск потери продукции ввиду непредвиденных засух или обильных дождей и есть угроза продовольственной безопасности [2].

По предварительным подсчетам в настоящее время от фактического потребления уровень самообеспеченности Приморского края составляет: картофель – 83,9%, овощи – 55,3%, молоко – 44,9%, мясо – 40,3%, яйцо – 58,4%, масло растительное – 61,9%. По предварительной статистической информации за 2023 г. выпуск продукции сельского хозяйства всеми сельхозпроизводителями (сельскохозяйственные организации, хозяйства населения, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели) составил 85,1% в сопоставимой оценке к уровню 2022 г., отрасль растениеводства – 82,3%, отрасль животноводства – 89,5% [12].

С учетом перечисленных положений и в интересах актуализации существующих стратегий и программ национального социально-экономического развития в предстоящий среднесрочный период на основании изучения сильных и слабых сторон системы региональной продовольственной безопасности края авторами был произведен SWOT-анализ системы продовольственной безопасности Приморского края (табл. 2).

Представленные в таблице данные позволяют выявить стратегические направления государственной политики обеспечения продовольственной безопасности, а также разработать меры по уменьшению выявленных рисков и угроз.

Таблица 2

SWOT-анализ обеспечения продовольственной безопасности региональных социально-экономических систем России (на примере Приморского края)

Среда	Позитивное воздействие	Негативное воздействие
Внутренняя	<i>Сильные стороны:</i> 1. Обширные сельскохозяйственные ресурсы. Россия обладает большими площадями сельскохозяйственных угодий, а также разнообразием климатических зон, что позволяет производить широкий спектр сельскохозяйственной продукции. 2. Потенциал для увеличения производства. Существуют значительные резервы для повышения производительности и расширения производства как в растениеводстве, так и животноводстве.	<i>Слабые стороны:</i> 1. Зависимость от импорта. Некоторые продукты питания (например, фрукты, овощи, сыры) всё еще в значительной степени зависят от импорта, что делает систему уязвимой к внешним изменениям. 2. Неравномерное распределение производства. Географическая концентрация сельскохозяйственного производства в определенных регионах может привести к локальным дефицитам и перебоям в поставках.

Окончание табл. 2

Среда	Позитивное воздействие	Негативное воздействие
	3. Поддержка со стороны государства. Наличие государственных программ и субсидий, направленных на развитие аграрного сектора, поддержку фермеров и модернизацию технологий. 4. Разнообразие природных ресурсов. Природные ресурсы России, такие как вода и полезные ископаемые, могут быть использованы для сельского хозяйства и технологии его поддержки	3. Проблемы с качеством и безопасностью продукции. Наличие разнообразных проблем с качеством и безопасностью продовольствия, что может негативно сказаться на здоровье населения и доверии к отечественным продуктам. 4. Недостаточная инфраструктура. Устаревшая транспортная и логистическая инфраструктура может привести к потерям на всех этапах поставки и сбыта продуктов питания
Внешняя	<i>Возможности:</i> 1. Развитие агротехнологий. Внедрение инновационных технологий, таких как прецизионное сельское хозяйство, может повысить эффективность производства и устойчивость к изменениям климата. 2. Увеличение экспорта. Потенциал для увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции, особенно в условиях глобального спроса на качественные и безопасные продукты. 3. Спрос на экологически чистые продукты. Растущий интерес со стороны потребителей к органическому и экологическим продуктам питания предоставит новые бизнес-возможности для производителей. 4. Поддержка местного производства. Увеличение интереса к продуктам местного производства и продовольственным системам может привести к росту малых и средних фермерских хозяйств	<i>Угрозы:</i> 1. Изменение климата. Воздействие климатических изменений может негативно повлиять на сельскохозяйственное производство, приводя к сбоям в урожайности. 2. Глобальные экономические нестабильности. Политические и экономические факторы, такие как санкции и торговые войны, могут затруднять доступ к международным рынкам и ресурсам. 3. Снижение интереса к аграрным специальностям. Уменьшение числа молодых специалистов в сельском хозяйстве и неустойчивая экономическая ситуация могут ослабить аграрный сектор. 4. Проблемы социальной неравенности. Увеличение социального неравенства может привести к ограничению доступа определенных групп населения к качественному питанию

Источник: сост. авторами.

Для оценки продовольственной безопасности и перспектив ее укрепления на региональном уровне важно определить факторы, которые оказывают наибольшее влияние на развитие экономических продовольственных систем отдельных регионов, безусловно, имеющих свою специфику экономико-географического положения, природно-климатических условий и отраслевой специализации.

С целью изучения влияния этих факторов на производство основных сельскохозяйственных товаров все субъекты Российской Федерации можно разде-

лить на группы в зависимости от климатической зоны, площади сельскохозяйственных земель и потенциала водных биологических ресурсов. На наш взгляд, именно эти факторы определяют возможный уровень собственной продовольственной обеспеченности того или иного региона.

В целом, по мнению авторов, можно выделить три типа регионов по уровню продовольственной безопасности:

- производящие регионы; характеризуются высоким качеством и разнообразием производимой продовольственной продукции, предложение превышает спрос, что приводит к образованию излишков, которые экспортируются;
- самообеспечиваемые регионы; производственные ресурсы полностью удовлетворяют потребности региона в продуктах питания, торговые излишки отсутствуют;
- потребляющие регионы; территориальные особенности не позволяют обеспечить потребности населения в продуктах питания, дефицит продовольствия компенсируется за счет импорта из других регионов.

3. Особенности обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне

В разной степени концепция передачи ответственности за продовольственную безопасность от государства к регионам была обсуждена в работах таких авторов, как М. Портер, Дж. Кейнс и М. Трейси, где установлено, что международные и межрегиональные связи становятся все более важными, способствуя разработке единых стандартов и глобальному мониторингу в этой сфере. В России исследования проблемы обеспечения продовольственной безопасности на уровне регионов проводили В. Боев, В. Алтухов, В. Милосердов, Д. Вермель, И. Гусманов, М.П. Демина, М.К. Баскова, В.И. Самаруха, В.Ю. Баганов, В.М. Рыков, Е.Н. Антамошкина, В.Ф. Гранкина, А.П. Потапова, В.В. Рау, Л.С. Ревенко и др.

Признавая теоретическую и прикладную значимость перечисленных исследований в формировании государственной региональной политики, включая разработку в XXI столетии целой системы федеральных законов, стратегий и программ приоритетного развития северных и дальневосточных регионов, следует отметить недостаточность исследований проблемы обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне для ее успешного решения в условиях, происходящих в последние годы радикальных изменений внешней среды.

С учетом современных тенденций мирового и национального развития в контексте прошедшего несколько лет назад периода распространения в большинстве стран пандемии COVID-19, а также осуществляемых странами Запада и США масштабных антироссийских санкций, на наш взгляд, правомерно следующее определение: продовольственная обеспеченность региональных социально-экономических систем – это способность регионов, обладающих необходимыми продовольственными ресурсами, потенциалом и гарантиями, самостоятельно удовлетворять потребности своего населения в пище, питьевой воде и других продуктах питания, с учетом природно-климатических факторов, определяемых их географическим положением. Это должно осуществляться вне зависимости от внешних и внутренних факторов или угроз в объемах, качестве и разно-

образии, необходимых для физического и социального развития личности, поддержания здоровья и устойчивого воспроизводства населения. При этом необходимо учитывать не только внутренние ресурсы и возможности региона, но и межрегиональное взаимодействие, а также сотрудничество с приграничными странами.

Для удобства присвоим каждому типу региона соответствующий цвет согласно Национальному стандарту Российской Федерации ГОСТ Р 22.3.13–2018 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Руководство по цветовым кодам опасности»; для обозначения уровня опасности используются красный, жёлтый и зелёный цвета (и промежуточные по тону).

По мнению авторов, исходя из проведенного анализа фактического потребления и рационального потребления населением необходимых продуктов уровня, а также существующего уровня производства основных видов сельскохозяйственной продукции [13] регионы Дальнего Востока распределяются следующим образом:

- зелёный уровень; регионы характеризуются высоким качеством и разнообразием производимой продовольственной продукции, предложение превышает спрос, что приводит к образованию излишков, которые экспортируются в другие регионы страны и за рубеж;

- жёлтый уровень; производственные ресурсы полностью удовлетворяют потребности региона в продуктах питания, торговые излишки отсутствуют, регион обеспечивает собственным производством существующие потребности населения в продуктах питания;

- оранжевый уровень; обеспечение продовольствием по отдельным категориям продуктов питания осуществляется в регионе на уровне, позволяющем осуществлять вывоз в другие регионы и за рубеж, однако по широкому перечню продовольственных товаров производство в регионе не осуществляется или присутствует в критически малых объемах. Это связано в основном либо с территориальными, либо с природно-климатическими особенностями региона;

- красный уровень; территориальные и природно-климатические особенности региона не позволяют обеспечить потребности населения в продуктах питания, дефицит продовольствия компенсируется за счет импорта из других регионов.

По оценкам авторов, распределение регионов Дальневосточного федерального округа по уровням продовольственной безопасности представлено в табл. 3.

Таблица 3

**Распределение регионов Дальневосточного федерального округа
по уровням продовольственной безопасности**

Исследуемый регион	Цветовая характеристика	Основные преимущества
Приморский край	Зеленый уровень	Развитый агропромышленный комплекс, наличие разнообразных сельскохозяйственных производств и хорошая транспортная логистика
Хабаровский край	Зеленый уровень	Наличие стабильно функционирующего сельскохозяйственного сектора и активные поставки продукции

Исследуемый регион	Цветовая характеристика	Основные преимущества
Амурская область	Желтый уровень	Удовлетворительный уровень местного производства, но есть зависимости от импорта некоторых товаров
Сахалинская область	Желтый уровень	Определенный уровень местного производства, но с высокой зависимостью от поступлений из других регионов
Республика Бурятия	Желтый уровень	Достаточно развитый аграрный сектор, который включает в себя как животноводство, так и растениеводство. Регион производит определенное количество пищевых продуктов, которые удовлетворяют часть местного спроса. Однако существует потребность в модернизации сельскохозяйственного производства и технологий, сложности с логистикой, особенно в удаленных районах
Еврейская автономная область	Оранжевый уровень	Недостаток собственного производства и высокая зависимость от поставок из других регионов
Республика Саха (Якутия)	Оранжевый уровень	Сложные климатические условия с ограниченными возможностями для сельскохозяйственного производства, затрудняющие доступность продовольствия
Камчатский край	Оранжевый уровень	Ограниченные сельскохозяйственные ресурсы и высокая зависимость от импорта
Забайкальский край	Оранжевый уровень	Высокие климатические риски, недостаток инфраструктуры и зависимость от поставок из других регионов. Несмотря на наличие ресурсов для развития сельского хозяйства, уровень продовольственной безопасности остается неустойчивым, что делает регион уязвимым к рыночным колебаниям и внешним угрозам
Чукотский автономный округ	Красный уровень	Крайне низкий уровень продовольственного производства, высокая зависимость от импорта и сложные логистические условия
Магаданская область	Красный уровень	Продолжительная зависимость от внешних поставок, ограниченные возможности для местного сельского хозяйства из-за суровых климатических условий и удаленности региона снижают доступность и разнообразие продуктов питания. В условиях высокой стоимости доставки и логистических сложностей уровень местного производства остается низким

Источник: сост. авторами.

Приведенная оценка подчеркивает значительную дифференциацию регионов Дальнего Востока по уровню продовольственной безопасности и демонстрирует необходимость разработки адаптивных стратегий для повышения устойчивости и безопасности продовольственного обеспечения в каждом из них.

Заключение

Представленные в статье теоретико-методологические обобщения подходов зарубежных и отечественных исследователей разных исторических периодов общественного развития к определению политико-экономических категорий «национальная продовольственная обеспеченность» и «национальная продовольственная безопасность» служат основанием для совершенствования российской государственной политики сохранения и улучшения человеческого капитала в условиях новых внешних угроз. Принципиально значимым является вывод о том, что продовольственную безопасность в исследовательском и управленческом процессах следует рассматривать как стратегическую цель продовольственного обеспечения страны и ее регионов с учетом экономико-географического положения и природно-климатических особенностей последних. Сделанный авторами SWOT-анализ обеспечения национальной продовольственной безопасности, проведенная типологизация российских регионов по ее достигнутому уровню, а также оценка по этому параметру всех дальневосточных субъектов РФ заслуживают внимания при формировании национальной и региональной стратегий социально-экономического развития на период 2025–2030 гг. и более отдаленную перспективу.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/>
2. Мельников Б.А. Потребление продовольственных товаров в регионах Российской Федерации // Продовольственная политика и безопасность. 2021. Т. 11, № 2. С. 309–334.
3. Алексеева С.А. Диверсификация государственной поддержки для обеспечения продовольственной безопасности: дис. ... канд. экон. наук / Алексеева С.А. Москва, 2014. 175 с.
4. Продовольственное обеспечение – закономерность развития общества: методология, теория, практика / под ред. В.Д. Борисовой. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2003. С. 91.
5. Бондаренко Л.В., Яковлева О.А., Симановский Н.А. Потребление продуктов питания в России: нормативный подход к регулированию // АПК: Экономика, управление. 2021. № 12. С. 13–27.
6. Гончарова О.Ю., Чернушкова К.Г. Продовольственная безопасность современной России: проблемы и пути их решения // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14, № 15.
7. Блок М.А. Совершенствование системы управления продовольственным обеспечением региона: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Блок М.А. Орел, 2004.
8. Афанасьева Д.А. Современное состояние продовольственной безопасности в России как фактор политического риска в аграрном комплексе // Фундаментальное научное знание. 2020. Т. 10, № 1. С. 72–76.
9. Анищенко А.Н., Шутьков А.А. Проблемы реализации Доктрины продовольственной безопасности России // Продовольственная политика и безопасность. 2021. Т. 8, № 1. С. 19–23.

10. Бадюев Б.В. Продовольственная безопасность Японии: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Бадюев Б.В. Москва, 2007.
11. Устинова Е.В. Повышение устойчивости рынка продовольствия и его безопасность в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Устинова Екатерина Владиславовна. Москва, 2008.
12. Основные итоги социально-экономического развития Приморского края за 2023 год. URL: http://monitoring.zspk.gov.ru/файл/3119518/Отчет_Губернатора_ПК-pdf
13. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 21.01.2020 No. 20 "On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation". *ConsultantPlus*. URL: <https://www.consultant.ru/>
2. Melnikov B.A. Consumption of food products in the regions of the Russian Federation. *Food policy and security*. 2021; 11 (2): 309–334.
3. Alekseeva S.A. Diversification of state support to ensure food security: dis. ... cand. econ. Sciences / Alekseeva S.A. Moscow; 2014. 175 p.
4. Food provision is a regularity of the development of society: methodology, theory, practice / ed. V.D. Borisova. Penza: PSPU named after V.G. Belinsky; 2003. P. 91.
5. Bondarenko L.V., Yakovleva O.A., Simanovsky N.A. Food consumption in Russia: a normative approach to regulation. *AIC: Economics, management*. 2021; (12): 13–27.
6. Goncharova O.Yu., Chernushkova K.G. Food security of modern Russia: problems and ways to solve them. *Bulletin of Eurasian Science*. 2022; 14 (15).
7. Block M.A. Improving the food supply management system of the region: dis. ... cand. econ. Sciences: 08.00.05 / Blok M.A. Eagle; 2004.
8. Afanasyeva D.A. The current state of food security in Russia as a factor of political risk in the agricultural complex. *Fundamental scientific knowledge*. 2020; 10 (1): 72–76.
9. Anishchenko A.N., Shutkov A.A. Problems of implementation of the Doctrine of Food Security of Russia. *Food Policy and Security*. 2021; 8 (1): 19–23.
10. Baduev B.V. Food Security of Japan: ref. dis. ... cand. econ. Sciences / Baduev B.V. Moscow; 2007.
11. Ustinova E.V. Improving the stability of the food market and its safety in Russia: ref. dis. ... cand. econ. Sciences / Ustinova Ekaterina Vladislavovna. Moscow; 2008.
12. The main results of the socio-economic development of the Primorsky Territory for 2023. URL: http://monitoring.zspk.gov.ru/файл/3119518/Отчет_Губернатора_ПК-pdf
13. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Информация об авторах:

Латкин Александр Петрович, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

Ян Вэйсинь, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, 513207123@qq.com

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/019-031>

EDN: <https://elibrary.ru/JAFGSP>

Дата поступления:
14.02.2025

Одобрена после рецензирования:
21.02.2025

Принята к публикации:
15.05.2025

Научная статья

УДК 332.15

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/032-046>

EDN: <https://elibrary.ru/JUNFRX>

Оценка инвестиционной привлекательности дальневосточных регионов России для китайских инвесторов

Бризицкая Анна Валентиновна

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. Иностранные инвестиции играют все большую роль в социально-экономическом развитии Дальневосточного федерального округа (ДФО). Поэтому создание условий, благоприятствующих их привлечению, является важным элементом региональной политики. Рассматриваются такие понятия, как инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал и инвестиционный климат региона. Обосновываются их отличия с точки зрения методики оценки. Проводится оценка инвестиционной привлекательности регионов Дальневосточного федерального округа как совокупности объективных экономических, социальных, природно-географических и других свойств, имеющих высокую значимость для привлечения китайских инвестиций. В основе исследования – инвестиционные рейтинги российских регионов от «Эксперт РА», Национального рейтингового агентства и российско-китайский инвестиционный индекс российских регионов (Индекс A1). Кроме того, анализируются мнения российских и китайских экспертов из представителей власти и научного сообщества. Определяются как наиболее привлекательные для китайских инвесторов дальневосточные регионы, так и самые непопулярные. Рассматривается одна из главных причин, тормозящих приход на Дальний Восток китайских инвесторов, – демографический фактор.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, инвестиционный рейтинг, регион, Дальний Восток России, оценка, инвестиционный индекс.

Для цитирования: Бризицкая А.В. Оценка инвестиционной привлекательности дальневосточных регионов России для китайских инвесторов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 32–46. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/032-046>. EDN: <https://elibrary.ru/JUNFRX>

Original article

Assessment of the investment attractiveness of Russia's Far Eastern regions for Chinese investors

Anna V. Brizitskaya

Far Eastern Federal University
Vladivostok. Russia

Abstract. The paper considers such concepts as "investment attractiveness", "investment potential" and "investment climate" of the region. Their differences are substantiated from the point of view of the assessment methodology. The investment attractiveness of the Far Eastern Federal District regions is assessed as a set of objective economic, social, natural, geographical and other properties of the region that are of high importance for attracting Chinese investment. The study is based on investment ratings of Russian regions from Expert-RA, the National Rating Agency, and the Russian-Chinese Investment Index of Russian Regions (A1 Index). In addition, the opinions of Russian and Chinese experts from government representatives and the scientific community are analyzed. The Far Eastern regions are identified as the most attractive for Chinese inves-

tors, as well as the most unpopular. One of the main reasons hindering the arrival of Chinese investors to the Far East is the demographic factor.

Keywords: *investment attractiveness, investment potential, investment rating, region, Russian Far East, assessment, investment index.*

For citation: *Brizitskaya A.V. Assessment of the investment attractiveness of Russia's Far Eastern regions for Chinese investors // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 32–46. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/032-046>. EDN: <https://elibrary.ru/JUNFRX>*

Введение

Иностранные инвестиции играют все большую роль в социально-экономическом развитии Дальневосточного федерального округа (ДФО). Поэтому создание условий, благоприятствующих их привлечению, является важным элементом региональной политики. Чтобы понимать, какие мероприятия необходимо включать в региональные программы развития, нужно определиться с теми факторами, которые лежат в основе принятия решений о вложении инвестиций со стороны иностранного инвестора. В связи с активизацией политики «поворота на Восток» со стороны российского государства все больше внимание уделяется инвестициям из Китая. Традиционно в России привлекательными для иностранных инвестиций являются Москва и Санкт-Петербург, а также Московская область. Китайский капитал не является исключением. Статистика по его региональному распределению показывает, что центральный регион занимает лидирующие позиции в притоке инвестиций из Китая [1]. Поэтому актуальным представляется формулировка составляющих инвестиционной привлекательности Дальнего Востока России именно для китайских инвесторов.

Цель работы – оценить инвестиционную привлекательность дальневосточных регионов РФ с точки зрения китайских инвесторов. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: формулировка принципиальных различий таких понятий, как инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал и инвестиционный климат региона; характеристика основных методик оценки инвестиционной привлекательности, представленных в научной литературе и практике рейтинговых агентств и организаций; оценка инвестиционной привлекательности регионов Дальнего Востока России с помощью рассмотренных методик; обобщение результатов оценки с точки зрения китайских инвесторов.

Основная часть

В российской литературе достаточно часто такие понятия, как инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал и инвестиционный климат, используются как синонимы и включают в себя различные количественные и качественные параметры привлекательности региона. Так, по мнению В.В. Литвина, Л.Ш. Янгильбаева, Л.С. Валинурова и О.Б. Казакова, инвестиционная привлекательность отражает эффективность инвестиций и фактически является тождественной инвестиционному климату. Даже рейтинговое агентство «Эксперт РА» на своем сайте дает следующее определение: «Инвестиционная привлекательность тождественна понятию инвестиционный климат и включает в себя инвестиционный потенциал (объективные возможности страны) и инвестицион-

ный риск (условия деятельности инвестора)» [2]. Вероятно, такой подход основан на международной инвестиционной практике портфельных инвестиций, когда под инвестиционной привлекательностью или инвестиционным климатом объекта (территории, региона, организации) обычно понимается лишь совокупность некоммерческих рисков «вхождения» инвестора в данный регион (некоммерческие риски непосредственно связаны с прямыми или косвенными действиями принимающего государства, которые причиняют ущерб иностранным инвесторам, осуществившим капиталовложения в экономику страны-реципиента) [3].

Другой подход заключается в том, что инвестиционная привлекательность региона наряду с инвестиционной активностью в нём является лишь одним из структурных элементов инвестиционного климата, т.е. понятие климата шире. При этом под инвестиционной активностью понимается «интенсивность привлечения инвестиций в основной капитал региона» [4]. Данный подход реализован в методике Совета по изучению производительных сил (СОПС) страны; его придерживаются такие авторы, как Г.П. Подшиваленко, А. Шахназаров, И. Ройзман, И. Гришина, Л.И. Журова, Д.Е. Адрианова, В.В. Кирюхин.

Однако нужно понимать, что понятия инвестиционного климата, привлекательности и потенциала существенно различаются, если рассматривать их с точки зрения методологии проведения анализа и подбора системы анализируемых показателей и качественных характеристик. В своей работе автор исходит из того, что инвестиционный климат включает как объективные возможности региона (инвестиционный потенциал), так и условия деятельности инвестора (инвестиционный риск). Кроме того, инвестиционная привлекательность – это, скорее, субъективное понятие, которое сильно зависит от типа инвестора и его целей, а инвестиционный климат – это, скорее, объективное понятие, поскольку отражает тенденции, влияющие на всех участников инвестиционного процесса.

Таким образом, объектом данного исследования является инвестиционная привлекательность регионов ДФО как совокупность объективных экономических, социальных, природно-географических и других свойств, имеющих высокую значимость для привлечения иностранных инвестиций.

В китайской литературе тоже есть такое понятие, как инвестиционный потенциал региона (投资潜力), и набор факторов, формирующих его, довольно стандартный: инновационный, природно-ресурсный, производственный, финансовый, трудовой, институциональный, инфраструктурный, туристский и потребительский потенциалы. При этом каждая из составляющих характеризуется комплексом определенных индикаторов.

Автор принципиально не берет отдельно в расчет инвестиционные риски, так как нерыночные (внешние) риски (политические, законодательные, таможенные, налоговые и т.д.) иностранный инвестор оценивает в целом по стране, куда он планирует зайти со своими вложениями. В свою очередь, риски рыночного (внутрирегионального) характера уже «заложены» в определенные факторы инвестиционной привлекательности. Например, при оценке инфраструктурных показателей можно сразу просчитать потери от низкого уровня развития в регионе транспортно-логистической системы и высоких транспортных тарифов.

В научной литературе и практике рейтинговых агентств и организаций можно найти различные методики оценки инвестиционного потенциала территории. Все они принципиально отличаются используемыми методами:

- методы экономико-математического анализа;
- методы факторного анализа экономических показателей;
- методы экспертных оценок.

Каждый из этих методов обладает как преимуществами (например, использование только объективных статистических данных), так и недостатками (например, субъективизм экспертных оценок). Однако практика международного инвестирования показывает, что иностранный инвестор вряд ли будет сам подбирать какой-то научный метод для анализа инвестиционной привлекательности и потенциала той территории, куда он планирует вложить свои средства. Во-первых, он обратится к тем оценкам, которые уже проведены и доступны в публичном доступе (как национальным, так и международным). Во-вторых, он может прислушаться к мнению экспертов и проанализировать опыт других инвесторов, которые уже вышли на изучаемый им рынок. В-третьих, чтобы быть абсолютно уверенным, инвестор может самостоятельно собрать какую-то важную именно для его бизнеса первичную информацию.

Именно в такой логике проведена оценка инвестиционной привлекательности регионов Дальнего Востока России.

Официальные результаты оценки инвестиционной привлекательности регионов

В России наиболее распространенные рейтинги инвестиционной привлекательности регионов составляются рейтинговым агентством «Эксперт РА» и Национальным рейтинговым агентством (НРА).

«Эксперт РА» проводит оценку инвестиционной привлекательности, основываясь на расчете 64 показателей, сгруппированных в пять блоков: инфраструктурные, экономические, социальные, финансовые ресурсы и состояние окружающей среды. Наибольший вес среди данных блоков занимают инфраструктурные и социальные ресурсы, имеющие существенное значение для инвесторов. Для расчетов применяются последние годовые статистические данные Федеральной службы государственной статистики, Центрального банка Российской Федерации, Федерального казначейства, Минфина России, МВД России, ЕМИСС. По итогам интегральной оценки регионы относят к трем группам инвестиционной привлекательности: А (высокий), В (средний) и С (низкий). В свою очередь, группы А и В поделены еще на три подгруппы [2].

Для анализа инвестиционной привлекательности регионов ДФО взят период с 2021 по 2023 г. (табл. 1).

Экономическая нестабильность и санкционные ограничения в 2022–2023 гг. оказывали давление на все российские регионы и требовали принятия от них новых решений. На Дальнем Востоке сохранить свои позиции, а в ряде случаев и улучшить удалось 2/3 регионов. Преимущественно шаг движения составил не более чем один уровень как в положительную, так и отрицательную сторону. Впечатляют результаты Приморского края, который вошел в пятерку лиде-

ров российских регионов с наивысшим уровнем инвестиционной привлекательности (А-1).

Таблица 1

Распределение регионов ДФО агентством «Эксперт РА» по уровням инвестиционной привлекательности

Регион	Уровень инвестиционной привлекательности			Изменение уровня инвестиционной привлекательности, 2023/2022
	2021	2022	2023	
Амурская область	В-1	А-3	В-1	Понижен
Еврейская АО	С	С	В-3	Повышен
Забайкальский край	В-3	В-3	В-3	Подтвержден
Камчатский край	В-2	В-1	В-1	Подтвержден
Магаданская область	А-2	В-2	В-3	Понижен
Приморский край	А-2	А-1	А-1	Подтвержден
Республика Саха (Якутия)	В-2	В-3	С	Понижен
Республика Бурятия	С	С	В-3	Повышен
Сахалинская область	А-2	А-2	А-2	Подтвержден
Хабаровский край	В-2	В-3	В-3	Подтвержден
Чукотский АО	В-1	В-2	В-1	Повышен

Источник: сост. автором по [5–7].

Если смотреть в разрезе рейтинга на составляющие, то лидерами в интегральных оценках в 2023 г. оказались следующие дальневосточные регионы (вошли в топ-10 регионов с наиболее высокими оценками):

- по инфраструктурным ресурсам (40 % от общего рейтинга) – Камчатский край, Сахалинская область и Чукотский АО;
- по социальным ресурсам (30 % от общего рейтинга) – Приморский край;
- по экономическим ресурсам (10 % от общего рейтинга) – Республика Саха (Якутия);
- по финансовым ресурсам (40 % от общего рейтинга) – Амурская область, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия).

Что касается состояния окружающей среды (10 % от общего рейтинга), дальневосточные регионы попали в антирейтинг с самыми низкими интегральными оценками в этой сфере (Еврейская АО, Приморский край, Магаданская и Сахалинская области) [6].

Национальное рейтинговое агентство (НРА) рассматривает семь ключевых факторов региональной инвестиционной привлекательности: географическое положение и природные ресурсы, трудовые ресурсы региона, региональную

инфраструктуру, внутренний рынок региона (потенциал регионального спроса), производственный потенциал региональной экономики, институциональную среду и социально-политическую стабильность, устойчивость регионального бюджета и предприятий региона. Для оценки перечисленных факторов инвестиционной привлекательности используется набор из 56 показателей, собираемых на основе официальной информации Росстата и статистики федеральных ведомств: Минфина, Банка России, Минсвязи, МВД и Минприроды. Используются также опросы предпринимательского сообщества, позволяющие оценить показатели инвестиционной привлекательности, не измеряемые количественно, и экспертные оценки, применяемые при изучении факторов инвестиционной привлекательности региона, статистика по которым не ведется или не публикуется в открытом доступе.

В результате все российские регионы ранжируются агентством по величине совокупного инвестиционного потенциала и уровню интегрального инвестиционного риска на три большие категории [8]:

- категория «Высокий уровень инвестиционной привлекательности» (группы IC1, IC2, IC3);
- категория «Средний уровень инвестиционной привлекательности» (группы IC4, IC5, IC6);
- категория «Умеренный уровень инвестиционной привлекательности» (группы IC7, IC8, IC9).

В исследовании за 2023 г. лидерами по инвестиционной привлекательности среди регионов ДФО, по версии НРА, стали Магаданская и Сахалинская области, а также Чукотский АО (все перечисленные регионы относятся к группе IC3). Высокие оценки всех трех регионов связаны со схожим набором факторов: наличием ценных природных ресурсов, высокими доходами населения и в целом лидирующими позициями по показателям развития экономики в пересчете на душу населения [9].

В 2022 г. количество дальневосточных регионов среди лидеров исследования было еще больше, однако из-за негативной динамики по ряду показателей Амурская область, Приморский край, Республика Саха (Якутия) и Хабаровский край переместились за год в категорию средней инвестиционной привлекательности (группа IC4). В этой же группе свои стабильные позиции сохранил Камчатский край. В числе регионов ДФО с умеренной инвестиционной привлекательностью представлены Забайкальский край, Республика Бурятия и Еврейская АО (табл. 2).

Отдельно хотелось бы отметить появившийся относительно недавно *российско-китайский инвестиционный индекс российских регионов (Индекс А1)*. Анонсируют, что начиная с 2024 г. он будет ежеквартально рассчитываться Институтом Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) совместно с Национальным координационным центром международного делового сотрудничества и инвестиционной компанией А1 и публиковаться в России и Китае. На апрель 2025 г. вышло 2 выпуска – за 1-й и 2-й кварталы 2024 г. В основу Индекса А1 положены 2 критерия: анализ текущей деятельности компаний с китайским

капиталом в регионах РФ (К1) и оценка инвестиционной привлекательности регионов РФ (К2), в которую включен рассмотренный выше рейтинг от НРА. Полученные результаты по каждому из регионов будут являться индексом благоприятных инвестиционных возможностей для китайского бизнеса и свидетельствовать либо о повышенном, либо о пониженном внимании китайских инвесторов к субъекту РФ [11].

Таблица 2

Итоги оценки НРА инвестиционной привлекательности дальневосточных регионов России в 2021–2023 гг.

Регион	Место в ДФО, 2023	Уровень инвест. привлекательности, 2023	Изменение уровня инвестиционной привлекательности, 2023/2022	Место в РФ, 2023	Место в РФ, 2021	Уровень инвест. привлекательности, 2021
Магаданская область	1	IC3	Подтвержден	8	7	IC3
Сахалинская область	2	IC3	Понижен	9	6	IC2
Чукотский АО	3	IC3	Подтвержден	12	16	IC3
Амурская область	4	IC4	Понижен	36	20	IC3
Камчатский край	5	IC4	Подтвержден	33	29	IC4
Приморский край	6	IC4	Понижен	26	23	IC3
Республика Саха (Якутия)	7	IC4	Понижен	37	17	IC3
Хабаровский край	8	IC4	Понижен	29	21	IC3
Забайкальский край	9	IC7	Повышен	71	75	IC8
Республика Бурятия	10	IC7	Повышен	68	78	IC8
Еврейская автономная область	11	IC8	Понижен	74	61	IC6

Источник: сост. автором по [9, 10].

Таким образом, по результатам 1-го квартала 2024 г. в топ-10 регионов по индексу А1 попали 5 дальневосточных регионов. Причем Амурская область оказалась на 1-м месте и обогнала даже Москву. Среди субъектов Большой Сибири (Сибирско-Дальневосточной части РФ) пятерку лидеров также занимают регионы ДФО (рис. 1) [11].

Значения Индекса А1 для топ-10 регионов РФ

Субъект РФ	Показатель
Амурская область	53,84
г. Москва	47,32
Еврейская автономная область	44,97
г. Санкт-Петербург и Ленинградская область	41,18
Московская область	41,14
Республика Татарстан (Татарстан)	40,26
Магаданская область	38,52
Сахалинская область	37,07
Приморский край	36,51
Новосибирская область	36,21

Значения Индекса А1 для регионов Большой Сибири

Субъект РФ	Показатель
Амурская область	53,84
Еврейская автономная область	44,97
Магаданская область	38,52
Сахалинская область	37,07
Приморский край	36,51
Новосибирская область	36,21
Хабаровский край	34,98
Красноярский край	32,57
Республика Саха (Якутия)	31,89
Камчатский край	31,19
Забайкальский край	29,21
Иркутская область	27,75
Томская область	27,71
Кемеровская область	25,62
Омская область	25,51
Алтайский край	21,06
Республика Бурятия	19,09
Республика Хакасия	16,74

Рис. 1. Российско-китайский инвестиционный индекс российских регионов в 1-м квартале 2024 г.

Амурская область и Приморский край привлекают китайских инвесторов, прежде всего, как крупные торговые хабы. Здесь сосредоточено самое большое количество торговых компаний из Китая. Как показывают результаты рейтинга за 2-й квартал 2024 г., наиболее перспективным направлением ведения бизнеса в РФ китайские инвесторы видят именно торговую сферу. Из топ-10 популярных отраслей виды торговой деятельности занимают восемь позиций [12]. При этом предприниматели из КНР отдают большее предпочтение розничной и оптовой торговле потребительскими товарами, а также дистрибуции продуктов питания. Привлекательными сферами бизнеса китайцы в том числе считают сельское и лесное хозяйство, пищевую промышленность, транспорт и логистику, добычу и переработку полезных ископаемых.

Обобщая три представленных подхода к оценке инвестиционного потенциала дальневосточных регионов, можно отметить, что по всем расчетам наиболее привлекательными для иностранных инвесторов являются Амурская и Сахалинская области, а также Приморский край; в аутсайдерах – Республика Бурятия и Забайкальский край. Однако если смотреть на тенденции изменения инвестиционных условий в регионах, то информация у разных разработчиков рейтинга довольно противоречива (например, «Эксперт РА» в 2023 г. повышает рейтинг Еврейской АО, НРА понижает его, а в индексе А1 область вообще находится на 3-м месте в России по привлекательности, правда, для китайских инвесторов).

Скорее всего, бизнес из Китая будет ориентироваться на российско-китайский инвестиционный индекс A1, который публикуется на китайском языке. Но, так как выпусков данного индекса пока было всего два, им может понадобиться и дополнительная информация.

Оценки экспертов

Представители власти как с российской, так и китайской стороны говорят о том, что Дальний Восток России становится ключевым регионом для реализации масштабных инвестиционных проектов [13]. Это обусловлено, во-первых, деятельностью Правительства Российской Федерации, которое активно развивает социальную и промышленную инфраструктуру, создавая новые точки роста экономики и повышая качество жизни населения, во-вторых, значительным объемом инвестиций резидентов в экономику ДФО, которые превышают 9 трлн руб. и свидетельствуют о высоком доверии собственного бизнеса к региону и его потенциалу.

Важным элементом успешной реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке являются механизмы государственной поддержки, такие как льготные налоговые режимы, субсидии, инфраструктурные кредиты и упрощенные административные процедуры. Эти меры позволяют снизить риски для инвесторов и ускорить окупаемость проектов. Особое внимание уделяется развитию территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток, которые уже доказали свою эффективность в привлечении бизнеса [14].

Если оценивать мнения экспертов из научной и бизнес-среды, то здесь отзывы о привлекательности ДФО не такие однозначные. Так, директор Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) РАН А. Бахтизин утверждает, что одна из основных проблем Дальнего Востока – это сокращение населения. С 2000 по 2023 г. оно уменьшилось более чем на 10 %, и по этому показателю ДФО находится в антилидерах среди других округов страны. Отдельную сложность представляют такие параметры проживания в регионе, как обеспеченность жильем (по общей площади помещений, приходящихся на одного человека, ДФО занимает предпоследнее место в стране, а по вводу квартир – последнее) и дороговизна жизни (цены на продукты питания, услуги и транспорт, а также инфляция в регионе традиционно выше общероссийского показателя). Расчеты с использованием демографической модели «Цифровой двойник России» показали, что без принятия соответствующих мер регионы ДФО за следующие 10 лет могут потерять дополнительно около 8 % населения. ДФО также не имеет существенных связей с остальной частью страны, и это создает риски ее целостности и дополнительную угрозу национальной безопасности, – полагает А. Бахтизин [15].

Исполнительный декан Института финансовых исследований «Чунъян» при Китайском международном университете Ван Вэнь 11 сентября 2023 г. на сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай», которая проходила на Восточном экономическом форуме (ВЭФ), заявил, что в Дальний Восток вкладывают слишком мало инвестиций: за 11 отчетных лет деятельности полпреда Ю. Трутнева в регионе вложено 3,4 трлн руб. инвестиций; это всего около 30 млрд долл. США. Для сравнения, согласно китайской статистике, внутренние инвестиции в одну лишь граничащую с Россией китайскую провинцию

Хэйлунцзян за 6 месяцев 2023 г. составили 174 млрд юаней – это примерно 2,2 трлн руб. по текущему курсу, т.е. 65% от того, что Россия смогла обеспечить для всего Дальнего Востока за 11 лет. Иностранные инвестиции в Хэйлунцзян в 2022 г. составили в пересчете на рубли по текущему курсу американского доллара 122 млрд руб. (1,29 млрд долл. США) [16]. При этом Ван Вэнь отметил, что в настоящее время развитие региона в основном связано с жилищным строительством и развитием инфраструктуры. Декан подчеркнул, что изменений в регионе почти нет, хотя потенциал для этого огромный.

Первичная информация для инвестора

Чтобы понимать в целом обстановку в планируемом для инвестиций регионе, инвестор может самостоятельно собрать какую-то важную именно для его бизнеса первичную информацию. Это может быть что-то специфичное (например, размеры вагонного парка железной дороги для логистической компании), но может и что-то общее, важное для любого бизнеса. В публичном доступе можно найти публикации Федеральной службы государственной статистики РФ, в которых представлены статистические материалы как в целом по стране, так и в разрезе российских регионов. Рассмотрим динамику некоторых экономических показателей, которые дают общее представление о ДФО в сравнении со среднероссийским уровнем (2024 г. (по первой оценке), %, к 2023 г.) (табл. 3).

Таблица 3

Динамика экономических показателей ДФО в сравнении с общероссийскими

Показатель	РФ	ДФО	Лучший регион в ДФО по показателю	Худший регион в ДФО по показателю
Индекс промышленного производства	104,6*	102,7	Чукотский АО, Республика Саха (Якутия) (108,5)	Камчатский край (84,1)
Индекс производства по видам экономической деятельности:	99,1	108,5	Республика Бурятия (114,4)	Амурская обл. (89,2)
– добыча полезных ископаемых				
– обрабатывающие производства	103,9	100,3	Чукотский АО (в 2,4 раза)	Камчатский край (77)
Индексы производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий:	96,8	96,7	Хабаровский край (101,3)	Магаданская область (85,8)
– сельское хозяйство				
– растениеводство	93,5	96,9	Чукотский АО (109,9)	Забайкальский край (81,5)
– животноводство	100,9	96,5	Хабаровский край (104,5)	Чукотский АО (85,9)

Окончание табл. 3

Показатель	РФ	ДФО	Лучший регион в ДФО по показателю	Худший регион в ДФО по показателю
Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство»	102,1	94,7	Хабаровский край (111,8)	Чукотский АО (64)
Оборот розничной торговли	107,2	107,1	Магаданская обл., Еврейская АО (111,7)	Забайкальский край (102,9)
Оборот оптовой торговли	106,8	100,2	Сахалинская обл. (111,7)	Камчатский край (88,4)

Примечание: * – курсивом выделено более высокое значение.

Источник: сост. автором по [17].

Практически по всем выбранным показателям за 2024 г. на Дальнем Востоке динамика хуже, чем в среднем по стране. Особенно отстают в развитии такие регионы, как Камчатский край, Забайкальский край и Чукотский АО. Хотя последний выделился в 2024 г. хорошим ростом обрабатывающего производства и растениеводства.

Для анализа общих социальных показателей был взят дайджест Восточного центра государственного планирования «Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа» (2024). Основные выводы по данному исследованию представлены на рис. 2.

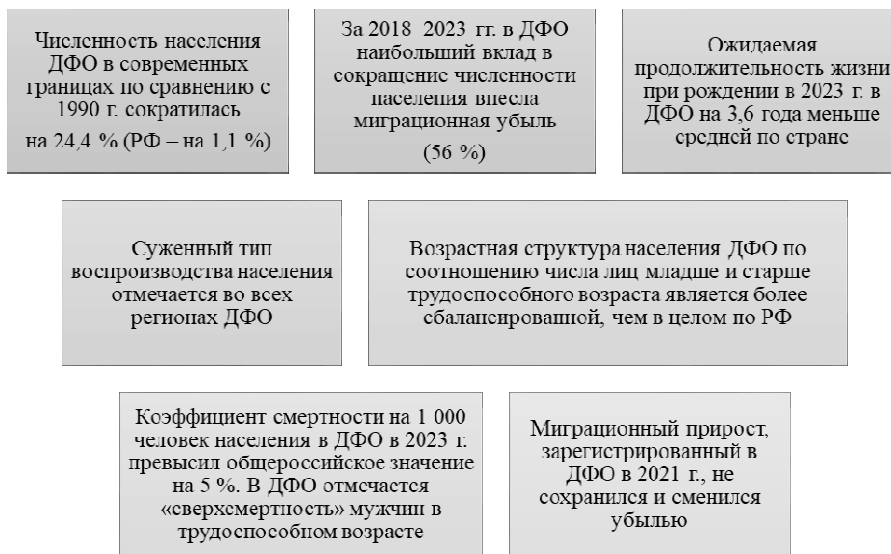

Рис. 2. Демографическая ситуация в ДФО в 2023 г.

Источник: сост. автором по [18].

На 01.01.2024 г. численность населения ДФО составила 7,866 млн человек. Система расселения в округе имеет очаговый характер. Большая часть (75 %) проживает в южной части макрорегиона (Республике Бурятия, Забайкальском, Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Еврейской автономной областях). Все эти регионы (кроме Бурятии) являются приграничными с Китаем. И на другой стороне границы в трех соседних провинциях Китая проживает 110 млн человек.

Негативная в целом картина наблюдается также в показателях, характеризующих социальную сферу дальневосточных регионов (рис. 3).

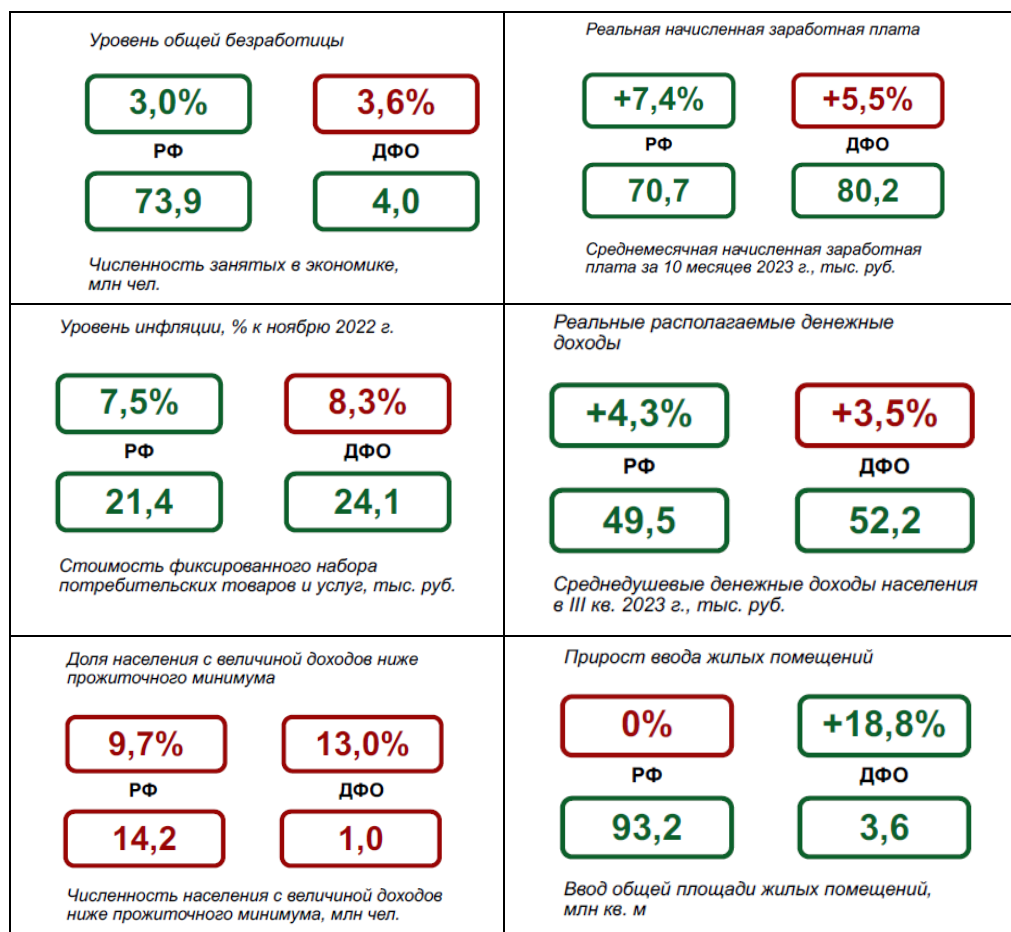

Рис. 3. Результаты социального развития регионов Дальнего Востока России в 2023 г.

Источник: сост. автором по [19].

Таким образом, представленные данные подтверждают активную работу властей по созданию инфраструктуры на Дальнем Востоке. Однако пока условия жизни не располагают к тому, чтобы люди оставались в регионе. Объективные показатели экономического развития дальневосточных регионов носят

скорее положительный характер, а вот демографические и социальные индикаторы по большей части находятся в отрицательной зоне. В связи с этим среди стандартного набора факторов, формирующих инвестиционную привлекательность Дальнего Востока России, в качестве тормозящего приток иностранных инвестиций из Китая автор выделяет именно социально-демографический фактор. По нашему мнению, именно отсутствие рабочих рук – одна из главных причин, которая мешает иностранным инвесторам развернуться на Дальнем Востоке. К этому же выводу пришли эксперты ЦЭМИ РАН, чье мнение представлено выше.

Заключение

Вследствие того, что в 2024 г. представители КНР стали лидерами по числу регистраций компаний в России, именно китайские инвестиции становятся приоритетными в политике привлечения иностранного капитала в нашу страну. Дальний Восток со своими богатыми природными ресурсами и удачным транзитным местоположением давно привлекает инвесторов из Китая. Однако есть ряд факторов, которые не позволяют в полной мере реализовать весь имеющийся в ДФО потенциал. Во-первых, степень развития территорий региона очень сильно дифференцирована: если южные районы (Приморский край, Амурская область, Хабаровский край, Еврейская ОА) характеризуются относительно существенными масштабами и интенсивностью хозяйственной деятельности, то северные территории традиционно отстают в своем развитии. Во-вторых, серьезной проблемой, снижающей инвестиционную привлекательность региона, является отток населения с Дальнего Востока. Если имеющиеся тенденции продолжатся, то в перспективных проектах, на которые все возлагают надежды (как с российской, так и китайской стороны), просто некому будет работать. В-третьих, в силу своего местоположения развитие региона требует гораздо больших вложений, чем сейчас предлагается государством. Причем надежда на иностранных инвесторов здесь может быть напрасной, так как стратегия национальной безопасности требует присутствия именно российского бизнеса в важных сферах дальневосточных регионов.

Список источников

1. Бризицкая А.В. Инвестиционное сотрудничество России и Китая: проблемы и направления развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 1. С. 108–119.
2. Рейтинговое агентство «Эксперт РА». URL: <http://www.raexpert.ru>
3. Лях А.П., Бондаренко Н.А. Инвестиционная привлекательность региона и ее составляющие // Ученые заметки ТОГУ. 2015. Т. 6, № 4 С. 753–757. URL: https://ejournal.togudv.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_6_257.pdf
4. Гришина И.В., Шахназаров А.Г., Ройзман И.И. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализа взаимосвязей // Инвестиции в России. 2001. № 4. С. 5–16.
5. Инвестиционная привлекательность регионов: государство поддержало статус-кво. Ноябрь, 2022. URL: <https://investfunds.ru/analytics/329688/download/>

6. Инвестиционная привлекательность регионов: новые вызовы и возможности для инвесторов. 07.10.2024. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/invest_regions_2024/#part7
7. Инвестиционная привлекательность регионов: рокировка позиций в новых условиях. Октябрь, 2023. URL: <https://raexpert.ru/docbank/b81/899/6e7/cc772ca3e954a8ba2aef919.pdf>
8. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России. URL: <https://www.investinregions.ru/ratings/ra-national/>
9. Оценка инвестпривлекательности регионов России в контексте перехода к устойчивому развитию // XI ежегодный аналитический отчет. Москва, 2023. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=102269&p=attachment>
10. X ежегодная оценка инвестиционной привлекательности регионов России. Москва, 2022. URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2022/12/region_invest_2022.pdf
11. Российско-китайский инвестиционный индекс. 1 кв. 2024. URL: <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/34c04537.pdf>
12. Российско-китайский инвестиционный индекс. 2 кв. 2024. URL: <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/68c2254b.pdf>
13. Инвестиции Китая в российские регионы Дальнего Востока в 2025 году могут достигнуть 1 трлн рублей. URL: https://media-talk.ru/news/economics/investitsii_kitaya_v_rossiyskie_regiony_dalnego_vostoka_v_2025_godu_mogut_dostignut_1_trln_rubley/
14. Васильев Ю.В. Реализация инвестиционного потенциала Дальнего Востока. URL: https://stav.ranepa.ru/news/vasilev-yu-v-realizatsiya-investitsionnogo-potentsiala-dalnego-vostoka/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
15. Непростой макрорегион: в 2023 году объем инвестиций в ДФО составит 2,4 трлн рублей. URL: <https://deloros.ru/press-centr/publikacii/neprostoymakroregion-v-2023-godu-obem-investitsiy-v-dfo-sostavit-2-4-trln-rubley/>
16. Козлов А. Как один китаец разгромил всё развитие российского Дальнего Востока за 11 лет. URL: <https://www.chita.ru/text/world/2023/09/13/72700889>
17. Социально-экономическое положение России // Стат. сборник. Росстат. 2024. № 12. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf>
18. Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа. Москва: ФАНУ «Востокгосплан». 2024. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf
19. Результаты социально-экономического развития регионов Дальнего Востока в 2023 году и прогнозный период до 2026 года. Москва: ФАНУ «Востокгосплан». 2024. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/rezultati_ser_regionov_dfo_v_2023_do_2026.pdf

References

1. Brizitskaya A.V. Investment cooperation between Russia and China: problems and directions of development. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2023; (1): 108–119.
2. Expert RA Rating Agency. URL: <http://www.raexpert.ru>
3. Lyakh A.P., Bondarenko N.A. Investment attractiveness of the region and its components. *Scientific notes of TOGU*. 2015; 6 (4): 753–757. URL: https://ejournal.togudv.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_6_257.pdf
4. Grishina I.V., Shakhnazarov A.G., Roizman I.I. Comprehensive assessment of investment attractiveness and investment activity of Russian regions: a methodology for determining and analyzing relationships. *Investments in Russia*. 2001; (4): 5–16.
5. Investment attractiveness of the regions: the state supported the status quo. November, 2022. URL: <https://investfunds.ru/analytics/329688/download/>

6. Investment attractiveness of the regions: new challenges and opportunities for investors. 07.10.2024. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/invest_regions_2024/#part7
7. Investment attractiveness of the regions: castling of positions in new conditions. October, 2023. URL: <https://raexpert.ru/docbank/b81/899/6e7/cc772ca3e954a8ba2aef919.pdf>
8. Rating of investment attractiveness of Russian regions. URL: <https://www.investinregions.ru/ratings/ra-national/>
9. Assessment of the investment attractiveness of Russian regions in the context of the transition to sustainable development. *XI Annual analytical report*. Moscow; 2023. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=102269&p=attachment>
10. X annual assessment of the investment attractiveness of Russian regions. Moscow; 2022. URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2022/12/region_invest_2022.pdf
11. Russian-Chinese Investment Index Q1 2024. URL: <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/34c04537.pdf>
12. The Russian-Chinese investment Index. 2nd quarter 2024. URL: <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/68c2254b.pdf>
13. China's investments in the Russian regions of the Far East in 2025 may reach 1 trillion rubles. URL: https://media-talk.ru/news/economics/investitsii_kitaya_v_rossiyskie_regiony_dalnego_vostoka_v_2025_godu_mogut_dostignut_1_trln_rublej/
14. Vasiliev Yu.V. Realization of the investment potential of the Far East. URL: https://stav.ranepa.ru/news/vasilev-yu-v-realizatsiya-investitsionnogo-potentsiala-dalnego-vostoka/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
15. A difficult macroregion: in 2023, the volume of investments in the Far Eastern Federal District will amount to 2.4 trillion rubles. URL: <https://deloros.ru/press-centr/publikacii/neprostoymakroregion-v-2023-godu-obem-investitsiy-v-dfo-sostavit-2-4-trln-rublej/>
16. Kozlov A. How one Chinese defeated the entire development of the Russian Far East in 11 years. URL: <https://www.chita.ru/text/world/2023/09/13/72700889>
17. Socio-economic situation of Russia. *Stat. collection. Rosstat*. 2024; (12). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf>
18. Demographic characteristics of the Far Eastern Federal District. Moscow: FANU Vostokgosplan; 2024. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf
19. The results of the socio-economic development of the regions of the Far East in 2023 and the forecast period up to 2026. Moscow: FANU Vostokgosplan; 2024. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/rezultati_ser_regionov_dfo_v_2023_do_2026.pdf

Информация об авторе:

Бризицкая Анна Валентиновна, канд. экон. наук, доцент Департамента социально-экономических исследований и регионального развития Школы экономики и менеджмента, ФГАОУ ВО «ДВФУ», г. Владивосток, brizitskaya.av@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-9436>

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/032-046>

EDN: <https://elibrary.ru/JUNFRX>

Дата поступления:
24.03.2025

Одобрена после рецензирования:
28.04.2025

Принята к публикации:
15.05.2025

Научная статья

УДК 331; 338

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/047-062>

EDN: <https://elibrary.ru/LZFYCY>

Роботизация производства и социализация экономики: состояние, причины и последствия*

Котов Евгений Валериевич

Донецкая академия управления и государственной службы

Донецк. Россия

Аннотация. Рассмотрены проблемы расширения сферы роботизации (автоматизации) процессов производства и раскрыты потенциальные возможности реализации механизма повышения производительности труда и прибыли производственных предприятий. Для понимания сложившихся тенденций и перспектив роботизации проведен анализ состояния и динамики роботизации (автоматизации) производственных процессов в различных странах, выделены страны и отрасли, являющиеся лидерами роботизации производственных процессов и операций. Проанализированы состояние и перспективы роботизации производства в России. Раскрыты перспективные области и формы роботизации (автоматизации) производственных процессов, в том числе с использованием современных технологий искусственного интеллекта. Проведена оценка влияния роботизации производства на социально-экономические параметры развития общества. Показана неоднозначная зависимость скорости процессов и масштабов роботизации от уровней занятости, миграции и оплаты труда. Исследование показало также наличие зависимости между процессами роботизации производства и общим уровнем производственно-экономического развития государства, континентальной географией. Азиатский регион выступает безусловным лидером по плотности роботизированных процессов производства на 10 тысяч занятых, а отдельные страны этого континента лидируют в производстве промышленных роботов. Акцентируется внимание на том, что процессы роботизации производства, остановить или даже затормозить которые уже нельзя, — это уже объективная необходимость. Обоснованы стратегические направления государственной политики в сфере профилактики негативных социально-экономических последствий роботизации.

Ключевые слова: государственное управление, промышленность, роботизация, социализация экономики, социально-экономические последствия, экономическая политика.

Для цитирования: Котов Е.В. Роботизация производства и социализация экономики: состояние, причины и последствия // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/047-062>. EDN: <https://elibrary.ru/LZFYCY>

Original article

Robotization of production and socialization of the economy: current state, causes, and consequences

Evgeny V. Kotov

Donetsk Academy of Management and Public Administration

Donetsk. Russia

* Статья подготовлена в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы «Механизмы социализации государственной экономической политики» (регистрационный номер НИОКТР 124012900542-6) за счет субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) на 2025 г.

© Котов Е.В., 2025

Abstract. *The article examines the challenges of expanding the scope of robotization (automation) in production processes and explores the potential opportunities for implementing this mechanism to enhance labor productivity and profitability in manufacturing enterprises. To understand current trends and prospects of robotization, the authors analyze the state and dynamics of production process automation across various countries, identifying leading nations and industries in the adoption of robotic technologies. The article also evaluates the current status and future prospects of production robotization in Russia. Promising areas and forms of automation, including the use of modern artificial intelligence technologies, are discussed. The study assesses the impact of production robotization on socio-economic development parameters, revealing a complex relationship between the speed and scale of automation and employment levels, migration, and wages. Research also indicates a correlation between robotization and a country's overall industrial-economic development, as well as continental geography. The Asian region stands as the undisputed leader in robot density per 10,000 employees, with several countries dominating industrial robot production. The article emphasizes that the automation of production processes is already an objective necessity, which cannot be stopped or even slowed down. Societies must prepare for its increasing scale and deployment speed, including through the development of state social policies capable of addressing the challenges it poses. In this context, the article outlines strategic directions for government policy aimed at mitigating the negative socio-economic consequences of robotization.*

Keywords: public administration, industry, robotization, socialization of the economy, socio-economic consequences, economic policy.

For citation: Kotov E.V. Robotization of production and socialization of the economy: current state, causes, and consequences // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 2. P. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/047-062>. EDN: <https://elibrary.ru/LZFICY>

Введение

Современные производственные процессы все больше роботизируются (автоматизируются), что вызвано не только чисто экономическими факторами, но и социальными, которые демонстрируют долгосрочную устойчивую актуализацию. Сложились все предпосылки, позволяющие утверждать, что социальные факторы роботизации (автоматизации) процессов производства в настоящее время по приоритетности сравнялись с экономическими. Роботизация стала экономическим и социальным вызовом для современной системы управления социально-экономическим развитием, вызовом, содействующим стимулированию социализации производственно-экономических решений.

Развитие роботизации производства поставило новую глобальную проблему перед человеком как работником и государством как гарантом его безопасности и развития, суть которой заключается в необходимости понять силу и направленность влияния процессов роботизации на условия профессиональной деятельности и возможности профессионального развития индивидуума, а также в определении комплекса профилактических мероприятий, позволяющих снизить/исключить негативные социально-экономические последствия этих процессов.

Выявленная проблема определила цель работы – исследовать особенности развития робототехники и социально-экономические последствия ее влияния на человека, в первую очередь на возможности реализации его профессиональных знаний и навыков как работника.

В соответствии с поставленной целью был определен комплекс задач: проанализировать современное развитие робототехники в сфере промышленного производства; выявить специфические характеристики этого развития и пер-

спективы их сохранения; исследовать социально-экономические последствия роботизации (автоматизации) производственных процессов; обосновать рекомендации по профилактике и преодолению негативных социально-экономических последствий роботизации производства.

Основная часть

Состояние и перспективы мирового рынка робототехники

Страны-лидеры по производству промышленных роботов не всегда являются лидерами по их применению. Крупнейшими производителями промышленных роботов являются Япония, США и Китай; лидер по внедрению роботов – Китай (каждый второй установленный промышленный робот в мире был внедрен в Китае). Но по плотности промышленных роботов на 10 тыс. занятых в 2023 г. указанные страны занимают соответственно пятое, десятое и третье место в мире [1]. Необходимо все же отметить, что лидером-производителем Китай стал не так давно. Десять лет назад подавляющее большинство роботов, используемых в Китае в тот период, было импортировано из США, Японии и Германии [2].

Такое положение стран-лидеров вызвано следующими факторами: глобализацией, когда в поисках дешевой рабочей силы (с целью снижения в себестоимости доли живого труда) производства переносились в другие страны, в том числе в Китай; особенностью внедрения промышленных роботов. Последнее заключается в том, что произведенный промышленный робот не адаптирован под конкретный производственный процесс, поэтому требуется его «доработка»: изготовление рабочего органа и написание программного кода промышленной операции. Поскольку производители промышленных роботов не осуществляют внедрение своих роботов (они их лишь производят), то в цепочке «производитель – потребитель» появляется еще одно звено – посредник, называемый интегратором, который производит все необходимые работы по внедрению промышленного робота в производство. При этом появляется интересная зависимость: стоимость промышленного робота составляет всего одну треть общих затрат по его внедрению, а остальные две трети затрат приходятся на его адаптацию и написание управленческой программы, т.е. на услуги интегратора. Иными словами, затраты на интеграцию промышленного робота в производство в два раза больше, чем его изготовление. Поэтому появление интегратора, осуществляющего индивидуальное программирование и настройку под конкретный производственный процесс, существенно повышает затраты на роботизацию процесса, что при наличии избыточной дешевой рабочей силы может стать серьезным сдерживающим роботизацию фактором.

В тройку лидеров по роботизации промышленных процессов в 2023 г. вошли: Южная Корея (1012 роботов на 10 тыс. занятых в промышленности; в отдельные годы данный показатель превышал среднемировой уровень в восемь раз); Сингапур (770 роботов на 10 тыс. занятых в промышленности); Китай (470 роботов на 10 тыс. занятых в промышленности). При этом у каждого лидера имеются свои особенности. Первое место Южной Кореи (за весь период мониторинга данной проблематики Южная Корея редко уступала лидерство) обусловлено развитием двух ее отраслей – электронной / электротехнической

и автомобильной. По данным Международной федерации робототехники (IFR), именно электронная/электротехническая промышленность (самая наукоемкая отрасль современного машиностроения) и автомобилестроение являются крупнейшими потребителями промышленных роботов.

Особенность второго места Сингапура обусловлена масштабами занятости в промышленности и структурой промышленного сектора. В обрабатывающей промышленности в 2023 г. (за 33 года доля промышленности в экономике сократилась почти в три раза) было занято незначительное количество работников – 503 тыс. человек, или 14,4 % всех занятых. Ведущими же отраслями промышленного сектора экономики Сингапура являются такие роботоемкие отрасли, как машиностроение (производство нефтяного и газового оборудования) и электронная/электротехническая промышленность (производит почти половину всей промышленной продукции в экономике Сингапура).

Китай замыкает тройку лидеров по плотности промышленных роботов на 10 тыс. занятых. Особенностью его третьего места (десятое место среди стран по данному показателю в 2019 г., пятое – в 2022 г. и третье – в 2023 г.), как и скорости продвижения в рейтинге стран, использующих промышленных роботов, являются два фактора: значительная производственная база, которая продолжает расти (за 20 лет доля занятых в промышленности увеличилась на 10 процентных пункта), и значительная государственная поддержка процессов роботизации производства (налоговые льготы для компаний, инвестирующих в робототехнику, субсидии на исследования и разработки, финансирование стартапов в области робототехники и др.). Благодаря этим двум факторам Китай является передовой экономикой, гиперактивно внедряющей роботизацию производственных процессов: рост в 2023 г. в сравнении с 2020 г. – более 60 %; среднегодовые темпы роста промышленных роботов в период 2017–2023 гг. – 13 %.

Обращает на себя внимание тот факт, что страновая идентификация лидеров внедрения промышленных роботов является логическим продолжением географического разреза их использования. Последние годы континентальная география распространения промышленных роботов сформировалась следующим образом: 70 % установлены в Азии, 17 % – в Европе и 10 % – в Америке (Северной и Южной) [3]. Почти три четвертых инсталлированной базы промышленных роботов приходится на азиатский регион, который сохраняет свое лидерство в данном сегменте с 2011 г. Китай является чемпионом по инсталляции промышленных роботов, а Япония – по их производству (4 из 7 ведущих компаний данной отрасли базируются в Японии).

Детализация внутриконтинентального распределения показывает следующее:

1. На рынке промышленных роботов Европейского союза доминируют Германия (36 % рынка ЕС), Италия (16 %) и Франция (13 %). Великобритания после выхода из ЕС имеет чуть более 2,5 тыс. промышленных роботов, что составляет менее десятой части от немецкой доли европейского рынка.

2. В Америке лидируют США, на территории которых сосредоточен 71 % всех роботизированных промышленных установок данного континента. Отраслевое распределение промышленных роботов в США идентично южнокорейскому: автомобильная промышленность – немногим более 37 % (в 2023 г. рост 50

в сравнении с 2018 г. составил почти 50 %); электронная/электротехническая промышленность – более 10 %. На втором месте промышленной роботизации находится Мексика (более 11 %), главным фактором развития которой стала автомобильная промышленность вследствие открытия на ее территории заводов по производству автомобилей: более 40 мировых автомобильных компаний выпускают около 400 моделей автомобилей. Ближайшим конкурентом Мексики в данном сегменте является Бразилия, автопромышленность которой развивается по тем же лекалам.

Россия не входит даже в двадцатку стран по количеству ежегодно устанавливаемых новых промышленных роботов. Разработка и производство промышленных роботов в России осложнены рядом причин: деиндустриализация обрабатывающей промышленности; неразвитость соответствующей инфраструктуры; дешевая рабочая сила (в том числе по причине значительного количества мигрантов), на контрасте с которой стоимость проектов роботизации производства выглядит высокой; необеспеченность элементной базы, состояние которой усугубилось в результате введенных внешних санкций. При этом, исходя из «низкой базы» и потребностей в новых видах производств, потенциал для увеличения плотности роботов (количество промроботов на 10 тыс. занятых) достаточно высокий.

Перспективные направления роботизации производства

Промышленные роботы расширяют не только свои масштабы, но и сферы применения. Специалисты IFR называют четыре ключевых направления развития промышленных роботов [4]:

1. Искусственный интеллект и машинное обучение. Их появление позволяет: создавать новое в результате обучения (самообучения); программировать робота с помощью голоса, вследствие чего искусственный интеллект самостоятельно будет выявлять потенциальные угрозы и предпринимать профилактические меры (оперативно выявлять дефекты, прогнозировать критический износ деталей и механизмов и останавливать работу, сигнализируя человеку, где поломка / износ и какой узел / элемент необходимо заменить). Работникам уже не потребуются специальные навыки программирования для выбора и настройки действий робота, а прогнозируемое техническое обслуживание повысит эксплуатационные характеристики оборудования, в том числе и срок службы, а также обеспечит снижение затрат на простой оборудования. Алгоритмы машинного обучения способны анализировать данные нескольких роботов, как выполняющих однотипные задачи, так и связанных в единую промышленную цепочку, что еще больше повысит качество профилактического обслуживания.

2. Коллаборативные роботы (коботы). Новый тренд роботизации – это расширение сферы взаимодействия человека и робота в решении задач, требующих поднятия тяжестей, повторяющихся движений или работы в опасных условиях. Коботы активно используются в пищевой, металлургической, фармацевтической, химической, электронной и других отраслях промышленности.

Главное преимущество коботов – легкость в перепрограммировании и переоснащении для выполнения новых производственных задач. Они не требуют

значительных затрат на обеспечение безопасности вокруг места их работы, обладают малыми габаритами, легко переносятся на новые участки производства. Вследствие того, что коботы дополняют, а не заменяют традиционные промышленные роботы, которые работают на гораздо более высоких скоростях и выполняют больший спектр функций, перспективным направлением их использования является симбиоз коботов-манипуляторов и автономных мобильных роботов (АМР), перемещающихся без фиксированных маршрутов. Это увеличивает мобильность и самостоятельность коботов, минимизируя их зависимость от человеческого управления.

Социальной особенностью коботов является их высокий потенциал в решении проблем дефицита рабочих кадров, замене низкоквалифицированного труда. Работу сварщика кобот делает быстрее, качественнее и непрерывно; кобот, совмещенный с АМР и внедренный на складе, кратно заменяет физическую силу и ускоряет складские операции.

3. Мобильные манипуляторы. Представляют собой мобильную роботизированную платформу и манипулятор, который выполняет функционал человеческой руки. Позволяют заменить монотонный, опасный или сложный технический человеческий труд. Имеют сравнительно небольшую массу и размер, способны преодолевать препятствия на своем пути. Могут иметь встроенный искусственный интеллект. Широкое применение получили в автомобилестроении, аэрокосмической промышленности, военном деле.

4. Гуманоидные роботы. Представляют собой человекоподобную конструкцию, полностью повторяющую форму человека (туловище, руки, ноги, голова) или только одну его часть (например, выше пояса). Изначально их создание было обусловлено необходимостью создания качественных ортезов (внешнее медицинское приспособление) и протезов (приспособление, используемое вместо утраченного естественного органа и частично или полностью выполняющее функции этого органа). Гуманоидные роботы выступали в качестве подопытных для отработки и разработки персонализированных медицинских средств. В настоящее время ведутся активные исследования по созданию гуманоидных роботов, способных работать на отдельных автомобильных производственных линиях и в производстве электроники для решения задач сборки, сортировки, проверки и обслуживания. Потенциал их использования настолько огромен, а сфера применения настолько масштабна, что общество необходимо готовить к этим трансформациям. Некоторая теоретическая подготовка уже идет: в научной среде начали появляться такие понятия, как трансгуманизм, этика использования андроидов, проводятся постчеловеческие исследования¹.

Социально-экономические аспекты роботизации производства

Социально-экономические аспекты роботизации достаточно неоднозначные. Устоявшееся мнение по данному вопросу заключается в положительном влия-

¹ В 2017 г. в Пенсильванском государственном университете два раза в год стал издаваться академический «Журнал постчеловеческих исследований». В журнале рассматриваются проблемы, связанные с тем, что значит быть человеком в эпоху технологической, научной, культурной и социальной эволюции.

нии роботизации на экономические показатели производства и социальные характеристики общества. Однако научные исследования достаточно скептически подходят к такой оценке, особенно в контексте именно социальных последствий роботизации.

Влияние роботизации производства на занятость, заработную плату и производительность труда в последние десятилетия привлекло внимание многих экономистов. Однозначного мнения, принимаемого всем экономическим научным сообществом, о последствиях влияния роботизации производства на социально-экономическое положение рабочей силы, несмотря на колоссальное количество исследований по данной проблематике, до сих пор не сформировано. Полученные результаты в зависимости от базы исследования, временных параметров и иных факторов влияния могут давать прямо противоположные результаты. Группа ученых, исследуя последствия, связанные с внедрением роботов во Франции в 2010–2015 гг. [5], установила, что увеличение количества внедренных в производство роботов на 20 % приводит к снижению занятости в отрасли внедрения на 3,2 %. В работе [6] было выявлено отрицательное влияние использования промышленных роботов на занятость в США.

А вот ученые Японии, исследуя последствия автоматизации в своей стране, пришли к выводу о том, что увеличение числа роботов на 1 %, вызванное снижением цены на них, увеличивает занятость на 0,28 %. При этом показано, что отраслевые зависимости выше: снижение цены робота на 1 % увеличивает количество внедренных роботов в отдельных отраслях на 1,54 % [7]. Исследования по Германии выявили незначительное отрицательное влияние промышленных роботов на занятость в обрабатывающей промышленности, которое с избытком компенсируется ростом занятости в секторе услуг [8]. Увеличение рабочих мест в Европейском союзе в период 1999–2010 гг. вследствие роботизации выявлено и в работе [9], в которой также сделан вывод о том, что при отсутствии замены физического труда роботизированным Европа потеряла бы более чем 9 млн рабочих.

Однако, несмотря на преимущества роботизации в решении задач автоматизации промышленного производства, в том числе и для самих занятых, многие исследователи отмечают разрушительные социально-экономические последствия данных организационных решений. Так, в исследовании [10] показано, что технический прогресс в форме роботизации производства делает людей более инновационными, производительными и богатыми, но за счет роста безработицы и неравенства доходов. Иными словами, роботизация содействует социально-экономическому расслоению общества, имеющему для отдельных категорий занятых необратимые последствия, преодолеть которые самостоятельно, без помощи близких и/или государства, они уже будут не способны.

Таковыми последствиями становятся перспектива устойчивой потери заработка вследствие недостаточной квалификации. Расчеты, приведенные в работе [11], показывают, что в долгосрочном периоде наиболее уязвимыми категориями являются работники, выполняющие низкоквалифицированную работу. В долгосрочной перспективе (20–50 лет) заработная плата, выплачиваемая за низкоквалифицированный труд, может снизиться на 56 %, а доля данной группы работников в национальном доходе уменьшится с 31 до 8 %.

В разрезе влияния роботизации на заработную плату необходимо еще раз обратить внимание на высокую страновую зависимость получаемых результатов, что свидетельствует и об особенностях промышленной культуры в отдельных странах. В работе [12], в которой был исследован рынок промышленных роботов Японии с 1979 по 2012 г., показано, что увеличение количества роботов на 1% приводит к увеличению среднеотраслевой заработной платы почти на 1%. На основании своих расчетов авторы утверждают, что роботизация производства стимулирует рост занятости.

Существуют исследования, доказывающие и обратную зависимость между заработной платой и роботизацией. Эти исследования, проведенные в азиатском регионе, еще раз подтверждают наличие страновых особенностей роботизации, которые, вероятно, сильно связаны с промышленной культурой. В ранее отмеченной работе [2] показано незначительное влияние минимальной заработной платы на внедрение роботов фирмами в 2004–2007 гг. в Китае и гораздо более существенное и статистически значимое – в 2008–2012 гг.: при увеличении минимальной заработной платы на 10% вероятность внедрения роботов фирмой увеличивается на 0,11 процентных пункта.

Если фактор потребности в роботизации рассмотреть с позиции предложения дешевой рабочей силы, особенно по причине высокого уровня трудовой миграции, то потребность в роботизации производства обуславливается динамикой его роста [13]. Страна с растущим количеством населения увеличивает предложение рабочей силы, стоимость которой снижается ввиду избыточности предложения по отношению к спросу на нее. Вследствие этого норма прибыли (рентабельность) капитала достигает значений достаточных, чтобы демотивировать капитал инвестировать в роботизацию (автоматизацию) производственных процессов. В странах с дешевой рабочей силой норма прибыли инвестиций в автоматизацию довольно низкая, поэтому плотность автоматизации растет медленнее в стране, в которой население растет быстрее. Результаты исследований демонстрируют, что увеличение ежегодных темпов прироста населения на 0,9% снижает объем инвестиций капитала в автоматизацию на 1% [14]. В работе [14] выявлено, что рост численности населения на 1% приводит к снижению темпов роста плотности роботизации (количество промроботов на 10 тыс. занятых) на 2%. Таким образом, между ростом населения и отдельными последствиями роботизации наблюдается обратно пропорциональная зависимость.

Исследования показывают, что социально-экономические последствия роботизации производства неоднозначны и зависят от образования и навыков работника, отрасли (сектора) экономики, в которой они заняты, а также общей экономической и институциональной среды государства. Роботизация производства с высокой долей вероятности приведет к росту занятости на предприятиях и в регионах, которые более технологически развиты, а значит, лучше подготовлены к использованию преимуществ, приносимых технологическим прогрессом. Это подтверждается исследованиями, которые показывают, что регионы с более высокой долей знаний и творческих работников лучше способны адаптироваться к изменениям, вызванным роботизацией производства [15].

Как отмечалось ранее, влияние роботизации на занятость и доходы различается в разных странах и зависит от уровня государственной социальной защиты. В исследовании, направленном на выявление гендерных особенностей роботизации, продемонстрировано: 10-процентное увеличение роботизации приводит к увеличению гендерного разрыва в оплате труда на 1,8%; применение лишь одного инструмента социальной защиты со стороны государства – установление минимальной заработной платы – приводит к сокращению гендерного разрыва в оплате труда примерно на 2% [16]. В работе [17] отмечается, что на скорость роботизации производства оказывают влияние гарантии государства в сфере защиты занятости: если они отсутствуют или не соблюдаются, в том числе со стороны профсоюзов, то темпы внедрения роботов ускоряются. Исследование проводилось по данным 17 стран Европейского союза, Великобритании, США и по девяти отраслям / секторам их экономик.

Эффект замещения труда роботами сильнее в странах с более высокой стоимостью рабочей силы [18]. Поскольку в системе рыночных отношений главным мерилom качества управленческих решений является размер прибыли, полученной от их реализации, то, чем выше уровень оплаты труда, тем сильнее она стимулирует работодателя заменить работника роботом. Дорогой труд быстрее окупает инвестиции в роботизацию, быстрее гарантирует получение прибыли от вложений и снимает социальные обязанности с работодателя. В отдельных исследованиях указывается, что минимальная ставка в 12,5 долл. США позволяет окупить вложения в промышленного робота уже через год его эксплуатации [19].

В связи с тем, что роботизация позволяет сократить производственные затраты, в том числе социального характера, и увеличить прибыль, запрос на роботизацию в сфере производства экономических продуктов достаточно высок. На фоне дефицита оборотных средств у работодателей, которые необходимо в значительном объеме вложить в первые этапы роботизации, и их экономии вследствие врожденной осторожности капитала инвестировать в новое, неизвестное, все большей популярностью пользуется лизинг робототехники. Аренда робототехники позволяет попробовать с наименьшими рисками финансовых потерь возможности и отдачу от роботизации производственных процессов и уже затем принимать решение – завершать или продолжать лизинговые отношения либо запустить процесс приобретения промышленных роботов с полным правом владения.

По оценкам компании For Insight Consultancy, лизинговый рынок робототехники имеет большой потенциал [20]. По ее расчетам среднегодовой темп роста составит 22,8%, что позволит рынку лизинга емкостью в 11,6 млрд долл. США в 2023 г. увеличиться до 48,43 млрд долл. США к 2030 г. Более чем четырехкратному росту, по мнению авторов документа, будет способствовать ряд факторов: рост спроса на роботизацию производства; экономическая эффективность роботизации и гибкость ее внедрения и использования; масштабируемость и возможность «тонкой» настройки; быстрое развертывание и бесшовная интеграция в действующий производственный процесс; сосредоточение на основных компетенциях (преимуществах); эволюция технологических достижений в робототехнике.

Несмотря на перспективы лизинга промышленных роботов консалтинговая компания предупреждает и о наличии сдерживающих факторов, которые могут повлиять на итоговые показатели развития рынка данного вида услуг. Систематизируя информацию анализируемого отчета, в качестве сдерживающих факторов можно выделить: все еще высокую стоимость аренды, которая в ближайшем будущем не планирует снижаться; низкий уровень конфиденциальности при использовании сторонних услуг, что повышает риски утечки секретной коммерческой информации конкурентам; высокую зависимость от лизингодателя и интегратора (наличие последнего ограничивает возможности осуществления контроля и настройки промышленного робота); затраты на интеграцию, которые соизмеримы с приобретением промышленных роботов в полную собственность.

Низкую плотность роботизации промышленного производства в Российской Федерации обуславливают два фактора: низкий уровень оплаты труда и недостаточный уровень научно-технического задела. Оба фактора взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом.

Низкий уровень оплаты труда является фундаментальной причиной низкого уровня роботизации российских производств. Данный параметр для одной совокупности факторов является интегральным, отражая общий уровень состояния их развития, а для другой группы – ключевым фактором, обуславливающим их развитие (к этой группе можно отнести низкий уровень технико-технологического развития). Низкий уровень оплаты труда универсален как для промышленного сектора, где реализовываются роботизированные производственные решения, так и для сектора, где промышленные роботы проектируются и производятся.

Недостаточный уровень научно-технического развития робототехники обусловлен разрушением ранее накопленного потенциала и сравнительно недавним, а поэтому крайне запоздалым выходом на рынок промышленной робототехники. До 2014 г. в России промышленные роботы для автомобилестроения, одной из немногих отраслей, где роботизация процессов – естественная необходимость, производились только в г. Тольятти [21]. Запоздалый выход собственных разработок на рынок промышленной робототехники уже на старте ограничил их использование. Промышленная роботизация – это уже вторая фаза традиционной индустриализации, которая требуеткратно большего объема рынка потребителей, чем предшествующая ей фаза индустриализации [22]. Для успешного развертывания процессов индустриализации необходим рынок емкостью 200–250 млн человек. Для второй фазы, которую можно назвать новой индустриализацией, уже нужен рынок емкостью не менее 500 млн человек. Меньшая емкость рынка не позволит эффективно реинвестировать в научно-технические разработки и повышение плотности промышленной роботизации.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что роботизация промышленного производства может стать одним из механизмов социализации экономики, но при условии сопровождения данных процессов комплексной системой качественных управленческих решений в разных сферах государственной политики. Особен-

ностью этих решений должна стать их ориентация на получение результатов, способствующих снижению социальной напряженности, возникающей вследствие изменения структуры занятости и уровня доходов, профессиональных навыков и знаний работников, вызванных роботизацией производства.

Основное внимание требуется направить на усиление социальной ориентации государственной экономической политики (социализацию экономики). Предложения по ускорению социализации экономики и особенностям их реализации предлагаются следующие:

1. Совершенствование государственной налоговой политики. Стратегическая цель роботизации – это увеличение объемов производства экономического продукта, снижение уровня брака и себестоимости единицы изделия. Интегральным значением всех трех факторов является рост доходов (прибыли), что в условиях частной собственности на средства производства будет увеличивать доходы одной социальной страты и снижать доходы у другой. В результате возникает высокий риск концентрации доходов от роботизации у узкого круга лиц, что приведет к усилению неравенства не только по доходам, но и по другим параметрам, которые в условиях рыночной экономики зависят от ее уровня: услуги в сфере образования, охраны здоровья, отдыха, культуры.

В качестве инструментов противодействия социальному расслоению общества предлагается введение налога на роботов (робот-налог) и/или безусловного базового дохода (ББД). Ни один из названных инструментов не введен на законодательном уровне ни в одной стране мира, и пока они остаются на уровне концепции, которая обсуждается как способ компенсации социальных и экономических последствий роботизации (автоматизации).

Отдельные государства проводили тестовые испытания роботов (социальные эксперименты), результаты которых не доказали необходимости их внедрения. В ЕС налог на роботов активно обсуждается, но не вводится. Это объясняется риском замедления инвестиций в инновации и, как следствие, технологического прогресса. В Южной Корее (лидер роботизации производства) налог на роботов не вводился, но налоговые льготы для компаний, использующих роботизированные системы и технологии, были уменьшены.

Аналогичная ситуация наблюдается с введением безусловного базового дохода. Социальные эксперименты с его выплатой в Финляндии (2017–2018), Германии (2011–2024), Канаде (2020) продемонстрировали отдельные положительные результаты в виде повышения деловой активности и креативности, но необходимых целевых параметров, например повышение занятости, достигнуто не было.

Швейцария была первой страной в мире, где в 2016 г. вопрос о введении ББД вынесли на общенациональное голосование. На референдум были вынесены следующие условия: выплаты на одного взрослого в месяц – 2500 франков (примерно 2800 долл. США на тот момент) и на каждого ребёнка – 625 франков (примерно 700 долл.); полная безусловность выплаты (выплата всем гражданам и легальным резидентам без проверок доходов и трудоустройства). Результат референдума – при явке в 46 % (для Швейцарии, где референдумы проводят очень часто, это стандартный показатель) почти 77 % были против. Однако у данного

результата есть ряд причин, его обусловивших: а) вынесенные на референдум положения не имели четкого плана финансирования ББД; б) Швейцария – крайне осторожная к нововведениям страна (например, при действующем четырехнедельном оплачиваемом отпуске отрицательный результат получил референдум о шестинедельном оплачиваемом отпуске; в) накануне голосования в средствах массовой информации прошла волна скрытой агитации, что ББД приведет к росту «ленивых мигрантов» из других стран.

2. Снижение риска попадания работников в зависимость от роботизации. Результатом реализации данного риска является деградация навыков и потеря критически важных знаний у работников. Это проявляется в разных формах:

а) когда процесс роботизирован, утрачиваются знания о тонкостях производственного процесса (например, в случае поломки работник не сможет заметить робота и продолжить (завершить) процесс вручную или реализовать аналоговые методы контроля за процессом производства; в авиации пилоты теряют навыки ручного управления из-за чрезмерного доверия (использования) автопилоту); теряется интуитивное понимание процессов (например, в производстве металла опытные работники обладали знаниями, как ведёт себя металл при разной температуре, по звуку и цвету пламени определяли готовность сплава; в энергетике инженеры понимали скрытую физику процессов, автомеханики по звуку двигателя выявляли причину поломки);

б) разрушается система наставничества – при роботизированном процессе производства затрудняется передача опыта молодым работникам о реальных процессах и операциях (теряется «живой опыт»);

в) происходит деградация системы профессиональной подготовки кадров (глубокое изучение производственных процессов заменяется обучением «нажимать кнопки», сокращается время на получение знаний из естественных наук: физики, химии, математики).

Недопущение реализации названных рисков становится исключительно важной задачей. По этому поводу в шуточной форме высказался польский писатель и философ, чьи сатирические сентенции известны во всем мире, Станислав Ежи Лец: «Техника достигнет такого совершенства, что человек может обойтись без себя» [23, с. 154]. Противодействие рискам подразумевает:

1. Трансформацию системы образования и переподготовки работников:

– обеспечение углубленного изучения естественных наук в течение всего периода подготовки к профессиональной деятельности и ее реализации;

– развитие «мягких навыков» (soft skills): критическое мышление, эмоциональный интеллект, креативность и другие качества, которые трудно заменить роботами;

– разработка программы оптимизации перечня образовательных программ и программ переобучения (переподготовки) работников, чьи навыки и знания потенциально могут быть заменены робототехникой;

– внедрение инструментов стимулирования обучения в течение жизни через доступные онлайн-курсы, программы повышения квалификации и переподготовки.

2. Проведение политики сбалансированной роботизации с сохранением производственных процессов, требующих ручного труда: продвижение гибридных моделей производства, в которых технологические процессы проектируются таким образом, что роботы полностью не заменяют работника, а дополняют его, кроме работ в опасных и/или вредных условиях труда; в частном секторе поощрение со стороны государства практик, при которых реализовывают промышленные решения в форме сочетания человеческого труда и роботизации (автоматизации) производства. В этом случае частный капитал поощряется не за показатели внедрения робототехники, а за показатели количества сохраненных (дополнительно введенных) рабочих мест при проведении роботизации (автоматизации) производственных операций.

3. Развитие механизма наставничества, при котором происходит передача «живого опыта». Наставник из «ретранслятора» своих «ручных» знаний и опыта становится «аналитиком и интерпретатором», передавая знания и опыт посредством объяснения содержания процессов, учит, как ими управлять, как их контролировать, улучшать в зависимости от имеющихся ресурсов. Наставник уходит от обучения через развитие мышечной памяти и точности движений к системному мышлению, тренировкам ручной работы в «нештатных ситуациях», развитию профессиональной интуиции и способностей вести «диалог с роботом» (как правильно считывать и интерпретировать показания датчиков, предупреждения роботизированной системы и др.).

4. Государственную поддержку и содействие индивидуальной адаптации: внедрение программ экономического и социального стимулирования развития личной ответственности каждого за предпринятые действия по обеспечению адаптации к изменениям.

Список источников

1. World Robotics 2024 – Industrial Robots (2024). International Federation of Robotics. URL: <https://ifr.org/wr-industrial-robots/> (accessed date: 08.04.2025).
2. Haichao F., Yichuan H., Lixin T. Labor costs and the adoption of robots in China // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2021. Vol. 186. P. 608–631. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2020.11.024>
3. Record of 4 Million Robots in Factories Worldwide (2024). International Federation of Robotics. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/record-of-4-million-robots-working-in-factories-worldwide> (accessed date: 08.04.2025).
4. Top 5 Robot Trends 2024 (2024). International Federation of Robotics. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/top-5-robot-trends-2024> (accessed date: 08.04.2025).
5. Acemoglu D., Lelarge Cl., Restrepo P. Competing with Robots: Firm-Level Evidence from France // *AEA Papers and Proceedings*. 2020. Vol. 110. P. 383–388. DOI: 10.1257/pandp.20201003
6. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets // *Journal of Political Economy*. 2020. Vol. 128 (6). P. 2188–2244. URL: <https://doi.org/10.1086/705716>
7. Adachi D., Kawaguchi D., Saito Y. Robots and Employment: Evidence from Japan, 1978–2017, RIETI Discussion Paper Series 20-E-051. 2020. 76 p.

8. The Adjustment of Labor Markets to Robots / D. Wolfgang, F. Sebastian, J. Suedekum, N. Woessner // *Journal of the European Economic Association*. 2021. Vol. 19 (6). P. 3104–3153. URL: <https://doi.org/10.1093/jeea/jvab012>
9. Gregory T., Salomons A., Zierahn Ul. Racing with or against the machine? Evidence on the role of trade in Europe // *Journal of the European Economic Association*. 2022. Vol. 20 (2). P. 869–906. URL: <https://doi.org/10.1093/jeea/jvab040>
10. Brynjolfsson E., McAfee A. *Race Against The Machine: How The Digital Revolution Is Accelerating Innovation, Driving Productivity, and Irreversibly Transforming Employment and The Economy*, Digital Frontier Press. 2011. 98 p.
11. Andrew B., Buffie F., Zanna L.-F. Should we fear the robot revolution? (The correct answer is yes) // *Journal of Monetary Economics*. 2018. Vol. 97. P. 117–148. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.05.014>
12. Dekle R. *Robots and Industrial Labor: Evidence from Japan*. University of Southern California. 2020. 39 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3670356>
13. Katja M., Dario P. Robots and immigration // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2024. Vol. 227. P. 1–25. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2024.106708>
14. Abeliasky A.L., Prettnner K. Automation and population growth: Theory and cross-country evidence // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2023. Vol. 208. P. 345–358. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2023.02.006>
15. Crowley F., Doran J., McCann P. The vulnerability of European regional labour markets to job automation: The role of agglomeration externalities // *Regional Studies*. 2021. Vol. 55 (10–11). P. 1711–1723. URL: <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1928041>
16. Aksoy C., Berkay O., Julia Ph. Robots and the Gender Pay Gap in Europe, IZA Discussion Papers, 2020. № 13482, Institute of Labor Economics (IZA), Bonn, 48 p.
17. Traverso S., Vatierto M., Zaninotto E. Robots and labor regulation: A cross-country/cross-industry analysis // *Economics of Innovation and New Technology*. 2022. Vol. 32 (7). P. 977–999. URL: <https://doi.org/10.1080/10438599.2022.2063122>
18. The impact of robots on labour market transitions in Europe / R. Bachmann, M. Gonschor, P. Lewandowski, K. Madoń // *IBS Working Papers*. 2022. № 1. 62 p. URL: https://ibs.org.pl/wp-content/uploads/2022/01/The-Impact-of-Robots-on-Labour-Market-Transitions-in-Europe-_feb23.pdf (accessed date: 08.04.2025).
19. Искусство манипуляции: промышленная робототехника и интеграция технологий. Дайджест по робототехнике. Центр развития промышленной робототехники. 2024. 115 с. URL: https://innopolis.university/filespublic/digest_6.pdf (дата обращения 08.04.2025).
20. *Robotics as a Service Market Overview (2024)*. For Insight Consultancy. URL: <https://www.forinsightsconsultancy.com/reports/robotics-as-a-service-market/> (accessed date: 08.04.2025).
21. Ермолов И.Л. О роли промышленной робототехники в развитии промышленности России // *Инновации*. 2019. № 10. С. 127–129. DOI: 10.26310/2071-3010.2019.252.10.015
22. Котов Е.В. Некоторые аспекты методического подхода к оценке неоиндустриального развития экономики // *BENEFICIUM*. 2021. № 2 (39). С. 39–47. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.2(39).39-47
23. Станислав Ежи Лец. *Непричесанные мысли* / пер. с польского Вл. Россельса. Москва: Книга, 1991. 323 с.

References

1. World Robotics 2024 – Industrial Robots (2024). International Federation of Robotics. URL: <https://ifr.org/wr-industrial-robots/> (accessed date: 08.04.2025).
2. Haichao F., Yichuan H., Lixin T. Labor costs and the adoption of robots in China. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2021; (186): 608–631. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2020.11.024>
3. Record of 4 Million Robots in Factories Worldwide (2024). International Federation of Robotics. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/record-of-4-million-robots-working-in-factories-worldwide> (accessed date: 08.04.2025).
4. Top 5 Robot Trends 2024 (2024). International Federation of Robotics. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/top-5-robot-trends-2024> (accessed date: 08.04.2025).
5. Acemoglu D., Lelarge Cl., Restrepo P. Competing with Robots: Firm-Level Evidence from France. *AEA Papers and Proceedings*. 2020; (110): 383–388. DOI: 10.1257/pandp.20201003
6. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. *Journal of Political Economy*. 2020; 128 (6): 2188–2244. URL: <https://doi.org/10.1086/705716>
7. Adachi D., Kawaguchi D., Saito Y. Robots and Employment: Evidence from Japan, 1978–2017, RIETI Discussion Paper Series 20-E-051. 2020. 76 p.
8. The Adjustment of Labor Markets to Robots / D. Wolfgang, F. Sebastian, J. Suedekum, N. Woessner. *Journal of the European Economic Association*. 2021; 19 (6): 3104–3153. URL: <https://doi.org/10.1093/jeea/jvab012>
9. Gregory T., Salomons A., Zierahn Ul. Racing with or against the machine? Evidence on the role of trade in Europe. *Journal of the European Economic Association*. 2022; 20 (2): 869–906. URL: <https://doi.org/10.1093/jeea/jvab040>
10. Brynjolfsson E., McAfee A. Race Against The Machine: How The Digital Revolution Is Accelerating Innovation, Driving Productivity, and Irreversibly Transforming Employment and The Economy, Digital Frontier Press. 2011. 98 p.
11. Andrew B., Buffie F., Zanna L.-F. Should we fear the robot revolution? (The correct answer is yes). *Journal of Monetary Economics*. 2018; (97): 117–148. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.05.014>
12. Dekle R. Robots and Industrial Labor: Evidence from Japan. University of Southern California. 2020. 39 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3670356>
13. Katja M., Dario P. Robots and immigration. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2024; (227): 1–25. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2024.106708>
14. Abeliatsky A.L., Prettnner K. Automation and population growth: Theory and cross-country evidence. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2023; (208): 345–358. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2023.02.006>
15. Crowley F., Doran J., McCann P. The vulnerability of European regional labour markets to job automation: The role of agglomeration externalities. *Regional Studies*. 2021; 55 (10–11): 1711–1723. URL: <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1928041>
16. Aksoy C., Berkay O., Julia Ph. Robots and the Gender Pay Gap in Europe, IZA Discussion Papers, 2020. № 13482, Institute of Labor Economics (IZA), Bonn, 48 p.
17. Traverso S., Vatierto M., Zaninotto E. Robots and labor regulation: A cross-country/cross-industry analysis. *Economics of Innovation and New Technology*. 2022; 32 (7): 977–999. URL: <https://doi.org/10.1080/10438599.2022.2063122>
18. The impact of robots on labour market transitions in Europe / R. Bachmann, M. Gonschor, P. Lewandowski, K. Madoń. *IBS Working Papers*. 2022; (1): 62. URL: https://ibs.org.pl/wp-content/uploads/2022/01/The-Impact-of-Robots-on-Labour-Market-Transitions-in-Europe-_feb23.pdf (accessed date: 08.04.2025).

19. Iskustvo manipulácii: promyšlennaâ robototehnika i integraciâ tehnologij. Dajdžest po robototehnike. Centr razvitiâ promyšlenno robototehniki. URL: <https://www.forinsightsconsultancy.com/reports/robotics-as-a-service-market/> (accessed date: 08.04.2025).
20. Robotics as a Service Market Overview (2024). For Insight Consultancy. URL: <https://www.forinsightsconsultancy.com/reports/robotics-as-a-service-market/> (accessed date: 08.04.2025).
21. Ermolov I.L. On the Role of Industrial Robotics in the Development of Russian Industry. *Innovations*. 2019; (10): 127–129. DOI: 10.26310/2071-3010.2019.252.10.015
22. Kotov E.V. Some Aspects of the Methodological Approach to Assessing the Neo-Industrial Development of the Economy. *BENEFICIUM*. 2021; 2 (39): 39–47. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.2(39).39-47
23. Lec Stanisław Jerzy. Unkempt Thoughts / Translated from Polish by Vl. Rossels. Moscow: Kniga; 1991. 323 p.

Информация об авторе:

Котов Евгений Валериевич, канд. экон. наук, доцент, старший научный сотрудник каф. теории управления и государственного администрирования, Донецкая академия управления и государственной службы, г. Донецк, kotovev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0926-3072>

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/047-062>

EDN: <https://elibrary.ru/LZFYCY>

Дата поступления:
15.04.2025

Одобрена после рецензирования:
17.04.2025

Принята к публикации:
23.04.2025

Научная статья

УДК 330.111.42

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/063-076>

EDN: <https://elibrary.ru/MFMYLI>

Региональные особенности безработицы в Республике Татарстан (2010–2023)

Шакирова Юлия Андреевна

Гатауллина Алия Аюповна

Квашнина Дарья Ивановна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань. Россия

Аннотация. Рассматривается проблема безработицы в Республике Татарстан. Оценена динамика уровня зарегистрированной безработицы за период 2010–2023 гг., установлена устойчивая тенденция к снижению этого показателя. Кроме того, проведен анализ структуры безработных по полу, возрасту и уровню образования. Выявлено, что максимальное количество нетрудоустроенных граждан отмечается среди женщин в возрасте 35–49 лет с высшим образованием, проживающих в городах. Для оценки имеющегося трудового потенциала республики на основе данных рекрутингового сервиса HeadHunter изучено соотношение количества вакансий и резюме на рынке труда Татарстана. Проанализированы значения hh.индекса в разрезе профессиональных направлений, что позволило выявить наиболее привлекательные для населения республики вакансии – позиции в сфере информационных технологий, административные должности, а также наименее интересные позиции – в сфере продаж и обслуживания. Выявлены региональные различия в уровне безработицы и в разрезе муниципальных районов и городов республики. Установлено, что наибольшие показатели регистрируемой безработицы характерны для районов, входящих в Казанскую и Камскую агломерации, минимальные – для сельских районов республики. Составлен прогноз уровня зарегистрированной безработицы на 2025 г., согласно которому показатель снизится до 1,2%.

Ключевые слова: безработица, рынок труда, занятость, региональное развитие, трудовые ресурсы, регион, Республика Татарстан.

Для цитирования: Шакирова Ю.А., Гатауллина А.А., Квашнина Д.И. Региональные особенности безработицы в Республике Татарстан (2010–2023) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 63–76. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/063-076>. EDN: <https://elibrary.ru/MFMYLI>

Original article

Regional features of unemployment in the Republic of Tatarstan (2010–2023)

Julia A. Shakirova

Aliya A. Gataullina

Daria I. Kvashnina

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan. Russia

© Шакирова Ю.А., 2025

© Гатауллина А.А., 2025

© Квашнина Д.И., 2025

Abstract. The article considers the problem of unemployment in the Republic of Tatarstan. The dynamics of the registered unemployment rate for the period 2010–2023 is assessed, a stable downward trend is established. The analysis of the structure of the unemployed by gender, age and level of education is carried out. It is revealed that the maximum number of unemployed citizens is noted among women aged 35–49 with higher education, living in cities. Based on the data of the recruiting service HeadHunter, the ratio of the number of vacancies and resumes in the labor market of Tatarstan is studied. The values of the hh.index are analyzed in the context of professional areas, according to which the most attractive vacancies for residents of the republic are vacancies in the field of IT technologies and administrative work, the least in demand offers in the field of sales and service. The average value of the hh.index (3,9) indicates a shortage of applicants in the region. Regional differences in the level of unemployment in the context of municipal districts and cities of the republic are revealed. It has been established that the highest rates of registered unemployment are typical for the districts included in the Kazan and Kama agglomerations, the lowest rates are typical for the rural districts of the republic. A forecast of the registered unemployment rate for 2025 has been made, according to which the rate will decrease to 1,2 %.

Keywords: unemployment, labor market, employment, regional development, labor resources, region, Republic of Tatarstan..

For citation: Shakirova Ju.A., Gataullina A.A., Kvashnina D.I. Regional features of unemployment in the Republic of Tatarstan (2010–2023) // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 63–76. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/063-076>. EDN: <https://elibrary.ru/MFMYLI>

Введение

На сегодняшний день безработица является одним из важных индикаторов, отражающих стабильность и устойчивость региональной экономики и уровень жизни населения. Важность изучения данного вопроса форсируется развитием федерального проекта «Содействие занятости» в рамках национального проекта «Демография». Особую актуальность приобретают исследования пространственных особенностей безработицы, выявление ключевых причин и факторов, определяющих ее развитие в тех или иных субъектах РФ, поскольку каждый регион может иметь свою специфику и особенности развития. Изучение безработицы имеет ряд причин, среди которых экономические (влияние на объёмы регионального продукта, объёмы производства и пр.) и социальные (социальная напряженность, социальная дифференциация и пр.). Республика Татарстан является одним из растущих и инвестиционно-привлекательных регионов РФ. Рост экономики, развёртывание новых и наращивание существующих производств требуют привлечения новых и максимального использования имеющихся трудовых ресурсов, что непосредственно связано с изучением вопросов безработицы и ее особенностей в регионе. Безработица представляет собой один из важнейших индикаторов состояния экономики, дающий оценку эффективности. Ее изучение имеет высокую практическую значимость и представляет интерес для органов региональной и муниципальной власти, позволяя выстроить грамотную социальную политику и разработать эффективные меры государственной поддержки.

Проблема региональной безработицы затрагивается в научных работах многих отечественных и зарубежных ученых [1–12]. Так, исследованием проблем на федеральном уровне занимались такие ученые, как Н.В. Зубаревич, В.А. Овинников, Д.Р. Ашуралиева.

В последней работе Н.В. Зубаревич [6] поднимаются вопросы изменений в структуре безработицы под влиянием экономического кризиса 2022 г. Автором выявлена тенденция к сокращению количества высококвалифицированных

работников в регионах со специализаций экономики на обрабатывающей промышленности (Центр, Поволжье, Урал), отмечено снижение уровня безработицы в большинстве регионов России за исключением Чеченской Республики.

В исследовании В.А. Овинникова [7] раскрываются причины низких показателей безработицы в российских регионах, связанные с особенностями законодательства, а также показателями динамики численности населения и рабочей силы, сокращающимися на протяжении многих лет.

В работе Д.Р. Ашуралиевой [1] рассматриваются особенности безработицы в регионах России в период пандемии COVID-19 и пост-пандемийный период.

На уровне регионов проблема безработицы освещена в работах Т.В. Задоровой, Д.Р. Габдрахмановой, В.А. Гневашевой.

В исследовании Т.В. Задоровой [5] оценивается состояние рынка труда в Приволжском федеральном округе (ПФО), приводятся результаты статистического анализа спроса и предложения рабочей силы и уровня оплаты труда в регионах ПФО.

В исследованиях Д.Р. Габдрахмановой, В.А. Гневашевой отражена специфика кадрового потенциала Республики Татарстан.

Д.Р. Габдрахмановой [2] проведена оценка трудовых ресурсов Татарстана через систему количественных и качественных характеристик, таких как уровень образования, квалификации, опыт работы, состояние здоровья и др.

В работе В.А. Гневашевой [3] представлены результаты сравнительного анализа трудового поведения жителей республики по материалам переписи населения за 2002, 2010 и 2020 гг. Автором выявлены изменения в структуре занятости, в том числе снижение занятых в сельском хозяйстве и рост занятых в промышленности и строительстве.

Несмотря на достаточно высокую степень научной проработки, вопросы оценки текущего состояния и перспектив развития безработицы не утрачивают свою актуальность. Наблюдаемое снижение официальных показателей не умаляет значимости исследований в этой сфере, особенно с учетом современной демографической ситуации, при которой отмечается рекордно низкое количество лиц трудоспособного возраста, вызванное критически низкой рождаемостью, регистрируемой с середины 1990-х гг.

Целью исследования является выявление особенностей безработицы в Республике Татарстан на базе оценки динамики и структуры уровня зарегистрированной безработицы, анализа соотношения размещенных вакансий и резюме, прогноза ожидаемой безработицы.

В качестве основных источников для проведения исследования были использованы материалы официальных сайтов Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, Центра занятости населения Республики Татарстан, сервиса открытой аналитики рынка труда hh.ru.

Методическая часть исследования базировалась как на традиционных географических методах, таких как сравнительный, картографический, описательный, так и на методах математической статистики и геоинформатики. В работе применялись методы структурного и динамического анализа статистических

данных, позволивших выявить тенденции и особенности динамики и структуры безработицы в регионе. Кроме того, применены методы прогнозирования с целью выявления перспективных тенденций указанной проблематики и разработки управленческих решений.

Основная часть

По уровню безработицы Республика Татарстан входит в группу благополучных регионов России, продемонстрировавших минимальные значения показателя (6-е место среди субъектов федерации и 3-е – среди регионов Приволжского федерального округа). Общий уровень безработицы по состоянию на 2023 г. составил 2 %, регистрируемый уровень безработицы – 0,21 % [13].

Для Татарстана как одного из наиболее экономически развитых российских регионов с мощным промышленным комплексом и сельским хозяйством характерно сосредоточение большого количества крупных предприятий (ОАО «Татнефть», ООО «Казаньоргсинтез», ОАО «Нижекамскшина», ПАО «Камаз» и др.), обеспечивающих большое количество рабочих мест.

Проблема трудоустройства жителей республики решается в том числе за счет распространения дистанционных форм занятости, а также развития электронной коммерции. По данным Центра занятости Республики Татарстан, по состоянию на 2023 г. маркетплейсами KazanExpress, Ozon, Wildberries, Яндекс Маркет, осуществляющими свою деятельность на территории республики, создано порядка 40 тыс. рабочих мест [14].

С 2022 г. существенный вклад в обеспечение занятости жителей республики вносит военно-промышленный комплекс, представленный в регионе более чем 30 предприятиями.

С 2010 г. в Татарстане наблюдается устойчивая тенденция к снижению уровня безработицы (рис. 1). Незначительный рост показателя наблюдался лишь в 2020 г.; был связан с последствиями пандемии коронавирусной инфекции.

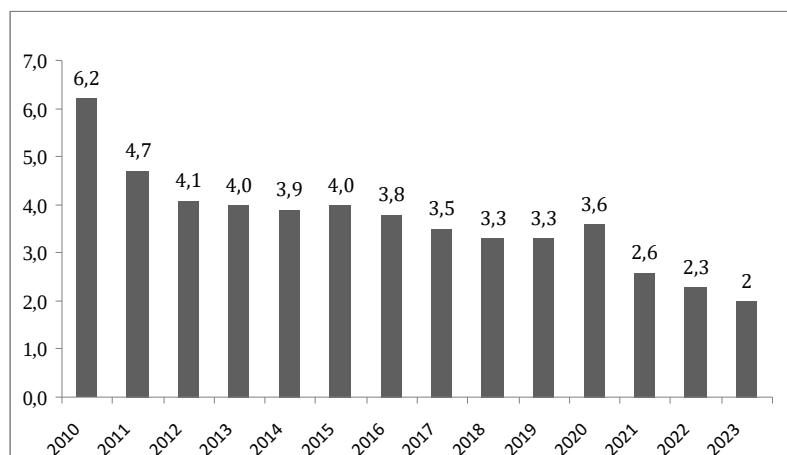

Рис. 1. Динамика уровня безработицы населения в возрасте 15–72 лет в Республике Татарстан, %

Примечание: сост. авторами по [14].

Однако следует учитывать тот факт, что официальные цифры не в полной мере отражают реальную картину. Часто за пределами статистического учета остается скрытая и структурная безработица. В случае скрытой безработицы речь идет о фактически незанятых гражданах, которые официально числятся трудоустроенными из-за нежелания руководства предприятий выплачивать компенсацию по сокращению. Структурная безработица проявляется вследствие избытка кадров одних специальностей при недостатке других. По оценкам экспертов на начало 2024 г. дефицит кадров в Татарстане составил более 50 тыс. человек [5]. Сложившаяся ситуация обусловлена комплексом причин, в том числе последствиями демографического кризиса 1990-х, вынужденными миграциями населения из-за политической нестабильности, сокращением объема трудовой миграции из стран ближнего зарубежья.

Анализ статистических материалов показал, что максимальная безработица фиксируется в Новошешминском, Верхнеуслонском, Агрызском, Черемшанском и Сармановском районах. При этом наименьший уровень безработицы наблюдается в Кайбицком, Лаишевском, Тетюшском, Алексеевском, Ютазинском районах (рис. 2).

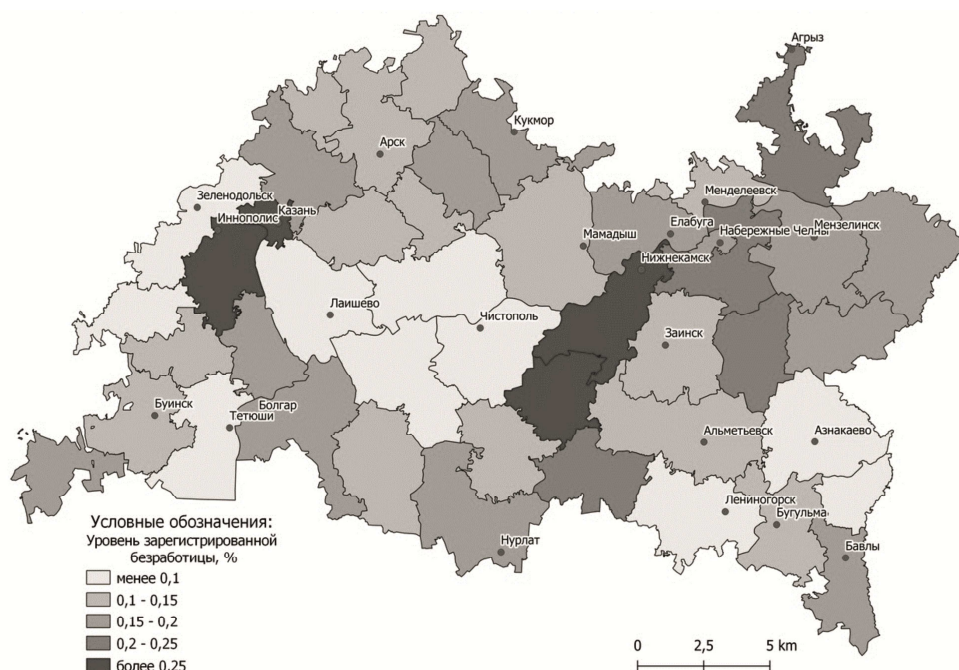

Рис. 2. Уровень зарегистрированной безработицы в регионах Республики Татарстан (по состоянию на 01.01.2024 г.)

Примечание: сост. авторами по [15].

Наибольший уровень безработицы отмечается в муниципальных районах, входящих в Казанскую и Камскую агломерации; он может быть связан с высо-

кой плотностью населения, привлекательностью данных территорий для мигрантов и, как следствие, дефицитом рабочих мест. Минимальные показатели безработицы выявлены в нефтяных районах республики, где есть возможность трудоустройства на предприятия нефтедобывающей промышленности, а также в районах с развитым сельским хозяйством, где трудоустройство местного населения обеспечивается крупными агрохолдингами.

Среди городских поселений Татарстана по уровню регистрируемой безработицы лидирует г. Нижнекамск (0,42 %), минимальный показатель отмечается в г. Зеленодольске (0,06 %) (рис. 3).

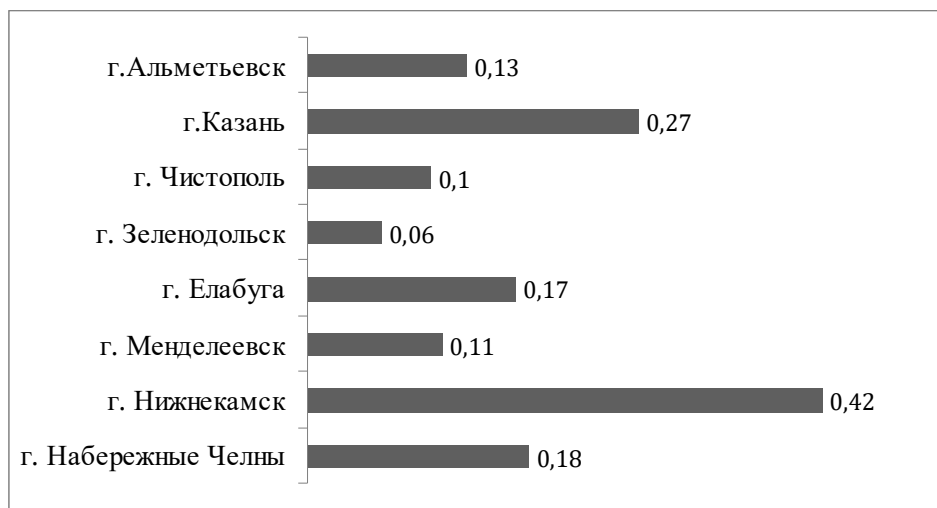

Рис. 3. Уровень регистрируемой безработицы в городах Татарстана (по состоянию на 01.01.2024 г.), %

Примечание: сост. авторами по [15].

Одним из факторов, обуславливающих низкий уровень безработицы в г. Зеленодольске, является наличие предприятий военно-промышленного комплекса, демонстрирующих в последние годы рост производства и предоставляющих большое количество рабочих мест. Высокие значения показателя в г. Нижнекамске могут быть вызваны сокращением объемов производства местных предприятий нефтехимического комплекса, вызванных снижением экспорта продукции в страны Евросоюза в условиях экономических санкций.

Наибольшее количество безработных в Татарстане регистрируется среди городских жителей (70,7%). По половому признаку в числе нетрудоустроенных граждан преобладают женщины (68,4%). Анализ возрастного состава безработных демонстрирует доминирование лиц в возрасте 35–49 лет (44 %) (рис. 4).

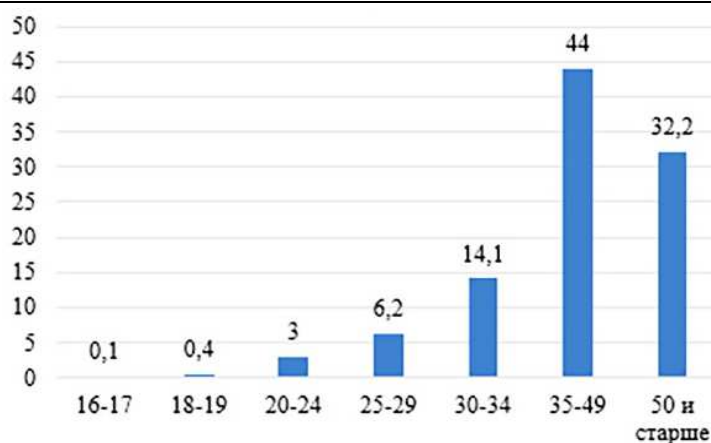

Рис. 4. Состав безработного населения Республики Татарстан по возрасту, %

Примечание: сост. авторами по [15].

Преобладание женщин среди безработного населения республики является следствием большей востребованности рабочих профессий и специалистов тяжелого физического труда. Значительная доля старших возрастных групп в структуре безработных может быть связана с тем, что сотрудники старше 35 лет характеризуются меньшей гибкостью и способностью перестроиться под новые требования работодателя в условиях развития технологий и меняющегося рынка.

Более 40 % безработных республики – лица с высшим образованием (рис. 5).

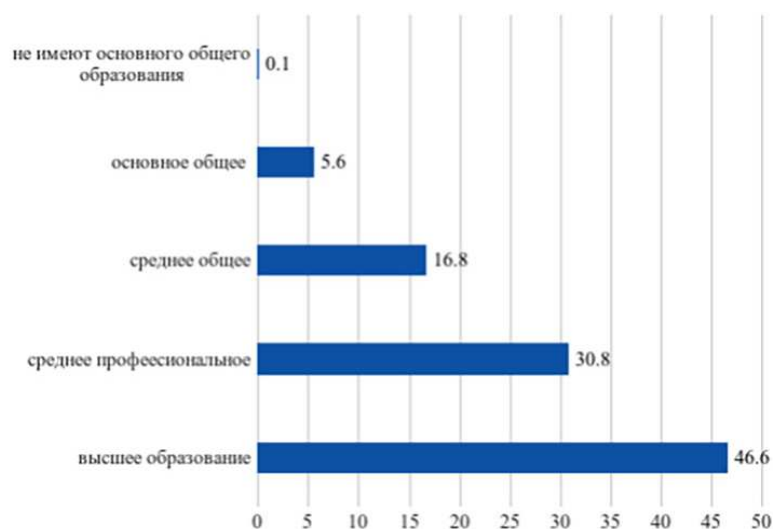

Рис. 5. Состав безработного населения Республики Татарстан по уровню образования, %

Примечание: сост. авторами по [15].

Специалисты с высшим образованием отличаются более высокими требованиями к условиям и оплате труда, что снижает вероятность их быстрого трудоустройства. Как правило, данную категорию соискателей редко удовлетворяют вакансии, предполагающие физический труд, отсутствие полиса добровольного медицинского страхования, системы бонусов, гибкого графика или возможности дистанционной работы.

Анализ материалов рекрутингового агентства Head Hunter hh.ru позволил выявить причины, побуждающие жителей республики к прекращению трудовой деятельности, и определить характер безработицы (добровольный или вынужденный). Так, было установлено, что большая часть оставшихся без работы лиц уволились по собственному желанию (рис. 6). Добровольная безработица чаще всего регистрируется в таких сферах, как сельское хозяйство, наука и образование, сфера обслуживания.

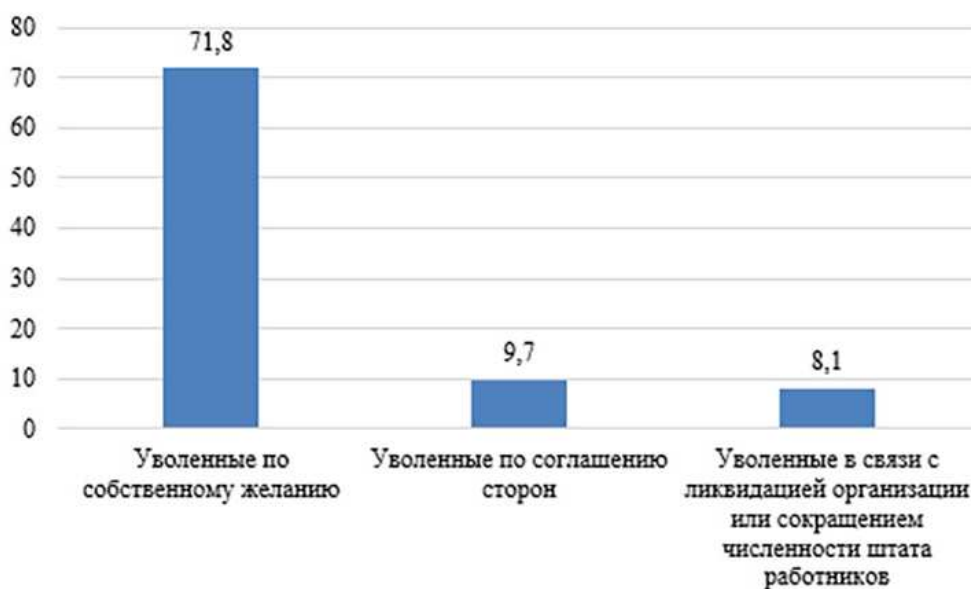

Рис. 6. Доля безработного населения Республики Татарстан по причинам прекращения трудовой деятельности, %

Примечание: сост. авторами по [16].

Наличие явления добровольной безработицы свидетельствует об устойчивой экономической ситуации в регионе (без признаков резкого спада производства и массового сокращения кадров). Увольнение по собственному желанию может быть связано с желанием граждан найти более выгодное предложение с высокой оплатой труда и комфортными условиями работы.

Средняя продолжительность безработицы в республике составляет 4,28 месяца (рис. 7).

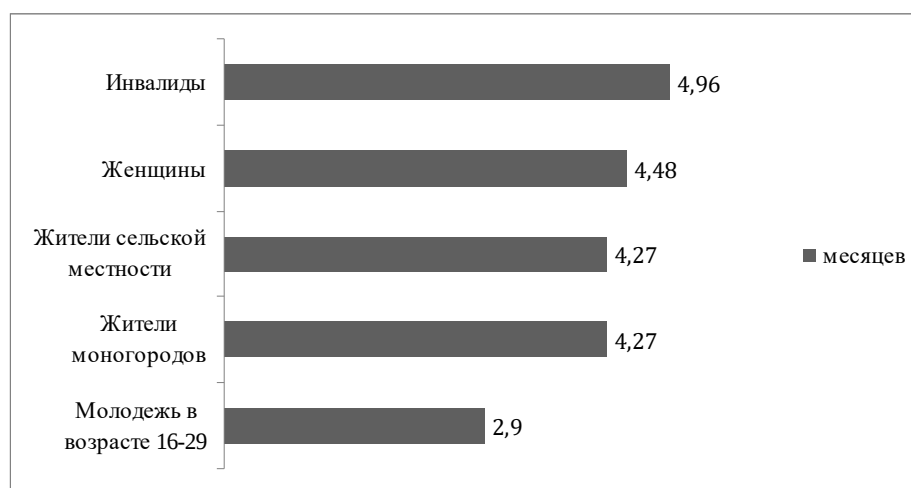

Рис. 7. Средняя продолжительность безработицы по категориям граждан, месяцы

Примечание: сост. авторами по [15].

Быстрее всего находят работу молодые люди в возрасте 16–29 лет (2,9 месяца). Это может быть связано как с наличием у этой категории лиц всех востребованных современным рынком труда компетенций, так и с общей демографической ситуацией, характеризующейся низкой долей трудоспособного населения в молодых возрастных группах. До полугода уходит на поиски работы у инвалидов, которые составляют более 7% от общего количества лиц, зарегистрированных в службе занятости.

Для более глубокого анализа безработицы в регионе была проведена оценка вакансий и резюме, размещенных на крупнейшей и наиболее популярной рекрутинговой платформе HeadHunter [16]. По состоянию на март 2024 г. на сервисе hh.ru было размещено 40 032 вакансий и 143 795 резюме. Максимальное количество вакансий отмечается в таких сферах, как домашний, обслуживающий персонал, инвестиции, консалтинг, управление персоналом, финансы и бухгалтерия. По числу представленных резюме лидируют сельское хозяйство, производство и сервисное обслуживание, строительство и недвижимость.

Помимо получения актуальной информации о размещенных вакансиях и резюме платформа HeadHunter предоставляет возможность проводить аналитические исследования на основе hh.индекса, разработанного экспертами компании и рассчитываемого как отношение количества резюме к количеству вакансий¹.

С помощью hh.индекса возможно оценить ситуацию на рынке труда и сделать вывод о наличии конкуренции за рабочие места (hh.индекс выше 4 баллов) либо о дефиците соискателей (hh.индекс ниже 4 баллов).

¹ Сервис открытой аналитики рынка труда hh.ru. URL: <https://stats.hh.ru/tatarstan> (дата обращения: 15.01.2025).

Для Республики Татарстан среднее значение hh.индекса в марте 2024 г. составило 3,9 балла. При этом наиболее востребованными оказались вакансии в сфере IT-технологий и административной работы. Минимальная востребованность вакансий была отмечена для рабочих специальностей, а также в сфере продаж и обслуживания (рис. 8).

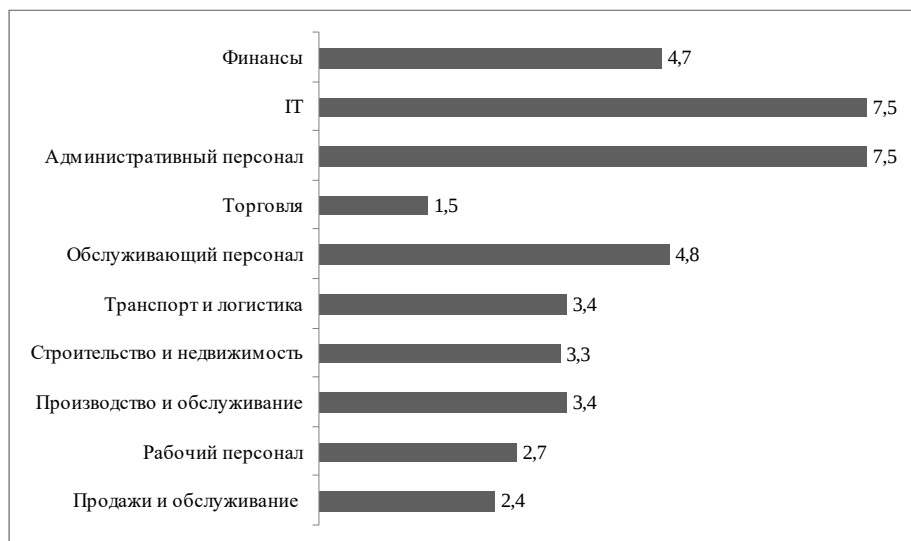

Рис. 8. Значения hh.индекса для Республики Татарстан в разрезе профессиональных областей на 2024 г., %

Примечание: сост. авторами по [16].

Сложившаяся ситуация характерна не только для рынка труда Республики Татарстан, но и для большинства российских регионов. Лидерство IT-специальностей обусловлено высоким уровнем заработной платы в данной сфере, а также возможностью удаленной работы. Популярность административных должностей вызвана перспективами карьерного роста, статусом и системой привилегий в виде льготного кредитования, ипотеки, раннего выхода на пенсию и др. Низкая востребованность вакансий в сфере услуг и рабочих профессий связана с недостаточно комфортными условиями работы и низкой оплатой труда.

Для оценки динамики общего уровня безработицы на 2025 г. был построен прогноз, в основу которого была положена методика с использованием кривых роста как функции времени $y = f(t)$. Особенность данного способа прогнозирования состоит в том, что на изменение исследуемого показателя влияет только фактор времени, влияние других факторов несущественно. Способом подбора в качестве прогнозной модели была выбрана функция полинома 2-й степени, продемонстрировавшая наилучшую аппроксимацию с исходными данными (значение коэффициента детерминации $R^2 = 0,9175$). Коэффициент детерминации

измеряет степень соответствия прогнозной модели исходным данным. Чем ближе значение показателя к 1, тем более высокая степень соответствия.

На рисунке 9 представлены: график исходных значений показателя уровня общей безработицы в Республике Татарстан за период с 2012 по 2023 г. (обозначен серой ломаной линией), график функции, выбранной в качестве прогнозной модели (обозначен пунктиром), а также линия тренда.

После подстановки в уравнение прогнозной модели заданного временного периода было получено значение уровня безработицы на 2025 г., которое составило 1,2 %. Средняя относительная ошибка прогноза (MAPE) получилась равной 0,34 %, что свидетельствует о его относительно высокой точности.

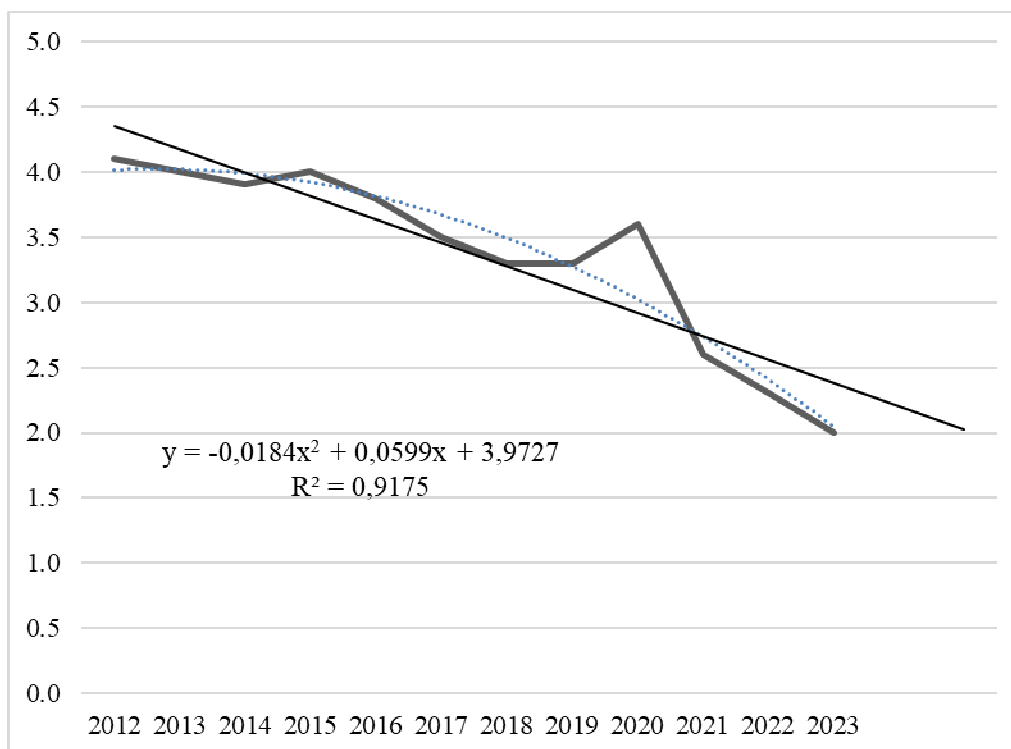

Рис. 9. Прогноз уровня общей безработицы в Республике Татарстан на 2025 г., %

Примечание: сост. авторами по [14, 15].

Таким образом, для Республики Татарстан спрогнозирована тенденция дальнейшего снижения показателя общего уровня безработицы на 2025 г.

Заключение

Подводя итог исследованию региональных особенностей безработицы в Татарстане, можно сделать следующие выводы:

1. На сегодняшний день, по данным официальной статистики, Республика Татарстан характеризуется низким уровнем безработицы (2%) при среднерос-

сийском показателе 2,3%. Данное обстоятельство может быть связано со стабильно развивающейся экономикой региона, способной обеспечить жителей республики рабочими местами. При этом отметим и обратную сторону вопроса: при растущей экономике и сильной инвестиционной политике региона острой становится проблема нехватки потенциальных трудовых ресурсов для вновь созданных и развивающихся производств, что актуализирует вопрос грамотной социально-экономической политики в указанном направлении (привлечение трудовых ресурсов из вне, автоматизация и роботизация производств).

2. Показатели уровня безработицы в Татарстане имеют внутрирегиональные различия. Так, максимальные значения регистрируемой безработицы отмечаются в Новошешминском, Верхнеуслонском районах, наименьший уровень зафиксирован в Кайбицком, Лаишевском районах. Среди городов республики по уровню безработицы лидирует Нижнекамск. Минимальное значение показателя отмечается в г. Зеленодольске.

3. В настоящее время в республике отмечается рост конкуренции за вакансии в области менеджмента, юриспруденции, страхования и рекламы. В то же время такие сферы, как добывающая промышленность и сельское хозяйство, испытывают выраженный дефицит трудовых ресурсов, особенно рабочих специальностей. Это еще раз подчеркивает необходимость разработки грамотной социально-экономической политики (поддержка профильных и востребованных секторов экономики).

4. В ближайшей перспективе Республика Татарстан сохранит свои позиции в числе российских регионов с низкой безработицей. Согласно результатам прогноза в 2025 г. показатель общего уровня безработицы сократится до 1,2%. Таким образом, представленное исследование может быть применено в разработке практических рекомендаций в реализации эффективной региональной социально-экономической политики, направленной на обеспечение продуктивной занятости населения субъекта. Среди управленческих решений могут быть мероприятия, ориентированные на автоматизацию, роботизацию производств региона с целью обеспечения роста производительности и снижения потребности в трудовых ресурсах, а также на привлечение дополнительных кадровых ресурсов из иных субъектов и стран.

Список источников

1. Ашуралиева Д.Р. Особенности безработицы в регионах России на современном этапе // Индустриальная экономика. 2022. № 5. С. 525–528.
2. Габдрахманова Д.Р. Оценка состояния кадрового потенциала в Республике Татарстан // Проблемы науки. 2021. № 1 (60). С. 28–30.
3. Гневашева В.А. Трудовое поведение населения Республики Татарстан (по данным Всероссийской переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг.) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 36–41.
4. Дефицит кадров в Республике Татарстан. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/606997> (дата обращения: 19.01.2025).
5. Задорова Т.В. Оценка региональных различий уровня безработицы в Приволжском федеральном округе // Регионология. 2017. № 1 (98). С. 105–116.

6. Зубаревич Н.В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // ВТЭ. 2024. № 1. С. 34–47.
7. Овинников В.А. Особенности безработицы в современной России // Прогрессивная экономика. 2022. № 1. С. 16–29.
8. Green A.E. Involuntary non-standard employment and the economic crisis: regional insights from the UK // *Regional Studies*. 2015. Vol. 49, iss. 7. P. 1223–1235.
9. Haines V. Good, bad, and not so sad part-time employment // *Journal of vocational behavior*. 2018. Vol. 104. P. 128–140.
10. Jokela M. Patterns of precarious employment in a female-dominated sector in five welfare states – the case of paid domestic labor sector // *Social politics: international studies in gender, state & society*. 2018. Vol. 26, iss. 1. P. 30–58.
11. Loretto W. Gender, age and flexible working in later life // *Work, employment and society*. 2015. Vol. 29, iss. 2. P. 233–249.
12. Robert P. Youth, precarious employment and political participation in Hungary // *Intersections*. 2019. Vol. 5, iss. 2. P. 120–146.
13. Анализ ситуации на рынке труда в России по состоянию на 01.01.2024. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.01.2025).
14. Портал государственной службы занятости Республики Татарстан. URL: <https://trudrt.ru/contacts/list/> (дата обращения: 18.01.2025).
15. Официальный сайт Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. URL: <https://mtsz.tatarstan.ru/?ysclid=m7a3x8c9xz799944017> (дата обращения: 15.01.2025).
16. Сервис открытой аналитики рынка труда hh.ru. URL: <https://stats.hh.ru/tatarstan> (дата обращения: 15.01.2025).

References

1. Ashuralieva D.R. Features of unemployment in the regions of Russia at the present stage. *Industrial Economics*. 2022; (5): 525–528.
2. Gabdrahmanova D.R. Assessment of the state of human resources potential in the Republic of Tatarstan. *Problems of science*. 2021; 1 (60): 28–30.
3. Gnevasheva V.A. Labor behavior of the population of the Republic of Tatarstan (according to the All-Russian population census of 2002, 2010 and 2020). *Economic and social-humanitarian studies*. 2023; 3 (39): 36–41.
4. Personnel shortage in the Republic of Tatarstan. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/606997> (accessed date: 19.01.2025).
5. Zadorova T.V. Assessment of regional differences in the unemployment rate in the Volga Federal District. *Regionology*. 2017; 1 (98): 105–116.
6. Zubarevich N.V. Regions of Russia at the end of 2023: have they managed to overcome the crisis recession? *VTE*. 2024; (1): 34–47.
7. Ovinnikov V.A. Features of unemployment in modern Russia. *Progressive Economics*. 2022; (1): 16–29.
8. Green A.E. Involuntary non-standard employment and the economic crisis: regional insights from the UK. *Regional Studies*. 2015; 49 (7): 1223–1235.
9. Haines V. Good, bad, and not so sad part-time employment. *Journal of vocational behavior*. 2018; (104): 128–140.
10. Jokela M. Patterns of precarious employment in a female-dominated sector in five welfare states – the case of paid domestic labor sector. *Social politics: international studies in gender, state & society*. 2018; 26 (1): 30–58.

11. Loretto W. Gender, age and flexible working in later life. *Work, employment and society*. 2015; 29 (2): 233–249.
12. Robert P. Youth, precarious employment and political participation in hungary. *Intersections*. 2019; 5 (2): 120–146.
13. Analysis of the labor market situation in Russia as of 01.01.2024. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (accessed date: 20.01.2025).
14. Portal of the state employment service of the Republic of Tatarstan. URL: <https://trudrt.ru/contacts/list/> (accessed date: 18.01.2025).
15. Official website of the Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Republic of Tatarstan. URL: <https://mtsz.tatarstan.ru/?ysclid=m7a3x8c9xz799944017> (accessed date: 15.01.2025).
16. Open labor market analytics service hh.ru. URL: <https://stats.hh.ru/tatarstan> (accessed date: 15.01.2025).

Информация об авторах:

Шакирова Юлия Андреевна, канд. геогр. наук, доцент каф. географии и картографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Гатауллина Алия Аюповна, канд. экон. наук, доцент, доцент каф. проектного менеджмента и оценки бизнеса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, AliAShugaerova@kpfu.ru

Квашнина Дарья Ивановна, магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/063-076>

EDN: <https://elibrary.ru/MFMYLI>

Дата поступления:
05.03.2025

Одобрена после рецензирования:
11.03.2025

Принята к публикации:
16.04.2025

Научная статья

УДК 339.5.01, 332.025

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/077-091>

EDN: <https://elibrary.ru/SVKUWO>

Модели развития экономики в условиях неравной конкуренции на мировом рынке

Сергиенко Михаил Сергеевич

Зубарев Александр Евстратьевич

Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск. Россия

Красова Елена Викторовна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** Рассматриваются вопросы развития экономик, которые находятся под санкционными ограничениями, создающими условия неравной конкуренции. Важным аспектом для таких экономик является выбор модели развития по характеру внешнеторговой политики; это может быть экспортоориентированность, импортозамещение либо их сочетание. Цель исследования – выявление особенностей применения экспортоориентированной и импортозамещающей моделей развития экономики в условиях неравной конкуренции на мировом рынке. Изучаются теоретические основы разработки и практические аспекты применения данных моделей. Приводимые примеры Ирана и России показывают специфику их развития, проявляющуюся в переориентации внешнеторговых потоков и активизации собственного производства в ключевых отраслях. И то и другое требует усилий и сопровождается сильными краткосрочными шоками. Однако сочетание экспортоориентированности и импортозамещения является лучшим из возможных вариантов развития в условиях неравной конкуренции, способным в долгосрочной перспективе компенсировать потери от ограничений.*

***Ключевые слова:** экономическое развитие, санкционные ограничения, модели развития, внешнеторговая политика, неравная конкуренция, мировой рынок, экспортоориентированность, импортозамещение.*

***Для цитирования:** Сергиенко М.С., Зубарев А.Е., Красова Е.В. Модели развития экономики в условиях неравной конкуренции на мировом рынке // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 77–91. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/077-091>. EDN: <https://elibrary.ru/SVKUWO>*

© Сергиенко М.С., 2025

© Зубарев А.Е., 2025

© Красова Е.В., 2025

Models of economic development under unequal competition in the world market

Mikhail S. Sergienko

Alexander E. Zubarev

Pacific National University
Khabarovsk, Russia

Elena V. Krasova

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

Abstract. *The article deals with issues of development of economies that are under sanctions restrictions, which create unequal competition conditions. For such economies, it's very important to choose a development model in accordance with foreign trade policy: it can be export-oriented, import substitution models, or a combination of both. The purpose of the study is to identify the features of export-oriented and import-substituting models of economic development under unequal competition in the world market. The article studies theoretical basics for these models, including for unequal competition conditions in the world market. The Iran and Russia examples show specifics of their development, manifested in foreign trade flows reorientation and activation of their own production in key industries. Both require significant efforts and realized under strong short-term shocks. However, the export orientation and import substitution combination is the best possible development option in unequal competition conditions, because it can compensate a significant part of losses from sanctions restrictions in the long-term period.*

Keywords: *economic development, sanctions restrictions, development models, foreign trade policy, unequal competition, world market, export orientation, import substitution.*

For citation: *Sergienko M.S., Zubarev A.E., Krasova E.V. Models of economic development under unequal competition in the world market // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 77–91. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/077-091>. EDN: <https://elibrary.ru/SVKUWO>*

Введение

Вопросы стратегического развития национальной экономики являются приоритетными для любой державы мира, особенно в нынешних условиях открытого, нестабильного, напряженного мирового рынка. Каждая страна использует такие направления и инструменты международного взаимодействия, которые обеспечивают его наибольший вклад в экономический рост и социальное благополучие. Так, «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» предполагает формирование организации российской экономики, которая будет способствовать достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности даже в условиях новых вызовов, связанных, в первую очередь, с ростом геополитической напряженности, включая незаконные односторонние ограничительные меры со стороны недружественных государств [1, с. 20].

В рамках мировой экономики ограничительные меры в форме санкций приводят к искусственным барьерам для международной торговли и инвестиций, сворачиванию здоровой конкуренции и, как следствие, сокращению потенциала общемирового экономического роста. В странах-мишенях они способствуют формированию особых моделей стойкого развития, позволяющих двигаться к национальным целям даже в условиях неравной конкуренции. Предпринимае-

мые подсанкционными странами меры можно условно разделить на два главных направления:

- 1) сохранение открытости экономики, переориентация экспортных потоков на доступные направления для реализации потенциала внешнего рынка;
- 2) укрепление собственной производственной базы путем импортозамещения для реализации потенциала внутреннего рынка.

За последние десятилетия под санкционные ограничения коллективного запада попал целый ряд стран, стремящихся к суверенному развитию: Россия, Иран, КНДР, Венесуэла, Куба, Китай и некоторые другие. Продолжительное функционирование экономик этих стран в условиях неравной конкуренции является экономическим феноменом, заслуживающим всестороннего внимания. Учитывая сегодняшнюю ситуацию на мировом рынке и намерения стран-инициаторов сохранить свои экономические преимущества, можно предположить дальнейшее увеличение как количества ограничений, так и количества стран, находящихся под ними. В связи с этим исследование особенностей моделей развития в условиях неравной конкуренции является актуальным и для России и многих других экономик.

Цель исследования – выявление особенностей экспортоориентированной и импортозамещающей моделей развития в условиях неравной конкуренции на мировом рынке. Объект исследования – экономика, функционирующая на мировом рынке и находящаяся под искусственно введенными ограничениями (в условиях неравной конкуренции); предмет – модели развития такой экономики.

Основная часть

Теоретические основы разработки моделей развития экономик в зависимости от характера внешнеторговой политики

Согласно положениям классической экономической теории по факту присутствия на мировом рынке страны (территории) делятся на закрытые и открытые. По мере возрастания степени открытости позиции экономики меняются от автаркии (полного самообеспечения) до устранения экономических границ, обеспечивающих абсолютную свободу торговли. Соответствующие этим позициям протекционизм и либерализм часто называют противоположными доктринами внешнеторговой политики, однако в современном мире ни та, ни другая политика в чистом виде не встречаются. «Любая страна использует элементы обоих вариантов торговой политики, комбинируя их в зависимости от решаемых ею на данном этапе хозяйственных задач, ситуации в мировой экономике и национальном хозяйстве» [2, с. 14].

В зависимости от преобладания инструментов того или иного направления внешнеторговой политики государства в сочетании с приоритетами стратегического развития выделяют две ключевые модели национальной экономики: экспортоориентированную и импортозамещающую. *Экспортоориентированная модель* предполагает активное вовлечение страны и ее регионов в процессы международной торговли на основе принципа сравнительных преимуществ, что позволяет обеспечить поступления выручки от экспорта, увеличить масштабы

и повысить эффективность производства в экспортоориентированных отраслях, нарастить доходную часть бюджета, расширить потребление, снизить уровень потребительских цен и т.д. В целом все это способствует ускорению экономического развития, а сам экспорт рассматривается в качестве основного драйвера роста. *Импортозамещающая модель* предусматривает развитие и поддержание конкурентоспособности реального сектора национальной экономики, защиту интересов отечественных производителей, расширение емкости внутреннего рынка, снижение зависимости от импорта продукции, а значит, и снижение зависимости от волатильности мировой конъюнктуры в целом, обеспечение стратегической безопасности. Импортозамещение – основополагающий, хоть и не единственный инструмент протекционистской политики. Импортозамещению нет универсального определения в силу комплексного характера его воздействия на экономику, но мы поддерживаем российских авторов, определяющих его как «процесс экономических изменений качественного характера на государственном уровне, который нацелен на расширение производства продукции, аналогичной той, которая импортируется из-за границы, который тесно связан с обеспечением роста конкурентоспособности производимых товаров, внутренних производителей и национальной экономики в целом для реализации инновационного развития» [3, с. 108].

Экспортоориентированная и импортозамещающая модели служат предметом исследований многих российских и зарубежных ученых. На основе содержательного анализа научных работ, изучающих теоретические подходы и специфику реализации данных моделей в различных странах, нами выделены их основные особенности (табл. 1).

Таблица 1

Модели развития экономики в зависимости от характера внешнеторговой политики

Модель развития, ученые-сторонники	Особенности реализации			Страны-примеры
	Цели	Способы	Роль внешней торговли	
Экспортоориентированная: Э. Хекшер, Б. Олин, Б. Баласса, Г. Грубел, П. Вердоорн, Н. Калдор, М. Портер, Х. Хойт, Д. Норт, Ш. Тибу, Р. Эндрюс	1. Ускоренный экономический рост за счет приоритетного развития отраслей экспортной специализации и активного включения в торговлю на мировом рынке. 2. Расширение и диверсификация потребления	1. Приоритетное развитие экспортного производства. 2. Государственная поддержка экспорта. 3. Привлечение иностранных инвестиций. 4. Развитие внешней транспортно-логистической инфраструктуры. 5. Открытость импорту	Экспорт является основным фактором экономического роста. Импорт обеспечивает страну необходимыми и относительно дешевыми ресурсами, товарами, технологиями	КНР (1976–2012), Республика Корея (1961–2000)

Модель развития, ученые-сторонники	Особенности реализации			Страны-примеры
	Цели	Способы	Роль внешней торговли	
Импортозамещающая: Х. Зингер, Р. Пребиш, А. Хиршман, Х. Ченери, М. Бруно, А. Страуг, Н. Картер, В.К. Фальцман, О.В. Старовойтова, Н.А. Сучкова, Д.А. Смирнов, Е.В. Волкодавова, С.Д. Бодрунов	1. Экономическое развитие с опорой на собственное производство, расширение внутреннего рынка, инновационное развитие. 2. Устранение зависимости от мирового рынка	1. Ограничения импорта. 2. Государственная поддержка собственной промышленности. 3. Инвестиции в технологии и инновации. 4. Социальная поддержка населения с целью подкрепления платежеспособности	Внешняя торговля является дополнительным фактором экономического роста. Экспорт расширяет доходную базу государства. Импорт обеспечивает страну редкими ресурсами, товарами, технологиями, используется как дополнительный фактор поддержания конкурентоспособности отечественной продукции	Аргентина (1930–1976), Бразилия (1930–1964), Индия (1951–1990)
Сочетание экспортоориентированности и импортозамещения: О. Чернова, И. Митрофанова, Л. Сморгунув, А. Толмачев, В. Чернова, Б. Хейфец	1. Экономический рост за счет: одновременного развития отраслей экспортной специализации и собственного производства стратегически важных товаров; активного включения в мировую торговлю и расширения внутреннего рынка. 2. Диверсификация внутреннего потребления. 3. Устранение острой зависимости от мирового рынка	1. Селективные меры по ограничению импорта. 2. Поддержка национальной промышленности и населения. 3. Инвестиции в технологии и инновации. 4. Поддержка экспортоориентированных отраслей, в том числе через прямые иностранные инвестиции. 5. Развитие внешней и внутренней транспортно-логистической инфраструктуры	Внешняя торговля является одним из факторов экономического роста наряду с развитием внутреннего рынка. Экспорт существенно расширяет доходную базу государства, а импорт обеспечивает страну недостающими ресурсами, товарами, технологиями, используется как фон для создания здоровой конкуренции на внутреннем рынке	Япония (1955–1973), Сингапур (1965–1990)

Источник: сост. авторами.

Обобщение и систематизация научных работ XXI в., посвященных вопросам протекционизма и либерализма, экспортоориентированности и импортозамещения, позволяют сделать следующие выводы:

1. Развитие протекционизма с характерным для него импортозамещением либо либерализма со свойственной ему экспортоориентированностью происходит не планомерно, не линейно и не однородно, зависит от большого ряда экономических, политических и технологических факторов, которые и определяют необходимость использования тех или иных инструментов регулирования внешней торговли в тот или иной исторический момент [2, 4].

2. В настоящее время преобладающей тенденцией является протекционизм. Из-за усиления конкуренции и расширения числа факторов, негативно влияющих на потенциал развития стран, страны вынуждены защищать свои экономические границы и внутреннее производство. Хорошим примером тому может служить неоднозначная по своим последствиям «торговая война» между США и Китаем, инициированная Д. Трампом в 2018 г. с целью развития внутреннего производства в США за счет импортозамещения товаров, произведенных в Китае [5, 6].

3. Важной чертой всех развитых и динамично развивающихся стран является гибкое сочетание экспортоориентированности и импортозамещения, соответствующее общегосударственным целям и интересам этих стран. При этом есть определенная специфика в торговой политике разных групп стран. Так, развитые страны создали свой крупный промышленный и технологический сектор благодаря протекционистским мерам, и сегодня эти меры по-прежнему сильны для защиты конкурентоспособности их продукции. Динамично развивающиеся страны придерживаются экспортоориентированной модели, стремясь к равноценному торговому обмену с другими странами (обмену товарами с примерно равной добавленной стоимостью), не исключая при этом мер по защите внутреннего рынка. Слабо развивающиеся страны также делают акцент на экспорте, соглашаясь, как правило, на неравноценный обмен (сырье в обмен на технологичные товары) и невысокий потенциал собственного рынка [2, 7, 8].

4. Развитие экспорта не следует однозначно и исключительно отождествлять со свободной торговлей и высокой эффективностью, так же как не следует отождествлять импортозамещение с затратной экономикой и жестким протекционизмом. Эффективность внешней торговли часто определяется не высокой открытостью экономики, а динамикой мирового спроса и конъюнктурой мирового рынка. В то же время импортозамещение вовсе не предполагает сильных импортных ограничений или отказа от импорта; импорт способен формировать здоровый конкурентный фон и поддерживать доступные цены на внутреннем рынке. Импортозамещение также способствует развитию конкурентоспособного экспортоориентированного производства [3, 9].

С позиции современной теории мировой экономики экспортоориентированность и импортозамещение выступают не как противоположные, замещающие друг друга инструменты политики регулирования внешней торговли, а как элементарные и даже взаимно обусловленные направления развития экономических отношений с другими странами, формирующие полноценную, всесторонне

развитую национальную экономику. По мнению Президента России В. Путина, «импортозамещение – не панацея, не кардинальное решение, поскольку есть риск оказаться в позиции постоянно догоняющих. Надо создавать свои конкурентные технологии, товары и сервисы»¹.

Актуальная модель развития экономики в условиях неравной конкуренции на мировом рынке

Учитывая тенденции к возрастанию геополитической напряженности, представляется целесообразным рассмотреть особую разновидность модели, сочетающей развитие экспорта и импортозамещение, которая учитывала бы фактор неравной конкуренции на мировом рынке. Под неравной конкуренцией здесь понимается совокупность искусственных ограничений, запретов, санкций, не обусловленных экономическими причинами, но имеющих экономический характер, введенных против отдельных стран и направленных на ограничение потенциала развития последних. В российских исследованиях санкции определяются как «инструмент внешней политики <страны-инициатора> и использование мер экономического характера для достижения конкурентных преимуществ на рынке» [10], как «механизм принуждения, который вызывает <в стране-мишени> снижение уровня экономического благополучия и общественные протесты» [11]. Ограничения и запреты в отношении какой-либо страны включают в себя: отказ от торговли с ней, установление ценовых «потолков» на покупаемую продукцию, ограничения на объемы экспорта (импорта, грузоперевозок, пассажиропотоков), запреты на въезд или получение виз гражданами этой страны, сворачивание инвестиций и бизнес-проектов, блокировку международных расчетно-платежных систем, экспроприацию имущества этой страны, находящегося за рубежом, воздействие на страны-партнеры для усугубления ситуации на внешних рынках, ведение «информационной» войны и т.д. [11, 12].

Указанные ограничения закономерно приводят к наращиванию собственного производства, в первую очередь стратегических видов товаров с целью импортозамещения, и вынужденному перестраиванию внешнеторговых потоков с одних групп стран на другие. Цели, способы и роль внешней торговли здесь определяются с учетом проявлений и последствий вводимых ограничений (табл. 2).

Таким образом, данная модель отличается от традиционных моделей отвлечением части ресурсов общества на борьбу с последствиями ограничений и компенсацию утраченных на мировом рынке возможностей. Но в то же время в долгосрочной перспективе она позволяет национальной экономике достичь наибольшей стрессоустойчивости и реализовать гораздо больший потенциал по сравнению с другими экономиками, поскольку максимально эффективно задействует внутренние ресурсы.

¹ Путин заявил о невозможности производить «все и вся» // Российская газета. 2022. 17 июня. URL: <https://rg.ru/2022/06/17/putin-zaiavil-o-nevozmozhnosti-proizvodit-vse-i-vsia.html>

Таблица 2

**Особенности модели, сочетающей экспортоориентированность
и импортозамещение в условиях неравной конкуренции на мировом рынке**

Цель реализации	Направления реализации	Способы реализации	Роль внешней торговли
Обеспечение устойчивого экономического развития в соответствии с национальными целями и приоритетами, даже в условиях неравной конкуренции на мировом рынке	1. Развитие собственного производства, в первую очередь, стратегических видов продукции. Достижение продовольственной безопасности. 2. Достижение технологического суверенитета. 3. Максимально возможный рост экспорта за счет переориентации товарных потоков и сохранения конкурентоспособности отечественной продукции. 4. Расширение внутреннего рынка. 5. Устранение зависимости от мирового рынка и нивелирование последствий ограничений	1. Государственная поддержка отечественных производителей. 2. Инвестиции в основные фонды, технологии и инновации. 3. Укрепление обороноспособности за счет развития оборонной промышленности. 4. Поддержка экспорта в дружественных направлениях, расширение международного диалога. 5. Социальная и идеологическая поддержка населения. 6. Развитие внутренней туристской и транспортно-логистической инфраструктуры. 7. Реализация контрмер и контрсанкций в отношении стран-инициаторов для снижения эффективности санкций	Внешняя торговля остается одним из факторов экономического роста исходя из имеющегося потенциала. Экономические выгоды от экспорта направляются на укрепление отечественного конкурентоспособного производства, поддержание доступного уровня цен

Источник: сост. авторами.

Примеры Ирана и России

Иран. По мнению российских политологов, Иран – уникальная страна, обладающая беспрецедентным опытом развития в условиях санкций. Санкции на Иран вводились еще в 1950-х гг., а современный этап, характеризующийся перманентными и многосторонними ограничениями, начался в 1979 г. и продолжается до сих пор. Активными инициаторами санкций против Ирана выступали администрации Д. Картера, Р. Рейгана, Б. Клинтона. С 2006 г. действуют санкции Совета Безопасности ООН, нацеленные на «приостановление всей деятельности, связанной с обогащением и переработкой урана, включая исследования и разработки»². Ограничения включают в себя нефтегазовое эмбарго, заморозку международных резервов, отключение от международной платежной системы,

² Резолюция 1803 г., принятая Советом Безопасности ООН на 5848-м заседании 3 марта 2008 г. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1803%20\(2008\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1803%20(2008)).

запреты на инвестиции, сделки с военной техникой, экспорт товаров в Иран, обмен специалистами и др.

Специалисты фиксируют тесную зависимость темпов роста ВВП Ирана от жесткости санкций: наибольшие падения роста ВВП отмечены в периоды усиления ограничений, хотя не следует исключать и влияние других факторов, таких как волатильность мировой конъюнктуры, проявляющуюся в последние десятилетия различными мировыми кризисами и рецессиями [12, 13]. Рассматривая развитие этой страны в условиях неравной конкуренции, можно отметить преимущественно адаптивный характер принимаемых мер, направленных на приспособление экономики к суровым условиям, на смягчение негативных последствий от санкций. Большое внимание в экономической политике страны направлено на страновую и продуктовую диверсификацию экспорта, обход санкций и поиск правовых «лазеек», контроль государственных расходов, смягчение социальных последствий. По словам специалистов, иранская экономика – это «экономика сопротивления», а не «экономика развития» [12, с. 413]. По характеру принимаемых мер можно заключить, что Иран остается экспортоориентированной страной, просто экспорт отягощен ограничениями. В рамках импортозамещения в Иране субсидируются промышленность и транспорт, предоставляются налоговые льготы предприятиям, создаются и работают промышленные парки, функционируют особые и свободные экономические зоны, финансируется развитие образования и поддерживается ИТ-отрасль [12, 14].

В целом Иран – пример экономики, которая сочетает экспортоориентированность и импортозамещение в условиях неравной конкуренции, поддерживает и собственное производство, и развитие экспорта, пытается сохранить и нарастить, насколько это возможно, конкурентные преимущества на внутреннем и внешнем рынках. В условиях однозначно негативного влияния санкций и волатильной мировой среды трудно судить о конечной результативности мер, принимаемых для нивелирования последствия ограничений. По уровню развития иранской экономики можно сделать вывод о недостаточной структурной перестройке промышленности в пользу импортозамещающих отраслей и неполном использовании потенциала внутреннего рынка в силу нехватки ресурсов для выполнения поставленных задач. Но все же реализуемая модель позволяет сохранять хоть и не самые высокие и далеко не стабильные по величине, но положительные среднегодовые темпы роста иранской экономики (табл. 3).

Таблица 3

Показатели экономического развития Ирана

Страна	Период	Средний темп роста ВВП, %	Средний темп роста импорта, %	Средний темп роста экспорта, %	Экспортная квота в ВВП, %		Импортная квота в ВВП, %	
					Средняя	2023	Средняя	2023
Иран	1979–2023	2,2	–1,1	3,5	20,1	24,2	20,8	28,0

Источники: Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/>; Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Россия. Россия стала объектом активной санкционной политики с 2014 г. Всего с февраля 2022 г. по май 2025 г. на Россию было наложено порядка 22 тыс. санкций, заключенных в 17 «пакетах». Подавляющее число ограничений было инициировано США, странами Евросоюза и зависимыми от них странами. В числе наиболее резонансных санкций специалисты отмечают: заморозку российских финансовых резервов на сумму 300 млрд долл., отключение ряда банков от SWIFT, блокирующие меры в отношении Московской биржи и Национального клирингового центра, запрет на ввоз отдельных видов высокотехнологичной продукции, ограничения на импорт российских нефти и газа, уход с российского рынка крупных компаний в транспортно-логистической сфере, машиностроении, финансах и т.д.³

Так же как Иран, Россия реализует два направления развития – экспорто-ориентированное и импортозамещающее, используя преимущества каждого из них, но их результативность выше, чем в иранском случае, в силу более высокой ресурсности и стрессоустойчивости российской экономики. Уже в 2023 г. внешнеторговый оборот России с недружественными странами сократился в три раза по сравнению с 2021 г., а с прочими странами увеличился на 52 %. Планируется, что к 2030 г. торговый оборот России с недружественными странами сократится в 6 раз по сравнению с 2021 г., а с иными странами вырастет в 2,5 раза и составит свыше 90 % от общего объема внешней торговли [1]. В рамках национального проекта «Экспорт» отечественные предприниматели, ориентированные на продажу своей продукции за рубежом, получают комплексную поддержку, в том числе льготное финансирование, страхование, компенсацию затрат на логистику, сертификацию и лицензирование товаров, возможность участвовать в международных выставках и бизнес-миссиях, консалтинг по локальным рынкам, выход на мировые маркетплейсы и рекламное продвижение. К 2030 г. экспорт несырьевых неэнергетических товаров должен вырасти не менее чем на 70 % по сравнению с 2020 г.⁴

Политика импортозамещения в России активно реализуется с 2014 г. Как обозначено в государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», импортозамещение – это процесс создания современных конкурентоспособных производств, направленный на замещение импортируемых потребительских и производственных товаров, основанный на осознанном отказе от специализации в производстве только тех продуктов, в которых страна имеет сравнительные преимущества. Импортозамещение формирует отраслевую структуру экономики так, чтобы государство получало преимущество перед другими странами в производстве высокотехнологичной продукции и товаров с высокой добавленной стоимостью, а также обладало и значимым экспортным потенциалом. В частности, реализация самой программы нацелена на обеспечение темпов роста ВВП страны выше среднемирового,

³ Санкции: что это, виды, как работают, влияние санкций США и ЕС на Россию // РБК. 2025. 24 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/base/24/02/2025/67aefb519a7947878698988a>

⁴ Национальные проекты. Экспорт. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/ecsport/>

предусматривает за период 2020–2030 гг. рост инвестиций в основной капитал не менее 70 % [15].

Интенсивность импортозамещения особенно возросла после 2022 г. В период 2015–2022 гг. его динамика во многих отраслях экономики была достаточно скромной: в авиастроении доля импортных элементов снизилась с 55 лишь до 53 %, в энергетике – с 51 до 50 %, в железнодорожном машиностроении – с 73 до 70 %, а в микроэлектронике – с 96 до 92 %. При этом доля импортных комплектующих выросла в сельскохозяйственном машиностроении с 45 до 47 %, в специализированном машиностроении – с 65 до 67 %, в медицинской отрасли – с 54 до 60 %, в химической – с 45 до 53 %, в судостроении – с 55 до 64 %, в автопроме – с 51 до 67 %, в фармацевтике – с 76 до 88 %, в станкостроении – с 83 до 95 %⁵. Однако к концу первого полугодия 2023 г. уже 65 % производственных компаний располагали потенциалом для выпуска импортозамещающей продукции. По данным опроса ВШЭ за 2023 г., 50 % предприятий определяли такой потенциал как высокий, 33 % – как средний⁶.

Наиболее активно импортозамещение сегодня осуществляется в сфере информационно-коммуникационных технологий. Для этого используется дополнительная государственная поддержка, правовые инструменты, импортные ограничения. Так, с целью обеспечения технологической независимости и безопасности России с 1 января 2025 г. органам государственной власти запрещается использовать иностранное программное обеспечение на принадлежащих им объектах критической информационной инфраструктуры [16]. Среди наиболее известных российских продуктов в информационной сфере можно выделить: национальную систему платежных карт, на базе которой получили распространение карты «Мир» и Система быстрых платежей (СБП) (вместо систем «Visa» и «Mastercard»); пакет офисных программ «МойОфис» (вместо «Microsoft Office»); магазин приложений RuStore (альтернатива Google Play); операционную систему Аврора (альтернатива Android и iOS); облачный сервис Яндекс Диск (вместо Google Drive)⁷. По мнению экспертов, «российская ИТ-отрасль больше не догоняет Запад – она создаёт собственную экосистему. Санкции не сломали отрасль, а заставили её развиваться быстрее»⁸.

Существенный прогресс сделан в сельскохозяйственной сфере. Если в начале 2000-х гг. наша страна была преимущественно импортером продуктов питания, то сегодня, по словам М. Мишустина, «Россия обеспечивает себя продуктами питания в полном объеме и больше не зависит от их импорта»⁹. Основными

⁵ Проекту импортозамещения в России исполняется 10 лет // ТАСС. 2024. 23 января. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19786291>

⁶ Им бы эти санкции взять и отменить // Аргументы недели. 2025. 25 февраля. URL: <https://argumenti.ru/economics/2025/02/940045>

⁷ Импортозамещение в России в 2025 году // Время бухгалтера. 2025. 15 января. URL: <https://www.v2b.ru/articles/importozameschenie-v-rossii-v-2022-godu/#6>

⁸ Тенденции импортозамещения в России в 2025 году // Cloud4y. 2025. 28 марта. URL: <https://www.cloud4y.ru/blog/import-substitution-trends-in-2025/#title-4>

⁹ Россия больше не нуждается в импортных продуктах питания // Фермерство. 2024. 15 октября. URL: <https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/news/mishustin-rossija-bol-she-ne-nuzhdaetsja-v-importnyh-produktah-pitanija>

задачами продовольственной политики России является развитие внутреннего производства сельхозпродукции, сырья, продовольствия, минеральных удобрений, наращивание национального экспортного потенциала.

Ученые по-разному оценивают последствия санкций и эффективность тех мер, которые принимаются для развития экономики в условиях неравной конкуренции. За 2015–2025 гг. в научной литературе можно заметить переход от негативных, «шоковых» оценок из-за резкой утраты преимуществ во внешней торговле к фиксированию положительных эффектов, связанных с импортозамещением, суверенизацией экономики и беспрецедентными объемами социальной поддержки населения. Многие эксперты сегодня обосновывают продолжение курса на развитие отечественного производства, прежде всего, в сферах сельского хозяйства, финансов, промышленности, обороноспособности, строительства, инфраструктуры, образования, науки, IT-технологий. Санкции «создали негативные краткосрочные шоки», но «не оказали серьезного деструктивного воздействия», «способствовали суверенизации российского финансового рынка, развитие которого стало определяться внутренними источниками финансирования». Дальнейшее развитие связывается со «стимулированием притока внутренних инвестиций в национальные активы, снижением оттока частного капитала...» [11, с. 116, 134]. «России удалось пережить краткосрочный период действий санкций с существенными, но не чрезвычайно большими потерями». Необходимы «энергичные шаги по импортозамещению и модернизации добычи нефти и газа» [17, с. 6]. Результативность национальной политики подтверждается положительными темпами роста российской экономики (табл. 4).

Таблица 4

Показатели экономического развития России

Страна	Период	Средний темп роста ВВП, %	Средний темп роста импорта, %	Средний темп роста экспорта, %	Экспортная квота в ВВП, %		Импортная квота в ВВП, %	
					Средняя	2023	Средняя	2023
Россия	2014–2023	2,8	–2,3 (2014–2022)	2,2 (2014–2021)	27,3	23,1	19,9	18,8

Источники: Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/>; Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Конечно, не все проблемы решаются быстро и безболезненно. По словам В. Путина, «санкции, конечно, надолго. Поэтому наряду с первоочередными мерами замещения импортных технологий и продуктов нужны средне- и долго-

срочные преобразования, направленные на стратегические цели именно суверенного развития страны»¹⁰.

Заключение

В ходе исследования сделаны следующие выводы:

1. В современном мире по-прежнему используются две базовые модели развития экономик по характеру национальной торговой политики – экспортоориентированность и импортозамещение, условно соответствующие таким внешнеэкономическим доктринам, как либерализм и протекционизм. Каждая из моделей может эффективно использоваться в зависимости от складывающихся на мировом рынке условий и сочетаться с другой моделью.

2. Страны, в отношении которых применяются ограничения, заведомо оказываются в условиях неравной конкуренции на мировом рынке, что формирует специфику модели их национального развития. Данная специфика проявляется в переориентации внешнеторговых потоков и активизации собственного производства. И то, и другое требуют от страны значительных усилий и ресурсов, сопровождаются ухудшением индивидуального конъюнктурного фона и сильными краткосрочными шоками.

3. Примеры Ирана и России показывают, что в условиях неравной конкуренции модель, сочетающая экспортоориентированность с активным импортозамещением в ключевых отраслях, является лучшим из возможных вариантов развития, способным в долгосрочной перспективе компенсировать значительную часть потерь от ограничений. Степень эффективности такой модели зависит от исходной и нарабатанной ресурсности и стрессоустойчивости экономики.

Список источников

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/
2. Оболенский В.П. Протекционизм и свобода торговли в современном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 14–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-12-14-23
3. Титова О.В., Восканян Н.А. Импортозамещение: понятие, сущность, особенности // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 7 (57). С. 105–110. DOI: 10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.18
4. Максимцев И.А., Шимко П.Д., Шубаева В.Г. Мировая экономика и международные экономические отношения. Москва: Юрайт, 2023. 431 с.
5. Литвинов А.И. Современные тенденции протекционизма в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 3. С. 117–125. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-3-117-125
6. Миловидов В., Аскер-заде Н. Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 8. С. 37–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45

¹⁰ Путин заявил, что санкции – это надолго // Российская газета. 2023. 04 апреля. URL: <https://rg.ru/2023/04/04/putin-zaiavil-chto-sankcii-eto-nadolgo.html>

7. Мальцев А.А., Чичилимов С.В. К вопросу об эволюции противостояния концепций фритредерства и протекционизма в XX–XXI вв. // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 21–38.
8. Исламов Г.Д. Внешнеторговая политика государства: значение, цели и принципы // РППЭ. 2015. № 11 (61). С. 219–224.
9. Гулин К.А., Мазилев Е.А., Ермолов А.П. Импортзамещение как инструмент активизации социально-экономического развития территорий // Проблемы развития территории. 2015. № 3 (77). С. 7–25.
10. Силаева В.А. Эффективность санкций в международной политике // Вестник МГИМО Университета. 2021. № 14 (4). С. 136–153. DOI: 10.24833/2071–8160-2021-4-79-136-153
11. Переход С.А., Мхитарян А.В., Селифонкина Д.С. Международные санкции против России (2014–2024): оценка и последствия для финансового рынка // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 4. С. 116–138. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_4_116_138
12. Тимофеев И.Н., Соколыцкий Ю.С., Морозов В.А. Санкции против Ирана: уроки для России в новых международных условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15, № 4. С. 405–420. DOI: 10.21638/srbu06.2022.404
13. Сафонов И.Н. Противодействие санкциям и адаптация к санкционному режиму. Опыт Ирана // НИУ ВШЭ. 2023. URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/809754047.pdf> (дата обращения: 24.05.2025).
14. Зернова Л.Е., Фарзаниан М. Анализ опыта импортзамещения в Иране // Инновационная наука. 2016. № 3-1 (15). С. 106–109.
15. Государственная программа РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». Утверждена Постановлением Правительства РФ 15 апреля 2014 г. № 328 (с изм. и доп.). Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/91634/> (дата обращения: 24.05.2025).
16. Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры РФ (с изм. и доп.). Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47688> (дата обращения: 24.05.2025).
17. Нуреев Р.М., Бусыгин Е.Г. Экономические санкции против России: краткосрочные и среднесрочные последствия для нефтяной и газовой промышленности // JER. 2017. № 3. С. 6–22. DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.3.006-022

References

1. Strategy for spatial development of the Russian Federation up to 2030 with a forecast up to 2036. The RF Government. December 28, 2024, No. 4146-r. *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/
2. Obolensky V.P. Protectionism and free trade in modern world. *World Economy and International Relations*. 2013; (12): 14–23.
3. Titova O.V., Voskanyan N.A. Import substitution: concept, essence, features. *Innovative economy: development and improvement prospects*. 2021; 7 (57): 105–110.
4. Maksimtsev I.A., Shimko P.D., Shubaeva V.G. World economy and international economic relations. Moscow: Yurait; 2023. 431 p.
5. Litvinov A.I. Modern trends of protectionism in international trade. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2023; (3): 117–125.

6. Milovidov V., Asker-zade N. Protectionism 2.0: new reality in the age of globalization. *World Economy and International Relations*. 2020; 64 (8): 37–45.
7. Maltsev A.A., Chichilimov S.V. To the question of the evolution of the opposition of free trade and protectionism in the 20th–21st centuries. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023; (1): 21–38.
8. Islamov G.D. Foreign trade policy of the state: meaning, goals and principles. *RPPE*. 2015; 11 (61): 219–224.
9. Gulin K.A., Mazilov E.A., Ermolov A.P. Import substitution as a tool for activating the socio-economic development of territories. *Problems of territorial development*. 2015; 3 (77): 7–25.
10. Silaeva V.A. Effectiveness of sanctions in international politics. *Bulletin of MGIMO University*. 2021; 14 (4): 136–153.
11. Perekhod S.A., Mkhitaryan A.V., Selifonkina D.S. International sanctions against Russia (2014–2024): assessment and implications for the financial market. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2024; (4): 116–138.
12. Timofeev I.N., Sokolshchik Yu.S., Morozov V.A. Sanctions against Iran: Lessons for Russia in the new international context. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2022; 15 (4): 405–420.
13. Safonov I.N. Counteracting Sanctions and Adapting to the Sanctions Regime. Iran's Experience. *HSE University*. 2023. URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/809754047.pdf> (accessed date: 24.05.2025).
14. Zernova L.E., Farzanian M. Analysis of the import substitution experience in Iran. *Innovative Science*. 2016; 3-1 (15): 106–109.
15. The RF State Program «Development of Industry and Increasing its Competitiveness». April 15, 2014, No. 328. *Government of Russia*. URL: <http://government.ru/docs/all/91634/> (accessed date: 24.05.2025).
16. The RF President Decree «On measures to ensure technological independence and security of the critical information infrastructure of the Russian Federation». March 30, 2022, No. 166. *President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47688> (accessed date: 24.05.2025).
17. Nureyev R.M., Busygin E.G. Economic sanctions against Russia: short and medium term consequences for the oil and gas industry. *JER*. 2017; (3): 6–22.

Информация об авторах:

Сергиенко Михаил Сергеевич, аспирант, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск, m.sergienko@khabexport.com

Зубарев Александр Евстратьевич, д-р экон. наук, профессор, директор Института экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск, 000008@togudv.ru

Красова Елена Викторовна, канд. экон. наук, доцент каф. экономики и управления, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, elena.gorbenkova@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/077-091>

EDN: <https://elibrary.ru/SVKUWO>

Дата поступления:
14.02.2025

Одобрена после рецензирования:
14.05.2025

Принята к публикации:
16.05.2025

Научная статья

УДК 005.07

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/092-104>

EDN: <https://elibrary.ru/TQARZM>

**Проблемы организации стратегического менеджмента трансграничных
расчетов в современных санкционных условиях**

Осипов Алексей Викторович

Конотоп Андрей Альбертович

Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского

Владивосток. Россия

Васильева Анастасия Андреевна

Педагогический университет Центрального Китая

Ухань. Китай

***Аннотация.** Рассматриваются вопросы усложнившихся трансграничных расчетов в валютах России, США, ЕС и Китая между Россией и Китаем (КНР), а также системы санкционных мер, применяемые странами Запада к России, и система вторичных санкций к государствам, организациям, осуществляющим и продолжающим сотрудничество и взаимодействие с российскими компаниями и физическими лицами, находящимися под санкциями. Рассмотрены некоторые технологии и механизмы осуществления транзакций. Предложен подход к изменению системы стратегического управления.*

***Ключевые слова:** торговля с Китаем, товарооборот с Китаем, 14-й пакет санкций против России, упреждающий менеджмент, форсайт-технологии в финансовом планировании.*

***Для цитирования:** Осипов А.В., Конотоп А.А., Васильева А.А. Проблемы организации стратегического менеджмента трансграничных расчетов в современных санкционных условиях // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 92–104. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/092-104>. EDN: <https://elibrary.ru/TQARZM>*

Original article

**Problems of organizing strategic management of cross-border payments
in modern sanctions conditions**

© Осипов А.В., 2025

© Конотоп А.А., 2025

© Васильева А.А., 2025

Alexey V. Osipov

Andrey A. Konotop

Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy

Vladivostok, Russia

Anastasia A. Vasilyeva

Central China Normal University

Wuhan, China

Abstract. *The issues of more complicated cross-border payments in the currencies of Russia, the USA, the EU and China between Russia and China (PRC) are considered, as well as the systems of sanctions measures applied by Western countries to Russia and the system of secondary sanctions to states, organizations that carry out and continue cooperation and interaction with Russian companies and individuals under sanctions. Some technologies and mechanisms for carrying out transactions are considered. An approach to changing the strategic management system is proposed. Profiles, interaction with the audience, targeted advertising, analysis and adjustment of the SMM strategy.*

Keywords: *trade with China, trade turnover with China, 14th package of sanctions against Russia, proactive management, foresight technologies in financial planning.*

For citation: Osipov A.V., Konotop A.A., Vasilyeva A.A. Problems of organizing strategic management of cross-border payments in modern sanctions conditions // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 2. P. 92–104. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/092-104>. EDN: <https://elibrary.ru/TQARZM>

Введение

Цель исследования заключается в осмыслении происходящих внешнеэкономических событий и их влияния на бизнес-процессы отечественных коммерческих организаций, осуществляющих внешнеторговую деятельность. Объект исследования – менеджмент компаний как система принятия решений; предмет – адаптационная способность системы принятия решений и ее перспективная организационно-структурная трансформация.

В работе применены методы анализа, разрозненных данных о внешнеторговых показателях США, ЕС, Китая и России, анализа правовой информации и аналитики о санкционном механизме давления на экономику России. Произведена формализация действующих в настоящее время механизмов международных расчетов и посредством детерминации сформирован вывод о перспективных трансформациях в системах стратегического менеджмента компаний. Рассмотрены экономико-статистические показатели и динамика внешнеторговых балансов США, ЕС, Китая и России. Сформирован промежуточный вывод о структурной разбалансировке мирового торгового баланса и об изменении перспективных стратегических позиций в мире. Раскрыт механизм прямых и вторичных санкций на экономику России и их влияние на финансовые институты Китая и финансовых посредников. Раскрыты адаптационные механизмы внешнеторговых финансовых расчетов и другие механизмы взаимозачета во внешне-торговых сделках.

Основная часть

Стратегическое партнерство России и Китая

По состоянию на 2024 г. Китай является основным торговым партнером России, товарооборот с которым растет с каждым годом.

Россия экспортирует в Китай энергоносители: нефть, природный газ, уголь, другие ценные ископаемые и продукцию с низкой добавленной стоимостью – медь, древесину, полуфабрикаты из древесины, топливо и морские биологические ресурсы. Из Китая в Россию поступает широкий перечень промышленного, обрабатывающего, силового оборудования, автомобили, компьютерная и оргтехника, смартфоны и прочий широкий перечень потребительских товаров. По некоторым оценкам объем экспорта товаров из Китая в Россию по бытовым и товарам народного потребления растет быстрее объема рынка B2B e-commerce, что свидетельствует о формировании значительных товарно-материальных запасов в России и даже излишков [1]. Примечательно, что систематизированной отечественной статистики по торговым взаимоотношениям между центрами мировой экономики, подобно тому, как ведется Китайским таможенным управлением, авторами не найдено.

Согласно аналитике Китайского таможенного управления вопреки изменчивой динамике, торговый баланс экспорта и импорта между странами сохраняется (рис. 1). При этом, несмотря на стабилизацию объемов торговли, уровень доходов России с 2022 по 2023 г. сократился вдвое (до 18,17 млрд долл.) ввиду снижения цен на энергоносители, являющиеся основной частью российских поставок в Китай в стоимостном выражении [1].

Китайское таможенное управление отмечает, что вследствие неравномерности поставок из России покрывается не весь спрос; наблюдается также сокращение Россией валютной выручки при сохранении прежних объемов реализации нефтепродуктов. Данные выводы подтверждаются аналитикой составляющих доходов российского бюджета.

Рис. 1. Динамика торгового баланса России и Китая

Примечание: сост. авторами на основании данных государственного информационного агентства ТАСС.

Для более объективной оценки условий функционирования национальной экономики России и ее субъектов обратимся к анализу мирового торгового баланса в части взаимоотношений Китай – США, ЕС, Россия. На рисунке 2 представлена диаграмма динамики торговых балансов стран [2].

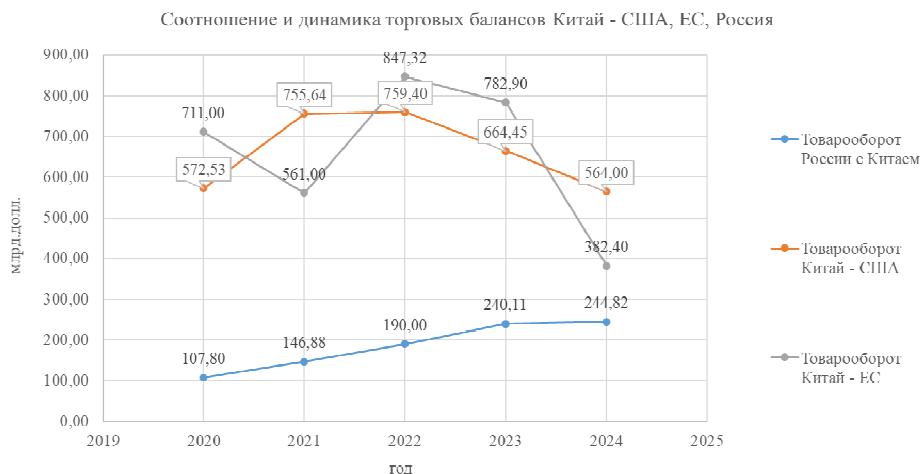

Рис. 2. Соотношение динамики торговых балансов Китай – США, ЕС, Россия

Примечание: сост. авторами на основании данных государственного информационного агентства ТАСС.

Из представленных данных видно, что ранее, например в 2020 г., доля России в торговом балансе составляла около 0,1 всей торговли; сегодня она доходит до 0,4. Торговля между Китаем и ЕС снижена более чем в два раза за последний год; постепенно снижается оборот с США. Это может свидетельствовать о предстоящей структурной перестройке мировой экономики, в которой у США, ЕС и Китая будут другие роли. Можно заметить, что Китай теряет прежние экспортные позиции, по крайней мере, с США и ЕС (за рамками анализа остаются страны Юго-Восточной Азии). Россия при этом не обладает аналогичной емкостью рынка и платежеспособным спросом. В данном контексте следует рассматривать место России, имеющей в перспективе потенциал и возможности к инициативному экономическому развитию, так как торговая война между США и Китаем критически скажется на российской моноэкспортной экономике.

Санкционное давление на российскую экономику и бизнес

Здесь необходимо подчеркнуть смысловую нагрузку данного явления, так как национальные нефтяные доходы формируются исходя из цены реализации, а прибыль – от цены реализации, за минусом себестоимости. В свою очередь, цены на нефть нам известны, а вот себестоимость ее добычи не позволяет России быть по маржинальности в одном ряду с ее основными мировыми экспортерами. Так, себестоимость добычи в России различными холдингами колеблется от 40

до 55 долл. США за баррель, а себестоимость добычи в ОАЭ, Саудовской Аравии – до 5 долл. США за баррель [3].

Противоречия глобализации, стремительное технологическое и экономическое развитие ряда стран формируют трансформации в политико-экономической сфере и изменение центров силы. Экономический и политический потенциал центров силы обуславливает агрессивную политику в отношении потенциально менее развитых экономик, к которой можно отнести и санкции.

Санкция (от лат. *sanctio* – строжайшее постановление) – это мера воздействия, влекущая за собой определенные последствия, или способы, применяемые к нарушителям установленных норм, например к экономическому агенту (физическому или юридическому лицу, отрасли хозяйства или государству). По форме закрепления санкции могут быть выражены в виде штрафа, запрета, ограничения каких-либо операций [4].

Наиболее используемыми мерами воздействия блокирующих санкций США, ЕС в отношении России являются: заморозка активов в США и ЕС, запрет совершения финансовых операций и сделок, запрет въезда на территорию США и ЕС для физических лиц. Наиболее активно к использованию экономических санкций прибегает гегемон мировой экономики – США, что объясняется доминирующей ролью американского доллара в глобальной экономике и вовлеченностью глобальных игроков в долларовую валютную систему. Так, например, более 60 % глобальных валютных резервов хранятся в американской валюте. Высокая доля долларовых международных расчетов повышает возможности по установлению требований по применению валюты и выявлению нарушений режимов санкций внутри страны и в мировой финансовой системе, сводя к минимуму вероятность обхода санкций.

Влияние США настолько велико и экстерриториально, что инструмент вторичных санкций в отношении «третьих лиц» становится гораздо более эффективным инструментом давления. Вторичным санкциям подвергаются организации и физические лица, осуществляющие экономические отношения с подсанкционной организацией. Вторичные санкции также реализуются через механизм денежных штрафов против компаний-нарушителей. Данная мера является более мягкой и гибкой по сравнению с блокирующими санкциями; ее цель – пресечение нарушений санкционного режима.

Россия подверглась наиболее серьезным санкциям со стороны США и ЕС начиная с 2014 г. в связи с аннексией Крыма Россией в 2014 г. и событиями на Донбассе. Наиболее существенными можно считать санкции, анонсированные 12 июня 2024 г. Управлением по контролю за финансовыми активами США, которые заключаются в ограничении доступа к американскому программному обеспечению и IT-услугам, затрагивают более 300 физических и юридических лиц в России и за ее пределами (на Ближнем Востоке, в Европе, Африке, Центральной Азии, странах Карибского бассейна), оказывающих содействие военно-промышленному комплексу России и помогающих ей в обходе санкционных ограничений США. Были приняты дополнительные меры, повышающие риски вторичных санкций для иностранных финансовых институтов, связанных с российским военно-промышленным комплексом. Данные ограничения направлены

на финансовый, оборонный, производственный, технологический и горнодобывающий секторы; имеют целью снижение будущих доходов России от экспорта сжиженного природного газа. Примечательно, что данные ограничения направлены именно на будущие поставки и доходы России.

Несмотря на то, что ряд организаций подверглись санкциям других государств, вышеуказанный пакет санкций впервые эффективно ударил по финансовому сектору экономики России. Так, под санкции попали Московская биржа, Национальный клиринговый центр, АО «Национальный расчетный депозитарий», Страховая компания газовой отрасли «Согаз», АО «Российская национальная перестраховочная компания». Результативность пакета обусловлена прямым включением в SDN-List (Sanctions List Search) офисов ПАО «Промсвязьбанк» в Пекине (КНР), Бишкеке (Кыргызская Республика) и Нью-Дели (Индия); офисов Внешэкономбанка в Пекине (КНР) и Мумбаи (Индия); офисов Сбербанка в Пекине (КНР), Нью-Дели и Мумбаи (Индия); офисов Банка ВТБ в Нью-Дели (Индия), Пекине и Шанхае (КНР); ЗАО «ВТБ Капитал Холдингс» в Гонконге (КНР).

В развитие инициативы Управления по контролю за финансовыми активами США 24 июня 2024 г. Советом ЕС был принят 14-й пакет санкций против России [5]. Меры в рамках 14-го пакета направлены против энергетического, финансового, транспортного и торгового секторов российской экономики. Введены дополнительные механизмы контроля, что еще сильнее, по мнению Совета ЕС, будет способствовать усложнению возможности нарушений режима санкций ЕС со стороны как российских лиц, так и лиц из стран третьего мира, таких как Китай, Киргизия, Турция, ОАЭ, Казахстан, Израиль. Расширен перечень физических и юридических лиц, в отношении которых введены блокирующие санкции ЕС.

Ранее в работе «Менеджмент «удобного флага» при формировании флота РФ» [6] авторами было выдвинуто предположение о подобном развитии санкционного давления как исключение из хозяйственного оборота находящихся в теневого сектора экономики средств флота и совершенно закономерно – оперирующих ими офшорных организаций.

И наконец, 10 января 2025 г. США вводят, на наш взгляд, одни из наиболее эффективных санкций – против реального средства международной торговли, торговых и нефтеналивных и других судов, а также против крупнейших нефтяных отечественных компаний «Сургутнефтегаз» и «Газпром нефть».

Так, на сегодня в соответствии с волнами санкций для отечественного бизнеса сформирована острейшая операционная проблема международных валютных переводов и платежей. В результате первых антироссийских санкций начиная с 2022 г. многие иностранные компании, включая китайские, турецкие, европейские, гонконгские, отказались принимать деньги из России в оплату внешнеэкономических контрактов. С введением 14-го пакета санкций воздействию подвергся организационный банковский механизм транзакций и взаиморасчетов; установлен запрет на транзакции с кредитными и финансовыми учреждениями за пределами США и ЕС, а также поставщиками криптоактивов.

Необходимо обозначить, что санкции достаточно последовательны: во-первых, нарушена система прохождения банковских операций, в результате

которой активизирована разработка единой платёжной системы BRICS Pay; во-вторых, с 2024 г. осуществляется последовательное воздействие на механизмы обхода ранее наложенных ограничений, так как ранее российский банковский сектор адаптировался и создал дочерние компании в Китае и других странах.

Вторичные санкции превратились в один из ключевых политических и экономических рисков для зарубежных партнеров отечественного бизнеса; представляют собой ограничительные меры в отношении лиц из стран третьего мира, взаимодействующих, имеющих связь и действующих в интересах находящихся под первичными санкциями лиц или участвующих в их обходе [7].

Механизмы адаптации бизнеса к усложнившимся условиям ведения внешне-экономической деятельности

В последнее время в силу обилия свежих санкций достаточно популярна тема использования криптовалют для международных транзакций. Их популярность обусловлена децентрализацией и независимостью от правительств и прочих регулирующих органов.

Правительство России осуществляет попытки урегулировать трансграничные взаиморасчеты посредством электронных денег и их аналогов. Так, с 01 сентября 2024 г. вступил в действие Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым Банк России наделяется полномочиями по установлению экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций для осуществления операций с цифровыми валютами в рамках внешне-торговой деятельности, а также проведения организованных торгов цифровой валютой [8].

В целях же осуществления сделок с цифровой валютой в рамках внешнеторговой деятельности положения соответствующей программы экспериментального правового режима должны предусматривать: особенности использования цифровой валюты в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам и контрактам; права и обязанности резидентов и нерезидентов при осуществлении ими валютных операций с цифровой валютой; требования к деятельности оператора электронной платформы по оказанию услуг расчетов, а также права и обязанности органов и агентов валютного контроля [9].

В рамках реализации эксперимента сформирована фокус-группа для экспериментальных трансграничных расчетов в криптовалюте, в которую вошли несколько банков и импортеров – членов Торгово-промышленной палаты России и Ассоциации разработчиков и производителей электроники. Как можно судить из опубликованной информации, решение в первую очередь предназначено для стратегических отраслей, осуществляющих значимые в государственном масштабе виды внешнеторговой деятельности [10].

Попробуем спрогнозировать прямое и вторичное санкционное воздействие на операторов и собственников технической и информационной IT-инфраструктур, обслуживающих системы цифровых транзакций и накоплений. Предполагаем вторичное санкционное давление на контрагентов, включенных в цепь крипторасчетов, в том числе банки Китая, Киргизии, Турции, ОАЭ, Казахстана

и Израиля, особенно принимая во внимание способствующую этому обстановку – инициативную готовность крупнейших американских и европейских криптобирж (например, Coinbase) к блокировке десятков тысяч аккаунтов, принадлежащих организациям и гражданам России, подозреваемым в незаконной деятельности.

Рассмотренные выше обстоятельства легли серьезным бременем на российский бизнес, включая дистрибьютеров техники, фруктов и овощей, экспортеров стратегических ресурсов, транспортно-логистический сектор. Создана кризисная ситуация в сфере трансграничных платежей и переводов, заключающаяся в неопределенности результата прохождения платежей, их сроков, стоимости банковских услуг, в свою очередь, влияющих на исполнение и завершенность обязательств, стратегических и долгосрочных договоренностей. Тем не менее технически бизнес подстраивается под различные механизмы давления, формируя рискованные и, как правило, высокие по себестоимости решения.

Таблица 1

Механизмы международных расчетов, применяемые в текущее время

Механизм расчетов	Характеристика
Филиал российского банка ВТБ – ВТБ-Шанхай	Использование юаня в расчетах; финансирование международной деятельности; использование трансграничных расчетов
Банки Китая	Локальные региональные банки Китая; использование юаня в расчетах; использование платежных систем Китая
Агентская схема (в т.ч. брокерская)	Платежные агенты; расчеты через юрисдикции стран третьего мира; сегментация платежей; изменение назначения платежей; бартер; схема зачета встречных обязательств
Цифровые финансовые активы	Выбор надежного криптоагента; использование надежных криптовалют (стейблкоинов); использование криптовалютных кошельков; проведение расчетов через P2P (переводы между пользователями без участия банков); использование смарт-контрактов
Расчетный счет китайских поставщиков в российских банках	Преимущества использования российских банков; механизм работы расчетного счета; минимизация рисков международного характера

Примечание: сост. авторами.

В таблице 1 представлены механизмы осуществления трансграничных взаиморасчетов между участниками внешнехозяйственной деятельности,

используемые в настоящее время. Раскрытие составляющих механизма имеет скорее функциональную очерченность, чем строгую содержательность. Данные сведения сформированы авторами из материалов открытых источников и не являются чьей-либо коммерческой и корпоративной тайной.

В настоящее время наиболее используемыми являются банки Китая, при этом эффективным становится сотрудничество с региональными банками Китая, так как именно крупные китайские банки прежде всего заинтересованы в сохранении отношений с США и ЕС, избегают сотрудничества с российскими компаниями из-за риска вторичных санкций. Взаимодействие с банками Китая позволяет снизить риск отказа от проведения платежей, минимизировать бюрократические процедуры, заключать контракты с указанием расчетов в юанях, использовать китайскую национальную валюту для обхода долларовых расчетов и перенос расчетов с применением SWIFT на платформу CIPS. Использование локальных банков Китая требует знания местного законодательства и экономической среды, зачастую привлечения экспертов и консультантов по китайским банковским практикам.

Одним из используемых механизмов расчета является использование офиса ВТБ в Шанхае. ВТБ-Шанхай функционирует как связующее звено между российскими и китайскими компаниями, предлагая банковские услуги, включая валютные расчеты и финансирование. ВТБ-Шанхай интегрирован с китайской международной платежной системой CIPS, что позволяет обходить SWIFT для расчетов. Использование данного механизма обеспечивает удобство проведения расчетов и ускорение обработки транзакций. Спецификой расчета являются высокая стоимость банковского обслуживания (в размере 3–4 %) и значительное время на открытие счета китайским партнёром (от одного месяца). Например, в России счёт открывается менее чем за одну неделю. Банк предлагает поддержку внешнеэкономической деятельности в формах аккредитивов, гарантий и кредитов, а также поддержку трансграничных проектов.

Использование «агентской схемы» посредством платежных агентов для обхода санкций является одним из эффективных методов, особенно для компаний, которые сталкиваются с отказами в проведении транзакций через традиционные банковские механизмы. Платежные агенты действуют как посредники при проведении расчетов через страны третьего мира, не подверженные санкциям. Применение данной схемы требует выбора надежного платежного агента с положительной репутацией и успешной историей работы, не участвующего в санкционных инициативах. Небольшие сроки расчетов, минимизация риска возврата платежей, риски работы напрямую связаны с отсутствием или недостатком информации о сети и участвующих в ней контрагентах. Использование «агентской схемы» влечет за собой высокие риски утраты денег, высокие тарифы обслуживания, например более USD 50 000 в месяц, дополнительные расходы на конвертацию в валюту страны третьего мира и не менее 5 % комиссии. Расчеты через юрисдикции стран третьего мира можно считать частью «агентской схемы», осложняющей прямую связь транзакций с российскими банками и идентификацию российских организаций. Как отдельную схему или схему в составе «агентской» можно рассматривать сегментацию платежей и изменение назначения платежей,

что влечет нарушение валютного контроля, таможенного законодательства и приводит к последующим негативным правовым последствиям.

Эффективным инструментом при проведении расчетов с минимальным риском международного влияния является открытие расчетного счета в российских банках, имеющих иностранных бенефициаров; такие банки обычно используют гибкие международные практики и обладают опытом работы в трансграничных расчетах.

Организация расчетов в виде обмена товарами или услугами производится, минуя денежные переводы, при которых стоимость товаров фиксируется, но оплата осуществляется в эквивалентных поставках. Внешнеторговые бартерные сделки позволяют осуществить упрощенный порядок расчета между участниками сделки, исключить валютные расходы и финансовые издержки реализации товаров в кризисных условиях.

Новацией последних лет стали криптовалютные платежи, до некоторого времени являющиеся эффективным инструментом для обхода санкций и ускорения расчетов. Использование криптовалютных платежей сопряжено с необходимостью проверки репутации и лицензии криптоагента, его регистрации в странах с мягким регулированием криптовалют. Приоритетным является использование таких стейблкоинов, как USDT, USDC или DAI, привязанных к стоимости фиатных валют. Применение криптовалют позволяет формировать смарт-контракты, автоматизирующие выполнение условий сделки.

Использование расчетных счетов китайских поставщиков в российских банках – также эффективный инструмент минимизации рисков санкций и упрощения трансграничных расчетов. Для использования механизма требуются: согласование с поставщиком, возможности открытия счета в одном из российских банков и подготовка ряда учредительных документов, документов по контракту и дополнительно ИНН нерезидента в ФНС России. В России действуют дочерние структуры крупнейших китайских банков – ICBC, Bank of China и China Construction Bank и Чайнасельхозбанк.

Каждый из представленных механизмов расчета в сегодняшней ситуации является высокорисковым в силу значительного количества факторов, не подлежащих достоверной оценке. При этом, несмотря на широкое обсуждение острых вопросов внешнеторговой деятельности, авторам неизвестно о сформированных резолюциях, рекомендациях по снижению негативных санкционных последствий для бизнеса, выработанных союзами и объединениями предпринимателей, созданных для представления и защиты их интересов, развития предпринимательства и внешнеторговой деятельности [11, 12]. Складывается впечатление, что бизнес остался наедине с проблемой, без государственного регулирования и координации.

Заключение

Рассмотренные макроэкономические показатели в части фактора экспортной моноориентированности Китая и места России в международной экономике подводят к пессимистичной оценке ближайшего будущего внешнеэкономических отношений России. Развитие мировых финансов в условиях имманентной

неопределенности будущего контекста обуславливает необходимость совершенствования прогнозирования на основе антропоцентричного междисциплинарного подхода [13].

В настоящее время экономическая общественная и финансовая ситуации сформировали в предпринимательском сообществе способность продолжать активную предпринимательскую деятельность путем постоянных скоординированных реакций в финансовой сфере и саморегуляции, направленных на поддержание динамического равновесия организации как системы.

В перспективе с возможным «потеплением» дипломатических взаимоотношений между Россией и США бизнесу не придется ожидать и питать иллюзий в отношении государственных мер поддержки отечественного рынка. Его будут ожидать новые потрясения и возвращение крупных игроков. Необходимо отметить, что малый и средний бизнес проигрывает крупному в конкурентоспособности, в частности по себестоимости предоставляемых услуг и продукции.

Так, выработка и реализация управленческого решения в части финансового планирования, а также бюджетирования внешнеторговых операций и сделок, особенно в непредсказуемых условиях, требуют стратегических преобразований самого механизма принятия решений – упреждающего управления и менеджмента. Одним из таких механизмов может стать форсайт или форсайт-технология бюджетного процесса организации, понимаемого как система долгосрочного научно-технического проактивного прогнозирования, предвидения, предсказания развития будущей ситуации.

Вероятно, одним из стратегических направлений развития бизнеса должны стать различные формы его интеграции для цели укрупнения производств и сохранения рыночных позиций. Наиболее известными формами интеграции являются слияния и объединения по различным организационно-правовым, экономическим факторам.

Для реализации структурных экономических преобразований необходима измененная система стратегического управления, сочетающая конференциальные и коллективные механизмы формирования корпоративных организационных структур и механизмы принятия решений, основными задачами которых станут обеспечение развития и сохранение экономической устойчивости реорганизуемых экономических субъектов с соблюдением интересов собственников. Главными проблемами на этом пути станут соблюдение баланса интересов собственников и обеспечение приверженности к общей стратегии развития.

Список источников

1. Цыплаков С.С. Об основных трендах развития торговли России и Китая. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya> (дата обращения: 28.02.2025).
2. Ресурс Информационного агентства России ТАСС. URL: <https://tass.ru/tass-today> (дата обращения: 30.02.2025).
3. Себестоимость российской нефти оказалась одной из самых высоких в мире: URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/387175-sebestoimost-rossiyskoy-nefti-okazalas-odnoy-iz-samyh-vysokih-v-mire> (дата обращения: 25.02.2025).

4. Ресурс свободной энциклопедии Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.02.2025).
5. Обзор 14-го пакета санкций ЕС. Информационно-аналитический портал группы компаний Б1. URL: <https://b1.ru/insights/law-messenger/14th-eu-sanctions-package-4-july> (дата обращения: 15.02.2025).
6. Осипов А.В., Осипов В.А. Менеджмент «удобного флага» при формировании флота РФ // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4. С. 137–143.
7. Тимофеев И.Н. Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа // Сравнительная политика. 2024. Т. 15, № 1. С. 95–114.
8. Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Гарант. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/85889.html> (дата обращения: 15.02.2025).
9. РБК, информационное агентство ООО «Интерфакс-ЦРКИ». URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66e92b009a79476fceb3139?from=copy>
10. Материалы круглого стола МТПП «Как экономические санкции влияют на российский бизнес?» от 28 ноября 2024 г. // Портал Российского совета по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/news/rsmd-na-kruglom-stole-mtpp-kak-ekonomicheskie-sanktsii-vliyayut-na-rossiyskiy-biznes-/?sphrase_id=167095645
11. Материалы круглого стола «Валютные платежи в условиях санкций». URL: <https://rspp.ru/events/activities/kruglyy-stol-valyutnye-platezhi-v-usloviyakh-sanktsiy--35255/>
12. Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Стратегии. 2007. Т. 1, № 1. С. 8–15.
13. Годес Н. Форсайт-подход в условиях имманентной изменчивости мировых финансов // Банковский вестник. 2022. № 7 (708). С. 36–46. EDN JNRWHH

References

1. Tsyplakov S.S. On the main trends in the development of trade between Russia and China. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya> (accessed date: 28.02.2025).
2. Resource of the Russian Information Agency TASS. URL: <https://tass.ru/tass-today> (accessed date: 30.02.2025).
3. The cost of Russian oil turned out to be one of the highest in the world: URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/387175-sebestoimost-rossiyskoy-nefti-okazalas-odnoy-iz-samyh-vysokih-v-mire> (accessed date: 25.02.2025).
4. Wikipedia free encyclopedia resource. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed date: 15.02.2025).
5. Review of the 14th EU sanctions package. Information and analytical portal of the B1 group of companies. URL: <https://b1.ru/insights/law-messenger/14th-eu-sanctions-package-4-july> (accessed date: 15.02.2025).
6. Osipov A.V., Osipov V.A. Management of the "convenient flag" in the formation of the fleet of the Russian Federation. *Theory and practice of social development*. 2024; (4): 137–143.
7. Timofeev I.N. Secondary US sanctions in the Russian direction: experience in empirical analysis. *Comparative policy*. 2024; 15 (1): 95–114.
8. Federal Law No. 08.08.2024 dated 223-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Guarantor*. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/85889.html> (accessed date: 15.02.2025).
9. RBC, Interfax-CRCI news agency. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66e92b009a79476fceb3139?from=copy>

10. Materials of the MTPP round table "How do economic sanctions affect Russian business?" dated November 28, 2024. *Portal of the Russian Council on International Affairs (RIAC)*. URL: https://russiancouncil.ru/news/rsmd-na-kruglom-stole-mtpp-kak-ekonomicheskie-sanktsii-vliyayut-na-rossiyskiy-biznes-/?sphrase_id=167095645
11. Materials of the round table "Foreign exchange payments under sanctions". URL: <https://rspp.ru/events/activities/kruglyy-stol-valyutnye-platezhi-v-usloviyakh-sanktsiy--35255/>
12. Sokolov A.V. Forsyth: A Look Into the Future March. *Strategies*. 2007; 1 (1): 8–15.
13. Gaudez N. Forsyth approach in the face of immanent variability in world finance. *Banking Bulletin*. 2022; 7 (708): 36–46. EDN JNRWHH

Информация об авторах:

Осипов Алексей Викторович, канд. экон. наук, доцент каф. менеджмента и логистики, ФГБОУ ВО «Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского», г. Владивосток, osipov_av2010@mail.ru

Конотоп Андрей Альбертович, аспирант, ФГБОУ ВО «Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского», г. Владивосток, 775109@bk.ru

Васильева Анастасия Андреевна, магистр, Педагогический университет Центрального Китая, г. Ухань, anastasiavasilyeva_2002@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/092-104>

EDN: <https://elibrary.ru/TQARZM>

Дата поступления:
05.03.2025

Одобрена после рецензирования:
14.04.2025

Принята к публикации:
15.05.2025

Научная статья

УДК 332.1

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/105-120>

EDN: <https://elibrary.ru/RYGBMF>

Современные подходы к разработке стратегии продвижения медицинских услуг на корпоративном уровне

Жохова Валентина Владимировна

Степулёва Людмила Федоровна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена высокой конкуренцией на региональном рынке медицинских услуг, в частности в сфере вертеброневрологии и мануальной медицины Приморского края. Здоровье как главная ценность жизни занимает высокую ступень в иерархии потребностей человека, и медицинские учреждения сталкиваются с необходимостью не только предоставлять качественные услуги, но и эффективно «бороться» за внимание и доверие пациентов. Выбор правильной маркетинговой стратегии поможет организациям привлечь больше пациентов, повысить доходы и улучшить репутацию клиники. Рассмотрена сегментация целевой аудитории Владивостокского института вертеброневрологии и мануальной медицины, проведены анализ потребительских предпочтений и онлайн-опрос потребителей института по исследованию результативности использования сайта при реализации медицинских услуг. Предложены рекомендации по разработке стратегии продвижения медицинских услуг на региональном рынке, включающие контент-план, создание профессиональных профилей, взаимодействие с аудиторией, таргетированную рекламу, анализ и корректировку SMM-стратегии.

Ключевые слова: Приморский край, рынок медицинских услуг, конкурентная среда, корпоративный уровень, целевая аудитория, сегментирование, SWOT-анализ, маркетинговая стратегия, современные подходы.

Для цитирования: Жохова В.В., Степулёва Л.Ф. Современные подходы к разработке стратегии продвижения медицинских услуг на корпоративном уровне // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 105–120. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/105-120>. EDN: <https://elibrary.ru/RYGBMF>

Original article

Modern approaches to the development of a marketing strategy for the promotion of medical services at the corporate level

Valentina V. Zhokhova

Lyudmila F. Stepuleva

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

© Жохова В.В., 2025

© Степулёва Л.Ф., 2025

Abstract. *The relevance of the study is due to the high competition in the regional medical services market, in particular, in the field of vertebro-neurology and manual medicine in Primorsky Krai. Health, as the main value of life, occupies a high step in the hierarchy of human needs, and medical institutions face the need not only to provide high-quality services, but also to effectively "fight" for the attention and trust of patients. Choosing the right marketing strategy will help organizations attract more patients, increase revenue, and improve the clinic's reputation. The paper considers the segmentation of the target audience of the Vladivostok Institute of Vertebro-neurology and Manual Medicine, analyzes consumer preferences and conducts an online consumer survey of the Institute to study the effectiveness of using the site in the implementation of medical services. Recommendations for developing a strategy for promoting medical services in the regional market are proposed, including a content plan, creation of professional profiles, interaction with the audience, targeted advertising, analysis and adjustment of the SMM strategy.*

Keywords: Primorsky Krai, medical services market, competitive environment, corporate level, target audience, segmentation, SWOT-analysis, marketing strategy, modern approaches.

For citation: Zhokhova V.V., Stepuleva L.F. Modern approaches to the development of a marketing strategy for the promotion of medical services at the corporate level // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 105–120. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/105-120>. EDN: <https://elibrary.ru/RYGBMF>

Введение

Актуальность исследования обусловлена высокой конкуренцией на рынке медицинских услуг, быстрым развитием примененных технологий и изменением потребительских предпочтений, которые требуют от организаций постоянного мониторинга конкурентной среды и своевременной адаптации к новым условиям.

Результаты опроса российских крупнейших частных медицинских организаций, функционирующих на рынке коммерческой медицины, показали, что для маркетинга медицинских услуг большая часть респондентов (73 %) для продвижения медицинских услуг используют онлайн-рекламу, 42 % – традиционный маркетинг – офлайн-рекламу (наружную, на радио и телевидении, в общественном транспорте, в лифтах), 31 % – рекламу своей организации [1, 2].

Рассмотрена проблема маркетинга медицинских услуг, заключающаяся в отсутствии маркетинговой стратегии. Грамотность выбора стратегии продвижения медицинских услуг и ее проработанность помогут организациям привлечь больше пациентов, повысить доходы и улучшить репутацию клиники. Существующие проблемы в разработке и реализации маркетинговой стратегии связаны с тем, что в работе частной медицины все информационные и материальные ресурсы направлены на то, чтобы поддержать успешное взаимодействие врача и пациента, но при достаточно высокой квалификации медицинского персонала отмечается низкий уровень притока новых целевых клиентов.

В современных условиях формируются тенденции, необратимо переводящие медицинские услуги в новую сферу, к экономическим благам, и организациям здравоохранения следует проводить маркетинговые исследования, чтобы при помощи этого инструмента оценить деятельность, спектр предоставляемых услуг [3, 4].

Знание потенциального потребителя, его ценностей и предпочтений, анализ данной информации становятся необходимой информационной базой при разработке стратегии продвижения услуг для медицинского учреждения. Это составило главную цель настоящего исследования, методология которого основана на исполь-

зовании совокупности специальных и общенаучных методов научного познания, включающих сравнительный анализ и полевые маркетинговые исследования.

Научная новизна работы состоит в уточнении понятий «медицинский маркетинг» и «стратегия продвижения услуг», в формировании сегментации целевой аудитории медицинской организации и разработке рекомендаций по созданию стратегии продвижения медицинских услуг на региональном рынке.

Исследования показывают, маркетинг – это процесс планирования и практического осуществления разработки идей, товаров и услуг, формирования цен на них, стимулирования их сбыта и распределения для реализации обмена, удовлетворяющего целям индивидов и организаций [5].

С коммерческой точки зрения маркетинг медицинских услуг представляет собой предпринимательский процесс по продвижению услуги учреждением здравоохранения (врача, медицинской сестры) к потребителю (пациенту) [6]. С социальной стороны маркетинг может рассматриваться как общественный процесс, с помощью которого прогнозируется, расширяется и удовлетворяется спрос на медицинские услуги посредством их разработки, продвижения, реализации, что в конечном счете сказывается на состоянии здоровья населения государства в целом [7]. В рамках процессного подхода медицинский маркетинг определяют как процесс убеждения пациента в выборе конкретного медицинского центра, медицинской услуги или методики лечения в конкурентной среде [8].

Возникновение и развитие маркетинга медицинских услуг связаны со следующими предпосылками: появление новых источников финансирования медицинских организаций, независимых от государства; появление коммерческих медицинских учреждений, целью которых является получение прибыли от предоставления услуг; появление новейших методов лечения на основе дорогих лекарственных препаратов, что увеличило затраты медицинских учреждений на оказание услуг населению; появление и распространение новых видов заболеваний, которые привели к росту спроса населения на медицинские услуги [9].

Разделяя позицию практикующих специалистов, отметим, что маркетинг медицинских услуг имеет особенности, связанные со спецификой спроса на данном рынке и характеристиками медицинской услуги как товара. Спрос на конкретный вид услуги зависит не только от платежеспособности, но и от хронологических особенностей конкретного пациента, уровня его осведомленности о возможностях медицины [6].

Характеризуя маркетинг услуг организации здравоохранения, нужно понимать, что руководство, медицинский персонал и маркетинговая служба действуют комплексно, организуя выпуск услуг и их продажу, сбывая товары медицинского назначения, чтобы граждане удовлетворили потребности, связанные с медицинским обслуживанием [2].

Основные подходы к разработке стратегии продвижения услуг включают в себя следующие элементы: выбор измеримой цели, согласованной с корпоративным планом; позиционирование бренда; сегментирование рынка; ассортиментную матрицу; маркетинговый план и исследования, а также этапы и инструменты реализации услуг.

Однако традиционные подходы к маркетингу медицинских услуг часто не учитывают специфику потребительского поведения в этой сфере [10]. Поэтому некоторые авторы предлагают разрабатывать концепцию новой модели маркетинга, позволяющую медицинским организациям достичь повышения эффективности маркетинговых кампаний, увеличить число пациентов, повышая их лояльность, и укрепить репутацию медицинской организации [11]. Особое значение приобретает маркетинговая стратегия компаний, которая направлена не только на обеспечение эффективного развития и достижение поставленных целей организации, но и на удовлетворение потребительских предпочтений [12].

Стратегия продвижения услуг – это план действий, который разрабатывается для увеличения узнаваемости и популярности бренда на рынке. Проблема медицинских организаций – отсутствие маркетинговой стратегии продвижения услуг и грамотности ее выбора. Основными целями данной стратегии являются увеличение продаж за счет привлечения новых клиентов и обеспечение повторных продаж.

Разработанная успешная стратегия организации позволит популяризировать медицинскую услугу, повысить узнаваемость бренда, увеличить прибыль, показать свои сильные стороны, чтобы выделиться среди конкурентов и эффективно использовать свои преимущества [13, 14]. Но следует подчеркнуть, что универсальной стратегии продвижения медицинских услуг в социальных сетях не существует.

Роль SMM-стратегии заключается в эффективном использовании возможностей социальных сетей для достижения поставленных целей. Она помогает бренду построить положительное впечатление, установить доверие и взаимодействовать с аудиторией.

Основная часть

Приморское краевое общественное учреждение «Институт вертеброневрологии и мануальной медицины» на региональном рынке медицинских услуг имеет высокий потенциал благодаря профессионализму специалистов и широкому спектру услуг (URL: <https://www.inmanmed.ru/>).

SWOT-анализ позволил выявить основные направления развития Института вертеброневрологии и мануальной медицины, показывающие, что для удержания конкурентных позиций на региональном рынке необходимо выявить потенциального клиента, исследовать его потребности, активно использовать цифровые технологии при продвижении медицинских услуг и работать с клиентской аудиторией в социальных сетях.

В таблице 1 представлен сравнительный анализ сайта Института вертеброневрологии и мануальной медицины с сайтами конкурентов.

Таблица 1

Сравнительный анализ сайта Института вертеброневрологии и мануальной медицины с сайтами конкурентов

Критерий	Конкуренты									
	Институт вертеброневрологии и мануальной медицины	Медицинский центр реабилитации «БИОМЕХАНИКА»	Клиника мануальной медицины «КИНЕЗИС»	Медицинский центр «PRO-ЗДОРОВЬЕ»	Клиника функциональной медицины «Манус»	Клиника лечения боли «NP Clinic»	Центр инновационного восстановления здоровья	Медицинский центр «Артро Вита-М»	Центр мануальной терапии и детской медицинской реабилитации	Медицинский центр «Здравница»
Удобство интерфейса	Сайт светлый, приятный для восприятия. Есть общая информация, данные о ценах и специалистах. Нет записи онлайн	Сайт приятный для восприятия, удобный в передвижении, указаны цены, есть запись онлайн, имеется информация о специалистах	Сайт простой, есть запись онлайн и информация о специалистах. Мало информации о ценах, неудобен в передвижении	Сайт простой, нет кнопок передвижения, неудобно смотреть нужную информацию. Есть запись онлайн, данные о мед. работниках	Сайт и информация в нем сложные для восприятия, он пугает потенциальных клиентов различными терминами и научными статьями, нет записи онлайн	Сайт подходит современным тенденциям, удобный в использовании, есть цены и запись онлайн	Сайт мало информативен, нет кнопок передвижения, нет возможности записи онлайн, можно оставить заявку для обратной связи, нет цен	Сайт приятный для восприятия, есть информация о специалистах, есть возможность записи онлайн, нет цен	Сайт устаревший, мало информации, онлайн-записи нет. Присутствует прайс-лист и информация о мед. работниках	Сайт современный, приятный для восприятия, есть возможность записи онлайн, прайс-лист и информация о мед. работниках

Продолжение табл. 1

Критерий	Конкуренты									
	Институт вертебро- неврологии и мануальной медицины	Медицин- ский центр реабилита- ции «БИОМЕ- ХАНИКА»	Клиника мануальной медицины «КИНЕЗИС»	Медицин- ский центр «PRO- ЗДОРОВЬЕ»	Клиника функцио- нальной медицины «Манус»	Клиника лечения боли «NP Clinic»	Центр инно- вационного восстановле- ния здоровья	Медицин- ский центр «Артро Вита-М»	Центр ману- альной тера- пии и дет- ской меди- цинской реабилита- ции	Медицин- ский центр «Здравница»
Логотип и вывеска	Используй- вано слиш- ком много элементов, сложен в восприятии	Слишком детализиро- ван, сложен в воспри- ятии	Гармонично подобраны цвета и фигуры	Используй- ваны мел- кие детали, которые не видны из- далека	Используй- вано много элементов, сложен в восприятии	Красив визуально, но не несет смысловой нагрузки	Создан в стиле ми- нимализма, отсылает к медицине, нет лишних деталей	Не привле- кает внима- ния, гради- ент не ак- туален на данный момент	Представлен текстовый логотип, иконка от- сутствует. Это минус, так как лю- дей больше цепляет рисунок, чем текст	Цвета для логотипа грамотно подбраны, дизайн соответст- вует назва- нию
Местораспо- ложение	Отдельно стоящее здание, есть автопар- ковка, ря- дом распо- ложены остановки	Находится в торговом комплексе «Гермес», есть места для авто- парковки, рядом рас- положены 2 остановки	Находится во много- квартирном доме, есть небольшая автопарков- ка, рядом расположена остановка	Находится в жилом ком- плексе, есть небольшая автопарков- ка, рядом расположе- ны остано- вки	Есть места для авто- парковки, рядом рас- положены остановки и ж/д станция	Есть места для авто- парковки, находится в 7 минутах ходьбы от остановки	Имеется автопарков- ка, распо- ложен да- леко от остановки	Находится во много- квартирном доме, нет автопарко- вочных мест, рядом рас- положены остановки	Находится в жилом мно- гоквартир- ном доме, есть места для автопар- ковки, рядом расположена остановка	Находится в жилом дом, есть места для автопар- ковки, ря- дом распо- ложена остановка

Продолжение табл. 1

Критерий	Конкуренты									
	Институт вертебро-неврологии и мануальной медицины	Медицинский центр реабилитации «БИОМЕХАНИКА»	Клиника мануальной медицины «КИНЕЗИС»	Медицинский центр «PRO-ЗДОРОВЬЕ»	Клиника функциональной медицины «Манус»	Клиника лечения боли «NP Clinic»	Центр инновационного восстановления здоровья	Медицинский центр «Артро Вита-М»	Центр мануальной терапии и детской медицинской реабилитации	Медицинский центр «Здравница»
Эргономика	Устаревший ремонт, довольно большой холл, узкие проходы, есть детская зона, ограниченное количество спецтехники	Широкие комнаты, много спецтехники, инструментов	Сделан хороший ремонт, узкие коридоры, наличие спецтехники	Сделан хороший современный ремонт, есть детская игровая зона, место ожидания, наличие спецтехники	Сделан косметический ремонт, наличие спецтехники	Сделан косметический ремонт, наличие спец. и спорт. техники	Качественный ремонт, широкие коридоры, наличие спецтехники	Сделан косметический ремонт, наличие спецтехники	Устаревший ремонт, узкие коридоры, наличие спецтехники	Устаревшие ремонт и технологии, небольшое количество спецтехники
Продвижение (рейтинг)	2 Гис (3,9 – 91 оценка)	2 Гис (4,5 – 197 оценок). ВКонтакте	2 Гис (4,9 – 159 оценок). Телеграмм, ВКонтакте	2 Гис (4,9 – более 18 оценок). ВКонтакте (очень активно)	2 Гис (3,7 – 16 оценок)	2 Гис (3,1 – 83 оценки). ВКонтакте, Одноклассники	2 Гис (5 – 3 оценки)	2 Гис (4,5 – 83 оценки). ВКонтакте, Телеграмм	2 Гис (3,0 – 12 оценок)	2 Гис (4,0 – 97 оценок)
Уровень цен, руб.	Низкий (2000)	Средний (3900)	Высокий (4000)	Высокий (4000)	Средний (3000)	Средний (3000)	Высокий (6000)	Низкий (2800)	Средний (3200)	Средний (3200)

Окончание табл. 1

Критерий	Конкуренты									
	Институт вертебро-неврологии и мануальной медицины	Медицинский центр реабилитации «БИОМЕХАНИКА»	Клиника мануальной медицины «КИНЕЗИС»	Медицинский центр «PRO-ЗДОРОВЬЕ»	Клиника функциональной медицины «Манус»	Клиника лечения боли «NP Clinic»	Центр инновационного восстановления здоровья	Медицинский центр «Артро Вита-М»	Центр мануальной терапии и детской медицинской реабилитации	Медицинский центр «Здравница»
Спектр услуг	Остеопатия, мануальная терапия, прикладная кинезиология, микрокинезотерапия, кинезиотейпирование, лечебная физическая культура, войта-терапия, бобат-терапия, йога, массаж, лимфодренажный массаж, реабилитация после инсульта и травм	Травматолог, невролог, ортопед, реабилитолог, мануальный терапевт, ревматолог, физиотерапия	Массаж, мануальный массаж, ортопедия, физиотерапия, кинезиотейпирование, неврология	Мануальная терапия и все виды массажа	Остеопатия, неврология, иммуноткоррекция, биохронотерапия, психология	Мануальная терапия, реабилитация после инсульта, операций и травм	Мануальная терапия, комплексное восстановление после инсульта	Все виды массажа, мануальный массаж, остеопатия	Мануальная терапия, все виды массажа, мягкотканые техники мануальной терапии	Мануальная терапия, медицинский массаж, неврология, ортопедия, ревматология
Уровень лояльности к клиенту	Высокий	Высокий	Средний	Высокий	Низкий	Низкий	Низкий	Высокий	Низкий	Средний

Источник: URL: <https://www.inmanmed.ru/>

Сегментация целевой аудитории Института вертеброневрологии и мануальной медицины была произведена с помощью метода 5W Марка Шеррингтона, который способствовал выделению 4 сегментов целевой аудитории со схожими признаками:

- сегмент 1 (хронические боли): ищут решение долгосрочной проблемы, важна эффективность и безболезненность лечения. Опираются на рекомендации врачей и отзывы, готовы платить за качественное лечение. Боятся неэффективного лечения и высокой стоимости услуг;
- сегмент 2 (восстановление после травм): активные люди, стремящиеся к быстрому восстановлению, важна квалификация специалиста и реальные результаты. Ищут клинику с хорошим оборудованием и приятной атмосферой. Боятся неэффективного лечения, потери времени на лечение и высоких затрат;
- сегмент 3 (профилактика заболеваний): заботятся о своем здоровье, ценят качественную и комфортную жизнь. Ориентируются на репутацию клиники, квалификацию специалистов, атмосферу клиники. Боятся болезней и неэффективного лечения, а также потери времени;
- сегмент 4 (родители): беспокоятся о здоровье своих детей, ищут эффективное и безопасное лечение. Ориентируются на квалификацию детских специалистов, комфортные условия, удобное месторасположение и наличие программ для детей. Боятся пропустить серьезные проблемы, не получить нужных рекомендаций и некомпетентности специалистов.

Дополнительно со сравнительным анализом сайта Института вертеброневрологии и мануальной медицины с сайтами основных конкурентов на региональном рынке был проведен онлайн-опрос потребителей Института по исследованию результативности использования сайта при реализации медицинских услуг (URL: <https://www.inmanmed.ru/>). Анкета была создана с помощью Yandex Forms (URL: <https://forms.yandex.ru/u/674d4752e010db6cd9b2e54b/>). Важность основных критериев продвижения сайта Института оценивалась по 5-балльной шкале Лайкерта (где 1 – неважно, 5 – очень важно), оценка степени удовлетворенности потребителя сайтом – по 5-балльной шкале (где 1 – полностью не удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен).

Результаты опроса представлены в табл. 2, где отмечено количество респондентов, проставляющих от 0 до 5 баллов.

Таблица 2

Эффективность использования сайта Институтом вертеброневрологии и мануальной медицины при реализации медицинских услуг

Оценка важности основных критериев сайта при реализации медуслуг					
Критерий / Оценка	5	4	3	2	1
Скорость загрузки главной страницы	46	26	6	2	0
Корректное отображение сайта на различных устройствах	29	37	13	1	0

Оценка важности основных критериев сайта при реализации медуслуг					
Критерий / Оценка	5	4	3	2	1
Доступность для людей с ограниченными возможностями	40	27	8	5	0
Простота поиска необходимой информации	36	32	10	1	1
Читаемость и качество изображений	36	27	16	1	0
Визуальное оформление	36	30	12	2	0
Актуальность информации	41	31	7	0	1
Информация о текущих акциях	39	27	10	4	0
Онлайн запись на прием	39	31	8	1	1
Общение с клиникой через онлайн-чат	19	34	17	8	2
Полное описание услуг	36	33	9	1	1
Оценка степени удовлетворенности потребителем сайта Института при реализации медуслуг					
Критерий / Оценка	5	4	3	2	1
Скорость загрузки главной страницы	24	35	11	6	4
Корректное отображение сайта на различных устройствах	22	21	17	14	6
Доступность для людей с ограниченными возможностями	23	25	16	10	6
Простота поиска необходимой информации	20	20	21	12	7
Читаемость и качество изображений	23	16	18	14	9
Визуальное оформление	21	17	11	25	6
Актуальность информации	10	20	16	18	16
Информация о текущих акциях	7	21	17	24	11
Онлайн запись на прием	7	11	11	20	31
Общение с клиникой через онлайн-чат	9	11	17	25	18
Полное описание услуг	18	20	20	14	8
Пол респондентов					
Мужской	39				
Женский	41				
Возраст респондентов					
18–24 года	41				
25–35 лет	18				
36–45 лет	12				
46–55 лет	6				
56 и более лет	3				

Примечание: сост. авторами по данным онлайн-опроса.

По данным, приведённым в табл. 2, можно сделать следующие выводы: скорость загрузки страниц сайта и актуальность предлагаемой информации на нем наиболее важны для потребителя Института вертеброневрологии и мануальной медицины при выборе медицинских услуг. Пользователи удовлетворены следующими критериями: скоростью загрузки, корректным отображением и доступностью для людей с ограниченными возможностями.

Информация о текущих акциях, доступность для людей с ограниченными возможностями и онлайн-запись на прием также являются приоритетными для пользователя сайта. Но значительная доля пользователей недовольна онлайн-записью; предполагают, что онлайн-запись на приём отсутствует.

Онлайн-опрос показал, что к менее значимым критериям респонденты отнесли: читаемость и качество изображений, визуальное оформление, простоту поиска необходимой информации и полное описание услуг, общение с клиникой через онлайн-чат и корректное отображение сайта на различных устройствах. Степень удовлетворенности данными критериями также резко снижается. Пользователи считают, что возможность общения через онлайн-чат отсутствует, получить консультацию через онлайн-чат и онлайн-запись невозможно: либо чат не работает, либо операторы медленно отвечают.

Веб-сайт Института имеет устаревший дизайн и технические недоработки. На главной странице сайта в мобильной версии наблюдается деформация логотипа; изображения на виджетах отображаются некорректно на некоторых мобильных устройствах.

Карта, размещенная в футере (подвале) сайта, не загружается, что препятствует навигации. В ПК-версии сайта присутствуют серьезные ошибки: кнопки на виджетах не функционируют должным образом и не обеспечивают переход на соответствующие страницы; текст на виджете плохо читаем; при сканировании QR-кода сайт не загружается.

Карточки в разделе «Услуги» имеют различные размеры, отсутствует изображение. Страница «Отзывы» не найдена (ошибка 404). При наведении курсора на раздел «Услуги» список услуг отображается не полностью.

В различных разделах сайта заметна неоднородность в стиле оформления и использовании шрифтов. Встречаются ссылки, ведущие на несуществующие страницы или имеющие неверное перенаправление.

Проведенные исследования позволили авторам разработать систему рекомендаций, сгруппированных по блокам: по информационному улучшению сайта и разработке SMM-стратегии продвижения медицинских услуг.

1. Рекомендации по информационному улучшению сайта

Раздел «Блог». Цель: публикация статей, заметок, новостей и экспертных мнений о заболеваниях позвоночника, методах лечения и реабилитации.

Рекомендации по контенту:

- экспертные статьи: публикация статей, написанных специалистами Института, на темы, интересующие потенциальных пациентов (боли в спине, грыжи, сколиоз, остеохондроз и т.д.);
- обзоры новых методов лечения: описание новых методик и технологий, применяемых в Институте, с объяснением их преимуществ;

- полезные советы: предоставление рекомендаций по профилактике заболеваний позвоночника, правильной осанке, упражнениям для укрепления мышц спины и т.д.;

- интервью с врачами: публикация интервью с ведущими специалистами Института, где они отвечают на вопросы пациентов и делятся своим опытом;

- новости Института: рассказ о мероприятиях, конференциях, новых специалистах и других важных событиях, касающихся деятельности Института;

- популярный формат: статьи должны быть написаны простым, понятным языком и быть легко воспринимаемыми для неподготовленного читателя;

- мультимедиа: добавлять в статьи изображения, видео, инфографику, чтобы сделать контент более привлекательным и наглядным.

Раздел «Отзывы». Цель: отражение реального впечатления пациентов.

Рекомендации по контенту:

- фото-, видеоотзывы: поощрять пациентов оставлять видеоотзывы;

- разнообразие отзывов: публиковать отзывы, отражающие разные аспекты лечения и обслуживания в Институте вертеброневрологии и мануальной медицины;

- честные отзывы: не скрывать и не удалять негативные отзывы, а отвечать на них, демонстрируя готовность к диалогу и исправлению недочетов.

Раздел «Кейсы лечения». Цель: демонстрация успешных случаев лечения в Институте, что повысит доверие и уверенность потенциальных пациентов.

Рекомендации по контенту:

- детальное описание: публиковать подробные описания случаев лечения, начиная с симптомов и диагноза и заканчивая результатами лечения;

- реальные примеры: представлять реальные примеры из практики врачей Института с разрешения пациентов;

- фото «до и после»: при возможности использовать фотографии «до и после» лечения, чтобы наглядно продемонстрировать результаты;

- комментарии врачей: добавлять комментарии врачей, объясняющие особенности лечения и его результаты;

- истории пациентов: представлять истории пациентов, рассказывающие о том, как лечение в Институте помогло им улучшить качество жизни.

Внедрение представленных рекомендаций позволит значительно повысить информативность сайта, что, в свою очередь, приведет к увеличению лояльности существующих клиентов и привлечению новых.

2. Рекомендации по разработке SMM-стратегии продвижения медицинских услуг

Для Института вертеброневрологии и мануальной медицины SMM-стратегия может стать катализатором роста клиентской базы и повышения узнаваемости бренда. Социальные сети могут стать результативным инструментом для продвижения медицинских услуг.

Основные цели для разработки SMM-стратегии:

- увеличение узнаваемости бренда Института;

- привлечение новой целевой аудитории;

- укрепление лояльности существующих клиентов;

– формирование позитивного имиджа Института как эксперта в своей области.

Согласно «Топ-5 Социальных медиа» следует использовать следующие платформы [13]:

– ВКонтакте (VK), позволяющую публиковать разнообразный контент, взаимодействовать с аудиторией и запускать таргетированную рекламу;

– Telegram, подходящую для распространения новостей, экспертных мнений и полезных советов;

– Одноклассники, используемую для охвата аудитории более старшего возраста.

По мнению авторов, формирование SMM-стратегии продвижения медицинских услуг должно включать:

1. Создание и оформление профилей: разработка профессиональных профилей с использованием единого стиля (логотип, фирменные цвета, шрифты); заполнение всей необходимой информации об Институте (описание, контактные данные, ссылка на сайт).

2. Разработку контент-плана: *информационный контент*: статьи о здоровье позвоночника, советы по профилактике и лечению, описания методик и процедур; *экспертный контент*: интервью с врачами, мнения специалистов, ответы на вопросы подписчиков; *продающий контент*: информация об акциях, скидках, специальных предложениях, отзывы пациентов; *вовлекающий контент*: опросы, конкурсы, викторины, прямые эфиры с врачами; *визуальный контент*: фотографии и видеоматериалы о работе Института, отзывы клиентов, экспертные выступления.

3. Взаимодействие с аудиторией: оперативное реагирование на комментарии и вопросы подписчиков; проведение опросов и конкурсов для повышения вовлеченности; организация прямых эфиров с врачами для ответов на вопросы в режиме реального времени.

4. Таргетированную рекламу: настройка таргетированной рекламы на целевую аудиторию (география, возраст, интересы, профессия); использование различных форматов рекламы (посты, объявления, видео); анализ эффективности рекламных кампаний и корректировка настроек.

5. Анализ и корректировку: регулярный анализ эффективности SMM-стратегии (охват, вовлеченность, переходы на сайт, обращения); корректировка контент-плана и рекламных кампаний на основе полученных данных.

Основные рекомендации: создать профессиональную команду SMM-специалистов для реализации стратегии продвижения в социальных сетях; регулярно обновлять контент, поддерживая интерес целевой аудитории; активно взаимодействовать с подписчиками, отвечая на их вопросы и запросы; использовать различные форматы контента для достижения максимального охвата; оценивать эффективность SMM-стратегии.

SMM-стратегии продвижения медицинских услуг должны стать ключевым маркетинговым элементом Института вертеброневрологии и мануальной медицины для достижения поставленных целей.

Заключение

Маркетинг медицинских организаций становится все более популярным в современной России, но сталкивается с определенными проблемами, требующими внимания и поиска перспективных средств их решения. Тенденции разви-

тия маркетинга медицинских организаций проявляются в более активном продвижении медицинских организаций, медицинских товаров и услуг, медицинских работников [13].

Проведенные исследования позволили составить сегментацию целевой аудитории Приморского Института вертеброневрологии и мануальной медицины, провести SWOT-анализ потребительских предпочтений и осуществить онлайн-опрос потребителей Института по исследованию результативности использования сайта при реализации медицинских услуг. Авторами предложены рекомендации по разработке стратегии продвижения медицинских услуг на региональном рынке, включающие контент-план, создание профессиональных профилей, взаимодействие с аудиторией, таргетированную рекламу, анализ и корректировку SMM-стратегии.

SMM-стратегия еще на этапе разработки помогает обозначить приоритеты действий, объединить официальные аккаунты организации и поддерживать целостный образ бренда – региональной медицинской клиники.

Предложенные мероприятия по совершенствованию сайта и реализации SMM-стратегии способствуют корректировке маркетинговой деятельности Института на рынке медицинских услуг Приморского края. Использование эффективных инструментов и выстраивание уникальной стратегии являются основой успеха медицинского маркетинга.

В качестве возможных перспективных направлений дальнейших научных исследований можно выделить проведение лонгитюдных исследований, позволяющих увидеть развитие применения маркетинговых стратегий продвижения медицинских услуг на региональном рынке с целью обобщения полученных результатов.

Список источников

1. Лукьянюк Ю.Н., Гарбина Н.А. Особенности стратегий продвижения медицинских услуг // Журналистика в цифровую эпоху: технологии и методология творчества: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию факультета журналистики Белорусского гос. ун-та (Минск, 25 апреля 2024 г.). Минск: Белорусский гос. ун-т, 2024. С. 265–271.
2. Ендовицкий Д.А., Разуваев Г.А. Особенности использования инструментов маркетинга в сфере оказания медицинских услуг // Современная экономика: проблемы и решения. 2022. № 5 (149). С. 20–32. DOI: 10.17308/meps.2022.5/9250. EDN BVKHPT
3. Казаков А.Г. Роль стратегического маркетинга в формировании конкурентных преимуществ медицинских учреждений // Вестник науки. 2024. № 2 (71). С. 61–74.
4. Сова А.Н. Стратегии и digital-инструменты интернет-маркетинга, используемые для продвижения коммерческих медицинских организаций // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 3, № 3 (135). С. 157–166. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.03.03.018. EDN ITZQSB
5. Жохова В.В., Кметь Е.Б., Юрченко Н.А. Традиционный маркетинг vs цифровой маркетинг: электронный практикум. Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2024. 109 с. EDN ZMOLND
6. Павловская О.В. Маркетинг медицинских услуг: актуальные вопросы применения государственными организациями здравоохранения // Экономика. Бизнес. Финансы. 2018. № 4. С. 3–6. EDN LWOXYR

7. Бабенко А.А. Специфика организации маркетинговой деятельности в сфере платных медицинских услуг // Молодой ученый. 2016. № 2 (106). С. 429–431. URL: <https://moluch.ru/archive/106/25341/> (дата обращения: 10.02.2025).
8. Особенности маркетинга в здравоохранении (на примере медицинского туризма для лиц пожилого возраста) / Т.В. Аврамова, О.Н. Ткачева, С.Э. Ермакова, Н.Т. Хватова // Российский журнал гериатрической медицины. 2021. № 3. С. 340–343. DOI: 10.37586/2686-8636-3-2021-332-335. EDN YOOORW
9. Ходжибоев М.А. К вопросу использования маркетинга в сфере медицинских услуг Республики Таджикистан // Вестник Таджикского гос. ун-та коммерции. 2023. № 4-2 (50). EDN VGQDNV
10. Соболева С.Ю., Соболев А.В. Особенности применения комплекса маркетинг-микс в развитии медицинского туризма // Сб. матер. III (I Национальной) Всерос. науч.-практ. конф. «Менеджмент в здравоохранении: вызовы и риски XXI века». Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2019. С. 200, 201.
11. Аксёнова Е.И., Зудин А.Б. Маркетинг медицинских организаций: инструменты привлечения и удержания пациентов // Вестник Авиценны. 2020. № 22 (4). С. 548–552. Available from: <https://doi.org/10.25005/2074-0581-2020-22-4-548-552>
12. Яркина А.О., Ивер Н.Н. Совершенствование маркетинговой стратегии продвижения медицинских услуг организации // Социальные науки. 2019. № 2 (25). С. 69–75. EDN XCHDUR
13. Колесник В.И. Маркетинг медицинских услуг как инструмент эффективной деятельности учреждений здравоохранения // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2020. № 2. С. 121–126.
14. Социальные сети РФ 2024. Топ-10. URL: <https://vc.ru/social/973910-socseti-rossii-2024-socialnye-seti-rf-top-10>

References

1. Lukyanyuk Yu.N., Garbina N.A. Features of strategies for promoting medical services. *Journalism in the digital era: technologies and methodology of creativity: Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Faculty of Journalism of the Belarusian State University (Minsk, April 25, 2024)*. Minsk: Belarusian State University; 2024. P. 265–271.
2. Endovitsky D.A., Razuvaev G.A. Features of the use of marketing tools in the provision of medical services. *Modern economics: problems and solutions*. 2022; 5 (149): 20–32. DOI: 10.17308/meps.2022.5/9250. EDN BVKHPT
3. Kazakov A.G. The Role of Strategic Marketing in the formation of competitive advantages of medical institutions. *Bulletin of Science*. 2024; 2 (71): 61–74.
4. Sova A.N. Strategies and digital tools of Internet marketing used to promote commercial medical organizations. *Economics and management: problems, solutions*. 2023; 3 (3 (135)): 157–166. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.03.03.018. EDN ITZQSB
5. Zhokhova V.V., Kmet E.B., Yurchenko N.A. Traditional marketing vs digital marketing: An electronic workshop. Vladivostok: Vladivostok State University; 2024. 109 p. EDN ZMOLND
6. Pavlovskaya O.V. Marketing of medical services: current issues of application by state healthcare organizations. *Economics. Business. Finance*. 2018; (4): 3–6. EDN LWOXYR
7. Babenko A.A. Specifics of organizing marketing activities in the field of paid medical services. *Young scientist*. 2016; 2 (106): 429–431. URL: <https://moluch.ru/archive/106/25341/> (accessed date: 02.10.2025).
8. Features of marketing in healthcare (using the example of medical tourism for the elderly) / T.V. Avraamova, O.N. Tkacheva, S.E. Ermakova, N.T. Khvatova. *Russian Journal of Geri-*

- atric Medicine*. 2021; (3): 340–343. DOI: 10.37586/2686-8636-3-2021-332-335. EDN YOOORW
9. Khodzhiboev M.A. On the issue of using marketing in the field of medical services of the Republic of Tajikistan. *Bulletin of the Tajik State University of Commerce*. 2023; 4-2 (50). EDN VGQDNV
10. Soboleva S.Yu., Sobolev A.V. Features of the application of the marketing mix complex in the development of medical tourism. *Collection of materials of the III (I National) All-Russian Scientific and Practical Conference “Management in Healthcare: Challenges and Risks of the 21st Century”*. Volgograd: VolgSMU Publishing House; 2019. P. 200, 201.
11. Aksenova E.I., Zudin A.B. Marketing of medical organizations: tools for attracting and retaining patients. *Avicenna Bulletin*. 2020; 22 (4): 548–552. Available from: <https://doi.org/10.25005/2074-0581-2020-22-4-548-552>
12. Yarkina A.O., Iver N.N. Improving the marketing strategy for promoting medical services of an organization. *Social sciences*. 2019; 2 (25): 69–75. EDN XCHDUR
13. Kolesnik V.I. Marketing of medical services as a tool for the effective operation of health-care institutions. *Scientific Bulletin: Finance, banks, investments*. 2020; (2): 121–126.
14. Social networks of Russia 2024. Top-10. URL: <https://vc.ru/social/973910-socseti-rossii-2024-socialnye-seti-rf-top-10>

Информация об авторах:

Жохова Валентина Владимировна, канд. экон. наук, доцент каф. маркетинга и логистики, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, valentina.zhohova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9934-2702>

Степулёва Людмила Федоровна, старший преподаватель каф. маркетинга и логистики ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, step.vl@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6470-5104>

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/105-120>

EDN: <https://elibrary.ru/RYGBMF>

Дата поступления:
21.03.2025

Одобрена после рецензирования:
24.03.2025

Принята к публикации:
15.05.2025

Научная статья

УДК 330.338.012: 681.518

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/121-136>

EDN: <https://elibrary.ru/UHPBKN>

Совершенствование информационной архитектуры корпоративного управления: системный подход к менеджменту информационных ресурсов

Данилов Егор Анатольевич

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Приведены результаты исследования эволюции теоретических подходов к понятию информационных ресурсов в экономике и управлении. Выявлены существенные различия в толковании понятия в научной среде. На основании полученных результатов выделены три основных вида информационных ресурсов: знания (нематериальные активы), документация, технологические средства; выявлена их взаимосвязь с тремя видами менеджмента, к которым относится информационный, коммуникационный и репутационный менеджмент. Доказана обоснованность рассмотрения процессов управления информационными ресурсами как системой в рамках современной информационной архитектуры корпоративного управления. На основании системного подхода предложена концептуальная модель управления информационными ресурсами на корпоративном уровне, обеспечивающая их координированное использование, способствующее оптимизации информационных процессов для обеспечения устойчивого экономического развития крупных хозяйствующих субъектов.*

***Ключевые слова:** информационные ресурсы, информационная среда, корпоративное управление, информационный менеджмент.*

***Для цитирования:** Данилов Е.А. Совершенствование информационной архитектуры корпоративного управления: системный подход к менеджменту информационных ресурсов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 121–136. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/121-136> EDN: <https://elibrary.ru/UHPBKN>*

Original article

Improving the information architecture of corporate governance: a systematic approach to the management of information resources

Egor A. Danilov

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

***Abstract.** The article presents the results of the study of the evolution of theoretical approaches to the concept of information resources in economics and management. Significant differences in the interpretation of the concept in the scientific environment have been identified. Based on the results obtained, three main types of information resources were identified: knowledge (intangible assets), documentation, technologi-*

cal means; and their relationship with three types of management, which include information, communication and reputation management, was revealed. It proved the validity of considering information resource management processes as a system within the framework of the modern information architecture of corporate governance. Based on the system approach, a conceptual model of information resources management at the corporate level was proposed, providing their coordinated use, contributing to the optimization of information processes to ensure the sustainable economic development of large economic entities.

Keywords: information resources, information environment, corporate governance, information management.

For citation: Danilov E.A. Improving the information architecture of corporate governance: a systematic approach to the management of information resources // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 2. P. 121–136. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/121-136>. EDN: <https://elibrary.ru/UHPBKN>

Введение

На протяжении трёх последних десятилетий научное сообщество и представители бизнес-среды неоднократно отмечают тенденцию повышения значимости информации в управлении организационно-экономическими структурами и, как следствие, необходимость в оптимизации информационного пространства в крупных коммерческих компаниях. В этой связи научные исследования, посвящённые понятию информационных ресурсов в корпоративном управлении, на современном этапе развития экономических отношений приобретают особую значимость. Устойчивая тенденция возрастающей роли информации становится поводом для научного переосмысления подходов к управлению крупными хозяйствующими субъектами; формирует своеобразный вызов науке. Полноценное осуществление управленческих процессов, функционирование которых происходит в условиях их полного поглощения информационной средой с большими объёмами данных (BigData), фактически не представляется возможным без использования современных методов управления информационными ресурсами. Научные исследования дают основание утверждать, что информация в рамках информационной экономики является важным нематериальным фактором производства, экономического роста и конкурентоспособности организаций.

Актуальность исследований в этой области значительно возрастает, когда тематика управления информационными ресурсами касается субъектов крупного предпринимательства, характеризующихся масштабными, многоканальными и непрерывными потоками информационного обмена.

Согласно статистическим отчетам немецкой компании «Statista», которая специализируется на сборе и анализе рыночных и потребительских сведений, в среднем 60 % предприятий во всем мире в 2023–2024 гг. внедряли инновации для совершенствования процессов управления информацией [1]. Исследования таких мировых аналитических холдингов, как «Business Insights» [2] и «ExplodingTopics» [3], показали, что около 40 % компаний во всём мире управляют информацией как бизнес-активом и более 20,5 % организаций формируют корпоративную культуру с ориентацией на оптимизацию процессов использования больших данных (BigData) [2, 3]. По данным информационно-аналитического интернет-портала «Inclient», с 2010 по 2024 г. общий объём мировых электронных информационных данных вырос практически в 66 раз [4].

Следовательно, от способов организации управленческих процессов, в том числе с использованием современных возможностей, в крупных предпринимательских структурах во многом зависят экономические показатели и эффективность функционирования хозяйствующего субъекта. Результативность самих управленческих процессов в условиях непрерывных информационных потоков будет зависеть от выбора подходов к управлению информационными ресурсами.

Однако из-за большого объема новых знаний и терминологий, введенных в экономические науки в последние годы, и ввиду новизны понятия информационных ресурсов первичный анализ научных источников в общедоступных базах данных показал отсутствие единого теоретического подхода к толкованию определения понятия информационных ресурсов с точки зрения сущности его экономического содержания в управлении. В зависимости от научной специализации авторов исследования фокусируются на различной природе возникновения информационных ресурсов. В итоге смысловое содержание понятия становится многогранным и чрезмерно разносторонним, что затрудняет формирование целостного представления об управлении информационными ресурсами как системой в рамках корпоративной информационной архитектуры. При этом практически во всех научных трудах по экономике, посвященных исследованию информационных ресурсов, фигурирует понятие информации как главного объекта исследования; подчеркивается её ключевая роль в обеспечении эффективности управленческих процессов.

Научная проблема исследования заключается в отсутствии комплексного экономического представления о системе управления информационными ресурсами в корпоративном контексте с учётом многоаспектности понятия.

Практической проблемой в этой плоскости является наличие множества разновидностей корпоративных информационных систем управления информацией, что в современных условиях потенциально может стать причиной снижения оперативности при принятии управленческих решений в условиях больших данных и несогласованности действий элементов управленческой цепочки. Всё перечисленное обуславливает поиск новых подходов к управлению информационными ресурсами в корпоративных структурах.

Гипотеза исследования состоит в следующем: применение системного подхода к управлению информационными ресурсами в крупных корпоративных структурах позволит комплексно представить взаимодействие разных элементов информационных процессов для последующей оптимизации информационной архитектуры корпоративного управления.

Целью исследования является разработка концептуальной модели системного подхода к управлению информационными ресурсами в рамках информационной архитектуры корпоративного управления.

Задачи исследования:

- анализ теоретических представлений о сущности экономического содержания информационных ресурсов через эволюцию понятия;
- структурирование теоретических подходов к определению понятия информационных ресурсов в управлении;

– поиск возможных связующих элементов между задачами корпоративного управления и разновидностями информационных ресурсов для представления менеджмента информационных ресурсов как целостной системы.

Предмет исследования – информационная архитектура современного корпоративного управления.

Объект исследования – система менеджмента информационных ресурсов в контексте современной архитектуры корпоративного управления.

Методология исследования основывается на сборе, систематизации и сравнительном анализе теоретических подходов к понятию информационных ресурсов с учётом эволюции научной мысли в этой области. Такие методы, как описательный и сопоставительный анализы, позволили выявить взаимосвязь между тремя видами информационных ресурсов и современными направлениями менеджмента в контексте корпоративного управления. Метод моделирования использован для визуального представления системного подхода к управлению информационными ресурсами в корпоративной информационной среде.

Научная новизна исследования заключается в разработке концептуальной модели управления информационными ресурсами в корпоративной среде, которая расширяет существующие теоретические представления об управлении информацией в крупных хозяйствующих субъектах.

Основная часть

Эволюция теоретических подходов к понятию информационных ресурсов в экономике и управлении

Анализ и структурирование научных исследований, посвящённых определению понятия информационных ресурсов в менеджменте с раскрытием сущности его экономического содержания, дали возможность предположить, что все исследования в российском научном сегменте условно можно разделить на несколько временных этапов, что представляется важным для осознания природы эволюционирования понятия и его экономического представления в менеджменте на современном этапе.

Предложенная этапизация исследований понятия информационных ресурсов основана на теории смены парадигм, описанной американским историком и философом науки Томасом Куном в монографии «Структура научных революций», изданной в 1962 г. и пользующейся популярностью в изучении эволюции научных знаний в настоящее время. Согласно данной теории, развитие научной мысли состоит из трёх этапов, которые включают в себя: «нормальную науку», где каждое положение поддается объяснению существующей на тот момент теории; «экстраординарную науку», где наличие новых фактов обуславливает альтернативные научные теории; «научную революцию» – завершающий цикл, на котором происходит формирование новой парадигмы [5].

Применяя вышеупомянутую теорию к исследованию теоретических подходов к определению понятия информационных ресурсов в экономике, автором исследования предлагается следующее разделение основных этапов эволюции научной мысли в российской науке:

1) 1985–2000 гг. – зарождение понятия информационных ресурсов в связи с возникновением потребности в изучении этого объекта в информационном обществе;

2) 2000–2013 гг. – появление альтернативных теоретических подходов, активизация дискуссий по данной теме, обусловленная развитием информационно-коммуникационного пространства и научно-технического прогресса;

3) с 2014 г. по настоящее время – формирование принципиально новых теоретических подходов к определению понятия информационных ресурсов и их роли в контексте управления современными предприятиями в условиях высоких темпов цифровой трансформации в информационной экономике.

Таким образом, первый этап научных исследований понятия информационных ресурсов как объекта изучения в менеджменте в российской науке можно отнести к концу XX в. Одной из первых работ данного периода, принимая во внимание критерий глубины раскрытия тематики и научную новизну результатов, является исследование Г.Р. Громова «Национальные информационные ресурсы: проблемы промышленной эксплуатации», изданное в 1985 г. [6]. Ученый спрогнозировал тенденцию повышения значимости информации в экономике на рубеже XX–XI вв. С одной стороны, автор отмечал, что определить экономическую составляющую информационного ресурса не представляется однозначно возможным, в то время как значимость информации в экономике возрастает. С другой стороны, понятие информационных ресурсов раскрывается в технологическом контексте. Г.Р. Громов констатирует, что ЭВМ и другие технические разработки – это самостоятельные информационные ресурсы, которые, в свою очередь, способны хранить, обрабатывать и передавать данные, т.е. те же информационные ресурсы, но в нематериальном выражении [6]. Однако исследование не являлось в полной мере актуальным и не представляло практическую значимость для советской системы научных знаний. Как следствие, у представленного автора и немногочисленных сторонников схожих суждений не наблюдалось достаточной обратной связи в научной среде для дальнейшего развития познания понятия информационных ресурсов в экономическом контексте. Поэтому более системные научные исследования, посвященные понятию информационных ресурсов в экономике, в российской научной сфере, как и прогнозировалось Г.Р. Громовым, получают своё развитие в начале XXI в.

Второй этап показывает начало активного развития исследований понятия информационных ресурсов в российской науке с возникновением такой потребности в практическом секторе экономики.

Особого внимания в данный период (2000–2013), на наш взгляд, заслуживают работы российских авторов, опубликованные в зарубежных журналах и входящие в мировые библиографические базы научного цитирования. Среди них исследование М.Ю. Днепровы «Информационный ресурс как объект и средство реализации экономических интересов», результаты которого легли в основу положений научной новизны диссертации автора [7], и работа Е.А. Гуровой «Особенности формирования инновационного потенциала организации» [8]. Проанализировав материалы, считаем справедливым отметить, что результаты исследований на данный момент пользуются популярностью в науке. Цитирова-

ние представленных работ неоднократно встречается у последователей изучения тематики в экономическом контексте. М.Ю. Днепров информационные ресурсы определяет как совокупность данных, необходимых для повышения эффективности воспроизводства [7]. Е.А. Гурова считает, что информационные ресурсы являются предпосылкой инновационной деятельности и определяются как некие формы, переводящие материальные факторы из скрытого состояния в активное [8].

Г.С. Орехов, рассматривая информационный ресурс как элемент менеджмента экономического развития, отмечает, что информационные ресурсы – это знания, подготовленные человеком для социального использования в обществе [9]. А.И. Мамьянов, оценивая роль информационных ресурсов в управлении, говорит об их возрастающем значении. По мнению автора, к информационным ресурсам относятся как нематериальные активы, так и документация, представленная на носителях информации [10].

Третий этап научных исследований, связанных с понятием информационных ресурсов в экономическом контексте, можно охарактеризовать как активную фазу поиска истины теперь уже не только в уточнении понятия, как это было ранее, а преимущественно в предопределении роли и места информационных ресурсов в управленческих процессах.

Например, С.А. Мирзоева, исследуя понятие информационных ресурсов как отдельную экономическую категорию, проводит анализ научных суждений известных российских и зарубежных ученых, отмечая существенные недостатки в определении. Автор связывает эту особенность с возросшей ролью информации в современной экономике, подчеркивая её многофункциональное влияние. Под информационными ресурсами С.А. Мирзоева считает преимущественно документацию в информационных системах [11]. В.В. Текучев и О.А. Ваулина, посвятив исследование применению информационных ресурсов для достижения стратегических целей предприятия, допускают совокупность рассмотренных ранее подходов к определению [12].

Стоит отметить, что с 2014 по 2024 г. значительное количество научных исследований посвящено изучению информационных ресурсов в контексте информационной среды агропромышленного комплекса. Данная тенденция связана в том числе с масштабами агропромышленных предприятий, отличающихся от других субъектов предпринимательства большими объёмами специфической статистической и иной информации, нуждающейся в грамотном информационном управлении.

Согласно актуальному определению в электронной версии Большой российской энциклопедии под информационными ресурсами в экономике подразумеваются ресурсы, «обладающие рядом уникальных свойств, позволяющих использовать их в производственной деятельности в виде специфических ресурсов – факторов производства» [13]. Представленное определение частично дополняет рассмотренные теоретические подходы. Не исключено, что его формирование могло происходить с опорой на научные суждения, точно так же, как не исключается вариант определения информационных ресурсов в экономических науках на основе трактования в энциклопедии.

Обобщение вышепредставленных и других проанализированных источников в ходе подготовки настоящего исследования даёт возможность констатировать, что эволюция теоретических представлений о сущности экономического содержания информационных ресурсов может находиться на завершающем цикле, но подходы к определению понятия в экономическом контексте продолжают претерпевать изменения.

По нашему мнению, вклад в становление теоретических представлений об информационных ресурсах является коллективным научным достижением. В этой связи не представляется однозначно возможным опровергнуть подходы отдельных авторов, как и не представляется возможным однозначно согласиться с суждениями иной идентичной природы в силу альтернативных вариантов, имеющих убедительную доказательную базу.

Следовательно, подходы к определению информационных ресурсов, исходя из проанализированных представлений, показывают, что информационные ресурсы в менеджменте можно разделить на три основных вида:

- информационный ресурс как знание;
- информационный ресурс как информация, зафиксированная на электронном или физическом носителе;
- информационный ресурс как инструмент хранения, передачи или управления информацией.

Деление информационных ресурсов может быть расценено как виды информационных ресурсов по типу управленческой информации в менеджменте. Автором была составлена схема, иллюстрирующая многоаспектный подход к определению понятия информационных ресурсов в менеджменте (рис. 1).

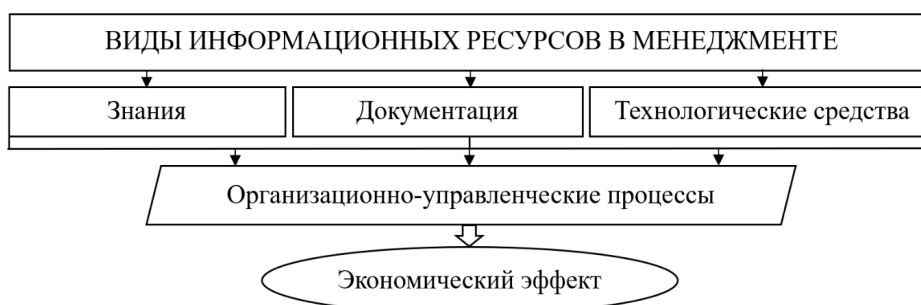

Рис. 1. Виды информационных ресурсов в менеджменте

Источник: сост. автором.

На представленной схеме предлагается обратить внимание на завершающий элемент, который выражается в определённом экономическом эффекте в зависимости от результативности осуществления организационно-управленческих процессов, предшествующих данному эффекту; организационно-управленческие процессы в том числе зависят от результативности управления тем или иным видом информационного ресурса. Предложенная логическая последовательность осно-

вывается на своеобразной аксиоме, выявленной в исследованиях по информационным ресурсам в экономическом контексте. Она заключается в том, что вне зависимости от подхода к определению информационных ресурсов научное сообщество отмечает стратегическую значимость таких ресурсов и доказывает их значительное, а при определённых условиях главенствующее влияние на управленческие процессы, от которых зависят экономические показатели субъектов.

Обозначение взаимосвязи между тремя видами информационных ресурсов в менеджменте на разработанной схеме предполагает, что полноценное использование одной разновидности ресурса в процессе управления невозможно представить без использования двух других видов. В зависимости от конкретных моделируемых условий один из видов информационного ресурса может быть объектом управления основного бизнес-процесса, а два других – соответственно объектами вспомогательных бизнес-процессов. При этом каждый информационный ресурс может быть представлен как отдельная экономическая категория. Например, знания могут выражаться в виде информации экономической направленности, результат управления которой напрямую способен повлиять на ключевые финансовые, производственные показатели и возможности организационно-экономической структуры. Документация, представленная на физических или электронных носителях, может являться финансовой отчетностью, объектом коммерческой тайны, документом с содержанием необходимых положений в рамках информационно-аналитического обеспечения управления для принятия управленческих решений. Информационные ресурсы как технологические средства хранения, обработки и передачи информации служат для обеспечения стабильного функционирования бизнес-процессов и являются связующим звеном между двумя другими разновидностями информационных ресурсов. Возможно предположить, что для представителей практического сектора последнее определение информационных ресурсов наиболее релевантное, так как подразумевает под собой компьютерные системы, информационные платформы, программные компоненты электронного документооборота, сайты и инновации.

Таким образом, проанализированная база даёт основание полагать, что понятие информационных ресурсов в менеджменте прямо или опосредованно связано с сущностью их экономического содержания. Из этого следует закономерный вывод о необходимости эффективного управления самими информационными ресурсами как системой для обеспечения стабильного экономического функционирования и развития организационно-экономических структур в рамках достижения целей корпоративного управления.

Разработка концептуальной модели системного подхода к управлению информационными ресурсами на корпоративном уровне

На данный момент в мире зарегистрировано около 359 млн коммерческих организаций [1]. На основе этих значений автором был произведен расчёт количества компаний, имеющих потребность в оптимизации управления информационными ресурсами для обеспечения экономического развития субъекта. Данные, полученные в ходе расчёта, наглядно показывают потребность в оптимизации информационного управления в хозяйствующих субъектах по итогам 2024 г. Результаты расчёта представлены в диаграммах на рис. 2.

Рис. 2. Статистика внедрения в компаниях по всему миру инноваций для оптимизации управления информацией за 2024 г.

Источник: сост. автором.

Стоит отметить, что в России процент оптимизации централизованного управления информационными потоками в коммерческих компаниях держится на сравнительно невысокой отметке, учитывая достаточное количество субъектов крупного предпринимательства и сфер деятельности бизнеса. Тем не менее потребность в повышении эффективности управления информационными процессами посредством инноваций в российском бизнесе неизбежно возрастает.

Статистика, представленная Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации за 2024 г., показывает, что на информационные продукты для оптимизации бизнес-процессов компании в отрасли телекоммуникаций инвестировали 29,4% от общего объема выручки; компании в сфере информационных технологий – 12,7%; в финансовом секторе зафиксирована отметка вложений 12,9%; в обрабатывающей промышленности – 8,7%; в ритейле – 9,2%. Растут инвестиции в цифровизацию и в отраслях топливно-энергетического комплекса (ТЭК), которые в 2023 г. вложили в оптимизацию управления информационными данными 4% от общего размера инвестиционных программ [14]. Статистические данные по перечисленным отраслям представлены в диаграмме на рис. 3.

Многочисленные прогнозы, озвученные в открытых источниках ведущими аналитиками и экспертами в этой области, указывают на то, что объем инвестиций российских компаний в информатизацию, оптимизацию и цифровую трансформацию бизнес-процессов в 2025 г. увеличится по разным оценкам в среднем в 1,5–2 раза.

Разумно предположить, что задача по обеспечению оптимизации бизнес-процессов, происходящих в условиях непрерывного информационного обмена, может находиться в зоне ответственности корпоративного управления хозяйствующими субъектами. Данная конкретизированная область управления обусловлена обоснованностью применения понятия к хозяйствующим субъектам крупного предпринимательства, комплексно охватывающим направления основных и вспомогательных бизнес-процессов.

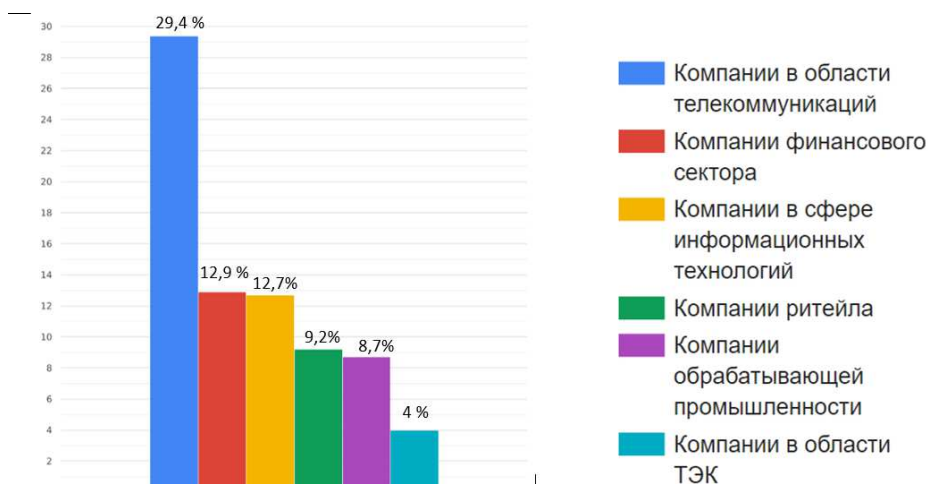

Рис. 3. Объём инвестиций в инновации для оптимизации процесса управления информацией в 2024 г. российскими компаниями по отраслям

Источник: сост. автором.

Если обобщить суждения о корпоративном управлении, то можно сделать вывод о том, что корпоративное управление основывается на обеспечении условий для взаимовыгодного взаимодействия акционеров (собственников), менеджеров, работников и заинтересованных сторон компании по справедливому и равноправному распределению результатов деятельности, с соблюдением интересов всех участников; его конечной целью является увеличение прибыли и дальнейшее устойчивое экономическое развитие организации.

Рамки корпоративного управления, в задачи которого входит обеспечение многих организационно-управленческих процессов во внутренней и внешней информационных средах хозяйствующего субъекта, обуславливают закономерную необходимость к пониманию устройства работы с информацией. Такие аспекты корпоративного управления, как информационное обеспечение управленческих решений, прозрачность корпоративной отчетности, роль информации в управлении бизнес-процессами, финансовом менеджменте, стратегическом управлении, являются объектами многочисленных исследований в менеджменте.

Необходимость централизованного управления информационными потоками в менеджменте раскрыта в работе Е.И. Бойко [15]. Автор отмечает, что без управления информационными потоками невозможно осуществление бизнес-процессов в организации; руководство способно принимать эффективные решения при умении использовать информационную базу информационной структуры.

Е.Ю. Сидорова и И.Н. Зубрилин, исследуя теоретические аспекты информационной составляющей корпоративного управления, утверждают, что посредством системы внутренних и внешних корпоративных коммуникаций должно обеспечиваться эффективное взаимодействие как структурных элементов корпоративного управления, так и связь организации с внешней средой. Авторы

считают, что управление входящими, исходящими и внутренними информационными потоками – структурированный и последовательный процесс [16].

Учитывая ранее сформированное суждение о том, что информационные ресурсы в менеджменте представляют собой систему взаимосвязанных элементов, можно сделать следующий вывод: основной задачей корпоративного управления является обеспечение взаимосвязи всех элементов системы. Основываясь на данном тезисе, следует предположить, что к управлению информационными ресурсами в рамках информационной архитектуры корпоративного управления наиболее обоснован к применению системный подход с учётом его характеристик.

Следовательно, корпоративное управление и управление информационными ресурсами в рамках такого типа управления и системного подхода предполагают поиск промежуточного связующего понятийного звена, которое с теоретической точки зрения сможет обеспечить необходимый уровень взаимодействия элементов системы. В этой связи предварительно было выявлено, что три вида информационных ресурсов условно можно сопоставить с тремя разными, но дополняющими друг друга видами менеджмента, которые, в свою очередь, рассматриваются в науке как часть системы корпоративного управления: информационный, репутационный, коммуникационный и ИТ-менеджмент. Следует отметить, что репутационный, коммуникационный менеджменты и ИТ-менеджмент могут являться частью информационного менеджмента либо находиться в плоскости их схожих существенных характеристик в контексте достижения управленческих целей.

Зачастую под информационным менеджментом научное сообщество подразумевает как совокупность методов и средств управления информацией и информационными ресурсами, так и процесс управления деятельностью организации с помощью информации и информационных систем. Если обобщить подходы к целеполаганию информационного менеджмента, то оно заключается в обеспечении эффективного развития организации через регулирование информационных процессов.

Репутационный менеджмент как одно из направлений корпоративного управления призван обеспечивать формирование, поддержку и защиту деловой репутации компании на всех уровнях взаимодействия с заинтересованными сторонами как при штатном функционировании системы, так и в периоды возникновения кризисных ситуаций.

Понятие коммуникационного менеджмента более многогранно. Научное сообщество считает, что коммуникационный менеджмент может являться и управленческим процессом, и явлением по осуществлению различных видов коммуникации во внутренней среде организации и за её пределами для обеспечения согласованности других процессов и стабильного функционирования организационно-экономической структуры.

На основании проанализированных представлений о сущности экономического содержания понятия информационных ресурсов и теоретических подходов к различным видам менеджмента автором составлена табл. 1, отражающая возможную взаимосвязь трёх видов информационных ресурсов (знаний, документации, технологических средств) как объектов управления трех разновидно-

стей менеджмента (репутационного, коммуникационного, информационного) в корпоративном управлении.

Таблица 1

Сопоставление взаимосвязи информационных ресурсов с видами менеджмента в корпоративном управлении

Вид информресурса	Вид менеджмента	Объекты управления	Задачи во внутренней среде	Задачи во внешней среде
Знания	Репутационный	Нематериальные активы, информация как стратегический ресурс, фактор производства	Информационно-аналитическое обеспечение управления, обучение персонала, внедрение инноваций	Повышение инвестиционной привлекательности, соответствие современным требованиям, поддержание деловой репутации
Документация	Коммуникационный	Документы, отчетность, архивы	Обеспечение эффективного взаимодействия подразделений, доведение целей руководства до сотрудников	Своевременное раскрытие корпоративной отчетности, взаимодействие с группами заинтересованных сторон
Технологические средства	Информационный	Системы электронного документооборота, компьютерные платформы, программное обеспечение	Обработка, хранение, передача информации. Обеспечение свободного доступа к информации; обеспечение вспомогательных бизнес-процессов; обеспечение управленческих процессов коммуникационного и репутационного менеджмента	Повышение оперативности работы с внешней информационной средой, мониторинг внешней среды, обеспечение управленческих процессов коммуникационного и репутационного менеджмента

Источник: сост. автором.

Важно отметить, что сущность микроэкономических управленческих процессов в рассматриваемых рамках можно представить в виде схемы, представленной на рис. 4.

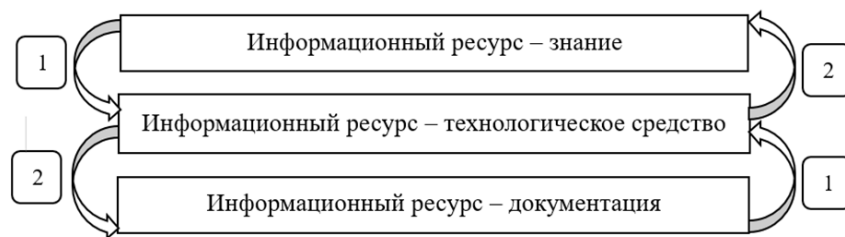

Рис. 4. Микроэкономический процесс управления информационными ресурсами в корпоративном управлении

Источник: сост. автором.

На схеме показано, что информационные ресурсы как знания посредством информационных ресурсов в качестве технологических средств проходят через процесс трансформации и далее могут быть представлены информационными ресурсами, зафиксированными на физических или электронных носителях (документация). Обозначенный процесс справедливо представить в обратном направлении, при котором информационный ресурс как документация посредством информационных ресурсов в качестве технологических средств трансформируется в информационные ресурсы в виде знаний.

На основании полученных результатов и их обобщения автором разработана концептуальная модель системного подхода к управлению информационными ресурсами в корпоративном управлении (рис. 5).

Рис. 5. Концептуальная модель системного подхода управления информационными ресурсами в корпоративном управлении

Источник: сост. автором.

Представленные теоретические разработки показывают, что взаимосвязь понятия информационных ресурсов как знаний и репутационного менеджмента в корпоративном управлении прослеживается в следующем: в современных экономических условиях полноценное осуществление управленческих процессов в хозяйствующих субъектах не представляется возможным без инструментов управления репутацией.

Управление репутацией не представляется в полной мере результативным без экономики знаний, информационно-аналитического обеспечения управления и внедрения инноваций. Логическим продолжением становится предположение о том, что управление знаниями через инновационный подход справедливо рассматривать в контексте информационных ресурсов как технологических средств, которые являются объектом управления информационного менеджмента. При этом взаимодействие с заинтересованными сторонами и обеспечение коммуникаций внутри организационно-экономической структуры в рамках корпоративного управления достигаются посредством коммуникационного менеджмента, где информационный ресурс представлен в виде информации, зафиксированной на физических или электронных носителях, которая передаётся от одного субъекта коммуникации к другому по линейной или матричной управленческой структуре. Следует предположить, что коммуникационный менеджмент может являться дополняющим понятием к вышерассмотренным видам менеджмента или связующим звеном этих понятий в контексте экономических представлений об информационных ресурсах в рамках корпоративного управления.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что задача корпоративного управления заключается в обеспечении согласованного взаимодействия всех необходимых элементов информационной архитектуры хозяйствующего субъекта через системный подход к управлению информационными ресурсами. Конечной целью системного подхода к управлению информационными ресурсами в корпоративных структурах является оптимизация и повышение результативности бизнес-процессов, обеспечивающих принятие своевременных, эффективных и обоснованных управленческих решений для дальнейшего устойчивого экономического развития организации.

Потребность в оптимизации управления информацией в крупных коммерческих компаниях с каждым годом возрастает ввиду эволюции мирового информационного пространства и высоких темпов научно-технического прогресса, что создаёт актуальные условия для поиска новых подходов к централизованному управлению информационными ресурсами.

Научная новизна исследования заключается в разработке модели системного подхода к управлению информационными ресурсами на корпоративном уровне, которая расширяет существующие теоретические представления об управлении информационными ресурсами в корпорациях за счёт следующих положений:

1. Впервые предложена трёхкомпонентная структура информационных ресурсов организации, включающая нематериальные активы (знания), документационные ресурсы и технологические средства, что позволило дифференцировать их как самостоятельные объекты управления.

2. Установлено соответствие между тремя видами информационных ресурсов и видами менеджмента: репутационный менеджмент (нематериальные активы), информационный менеджмент (документация) и коммуникационный менеджмент (технологические средства), что обеспечивает конкретику управленческих решений.

3. Обоснована необходимость интеграции репутационного, информационного и коммуникационного менеджментов в единую систему, направленную на обеспечение взаимодействия всех видов информационных ресурсов, что формирует основу для повышения эффективности корпоративного управления.

Специфические особенности, уточнение и расширение элементов предложенного системного подхода к управлению информационными ресурсами в корпоративном управлении могут быть обусловлены различными аспектами в зависимости от типа хозяйствующего субъекта и его сферы деятельности.

Список источников

1. Statista: компания рыночных и потребительских данных // Statista. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.30cd7f02-6824b571-cd390f35-74722d776562/https://www.statista.com/chartoftheday/ (дата обращения: 01.05.2025).
2. Business Insights: компания бизнес-аналитики. URL: <https://www.businessinsights.com/> (дата обращения: 01.05.2025).
3. ExplodingTopics: платформа для анализа трендов. URL: <https://explodingtopics.com/> (дата обращения: 01.05.2025).
4. Сколько данных создается каждый день? // Inclient. 2025. URL: <https://inclient.ru/data-create-stats/> (дата обращения: 01.05.2025).
5. Кун Т.С. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. ISBN 0-226-45808-3
6. Громов Г.Р. Национальные информационные ресурсы: проблемы промышленной эксплуатации. Москва: Наука, 1984. 240 с.
7. Днепров М.Ю. Информационный ресурс как объект и средство реализации экономических интересов // Terra Economicus. 2006. № 2. С. 78–83.
8. Гурова Е.А. Особенности формирования инновационного потенциала организации // Terra Economicus. 2013. Т. 11, № 1-3. С. 44–46.
9. Орехов Г.С. Информационный ресурс как элемент менеджмента экономического развития // Креативная экономика. 2010. № 11. С. 58–63.
10. Мамьянов А.И. Возрастание роли информационных ресурсов в управлении предприятием // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2011. № 2. С. 123–125.
11. Мирзоева С.А. Информационные ресурсы как экономическая категория // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 7 (45). С. 158–163.
12. Текучев В.В., Ваулина О.А. Применение информационных ресурсов в достижении стратегических целей предприятия // Вестник Рязанского государственного агротехнологического университета им. П.А. Костычева. 2015. № 2 (26). С. 93–97.
13. Мингалева Ж.А. Информационный ресурс (в экономике) // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 2024. URL: <https://bigenc.ru/c/informatsionnyi-resurs-v-ekonomike-292793/?v=10116078> (дата обращения: 27.02.2024).
14. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/> (дата обращения: 25.04.2025).
15. Бойко Е.И. Информационные потоки и их место в менеджменте // Terra Economicus. 2007. Т. 5, № 1-3. С. 40–44.

16. Сидорова Е.Ю., Зубрилин И.Н. Развитие информационной составляющей корпоративного управления // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5 (43). С. 184–187.

References

1. Statista: market and consumer data company. *Statista*. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.30cd7f02-6824b571-cd390f35-74722d776562/https/www.statista.com/chartoftheday/ (accessed date: 01.05.2025).
2. Business Insights: A business intelligence company. URL: <https://www.businessinsights.com/> (accessed date: 01.05.2025).
3. ExplodingTopics: A platform for trend analysis. URL: <https://explodingtopics.com/> (accessed date: 01.05.2025).
4. How much data is created every day? *Inclient*. 2025. URL: <https://inclient.ru/data-create-stats/> (accessed date: 01.05.2025).
5. Kun T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press; 1962. ISBN 0-226-45808-3
6. Gromov G.R. National information resources: problems of industrial operation. Moscow: Science; 1984. 240 p.
7. Dneprov M.Yu. Information resource as an object and means of realizing economic interests. *Terra Economicus*. 2006; (2): 78–83.
8. Gurova E.A. Features of the formation of the innovative potential of the organization. *Terra Economicus*. 2013; 11 (1-3): 44–46.
9. Orekhov G.S. Information resource as an element of economic development management. *Creative economy*. 2010; (11): 58–63.
10. Mamyanov A.I. The growing role of information resources in enterprise management. *Izvestia of St. Petersburg State University of Economics*. 2011; (2): 123–125.
11. Mirzoeva S.A. Information resources as an economic category. *Regional problems of economic transformation*. 2014; 7 (45): 158–163.
12. Tekuchev V.V., Vaulina O.A. The use of information resources in achieving the strategic goals of the enterprise. *Bulletin of the Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev*. 2015; 2 (26): 93–97.
13. Mingaleva Zh.A. Information resource (in economics). *Big Russian Encyclopedia: scientific and educational portal*. 2024. URL: <https://bigenc.ru/c/informatsionnyi-resurs-v-ekonomike-292793/?v=10116078> (accessed date: 27.02.2024).
14. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation: [office. site]. URL: <https://digital.gov.ru/> (accessed date: 25.04.2025).
15. Boyko E.I. Information flows and their place in management. *Terra Economicus*. 2007; 5 (1-3): 40–44.
16. Sidorova E.Yu., Zubrilin I.N. Development of the information component of corporate governance. *International Research Journal*. 2016; 5 (43): 184–187.

Информация об авторе:

Данилов Егор Анатольевич, аспирант, ФБГОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, egor.danilovi@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/121-136>

EDN: <https://elibrary.ru/UHPBKN>

Дата поступления:
20.05.2025

Одобрена после рецензирования:
23.05.2025

Принята к публикации:
26.05.2025

Научная статья

УДК 340.13

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/137-148>

EDN: <https://elibrary.ru/PGCHQV>

**Проблемы терминологического обозначения лиц с ограниченными
возможностями здоровья в действующем законодательстве:
техничко-юридический аспект**

Мягкая Анна Алексеевна

Чебоксаров Богдан Андреевич

Луганский государственный университет имени Владимира Даля
Луганск. Россия

***Аннотация.** Рассматриваются технико-юридические и терминологические проблемы обозначения лиц с ограниченными возможностями здоровья в отечественном законодательстве. Предмет исследования – правовые нормы отечественного законодательства, нацеленные на регулирование различных аспектов общественных отношений исследуемой категории граждан. Цель – формирование унифицированного подхода к обозначению лиц с ограниченными возможностями здоровья на законодательном уровне. Новизна работы заключается в выявлении пробелов и иных недостатков законодательной техники, в разработке оптимальных предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства Российской Федерации в сфере труда, занятости и социальной защиты лиц с ограниченными возможностями здоровья. Областью применения полученных результатов исследования может стать правотворческая и правореализационная деятельность. Проанализированы систематика и формы внедрения термина «лица с ограниченными возможностями здоровья» в отечественное законодательство. Подчеркнута позитивность заложенной тенденции, очерчены перспективы культивирования намеченной концепции официального обозначения исследуемой категории населения в публично-правовых источниках. Исследованы особенности трансформации первичных форм терминологического обозначения лиц с ограниченными возможностями здоровья с точки зрения отечественного законодательства о труде предыдущих редакций. Выявлена особенность традиционализма в концепции лексемного обозначения представленной категории населения в законодательстве о труде. Исследована правовая и нравственная природа термина «инвалид». Выявлены социально негативные стороны используемого термина. Разработаны рекомендации по замене понятия «инвалид» на «лица с ограниченными возможностями здоровья» в ряде официальных правовых источников. Исследовано нормативное определение содержания термина «инвалид», вследствие чего выявлены недостатки в исследуемой законодательной трактовке в рамках отечественного законодательства о социальной защите лиц с ограниченными возможностями здоровья. В ходе исследования разработана оптимальная формулировка дефиниции, раскрывающая содержание термина «лица с ограниченными возможностями здоровья».*

Ключевые слова: юридическая техника, терминология, синонимия, лица с ограниченными физическими возможностями, инвалид.

Для цитирования: Мягкая А.А., Чебоксаров Б.А. Проблемы терминологического обозначения лиц с ограниченными возможностями здоровья в действующем законодательстве: технико-юридический аспект // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 137–148. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/137-148>. EDN: <https://elibrary.ru/PGCHQV>

.....
Law sciences
.....

Original article

**Problems of terminological designation of persons with disabilities
in the current labor legislation: technical and legal aspect**

Anna A. Myagkaya

Bogdan A. Cheboksarov

Lugansk Vladimir Dahl State University

Lugansk. Russia

Abstract. In the presented scientific article, the authors consider the technical, legal and terminological problems of designating persons with disabilities in domestic legislation. The subject of the study is the legal norms of domestic legislation aimed at regulating various aspects of public relations of the studied category of citizens. The purpose of this publication is to form a unified approach to the designation of persons with disabilities at the legislative level. The novelty of the published work consists in identifying gaps and other shortcomings of legislative techniques and in developing optimal proposals aimed at improving the current legislation of the Russian Federation in the field of labor, employment and social protection of persons with disabilities. The field of application of the obtained research results may be law-making and law-realization activities. The forms of introduction and dating of the term "persons with disabilities" into domestic legislation are analyzed. The positivity of the underlying trend is emphasized, the prospects for cultivating the planned concept of the official designation of the studied category of the population in public legal sources are outlined. The peculiarities of the transformation of the primary forms of terminological designation of persons with disabilities from the point of view of domestic labor legislation of previous editions are investigated. The peculiarity of traditionalism in the aspect of designating the represented category of the population in labor legislation is revealed. The legal and moral nature of the term "disabled person" is investigated. The socially negative aspects of the term used are revealed. Recommendations have been developed to replace the term "disabled person" with "persons with disabilities" in a number of official legal sources. The normative definition of the content of the term "disabled person" has been studied, as a result of which shortcomings have been identified in the legislative interpretation under study within the framework of domestic legislation on social protection of persons with disabilities. In the course of the study, an optimal formulation of the definition was developed, revealing the content of the term "persons with disabilities".

Keywords: legal technique, terminology, synonymy, persons with disabilities, disabled.

For citation: Myagkaya A.A., Cheboksarov B.A. Problems of terminological designation of persons with disabilities in the current labor legislation: technical and legal aspect // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 137–148. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/137-148>. EDN: <https://elibrary.ru/PGCHQV>

Введение

Исследование нормативного подхода к терминологическому обозначению лиц с ограниченными возможностями здоровья обусловлено противоречивым

138

восприятием и разнообразным толкованием анализируемой юридической терминологии. В подтверждение изложенной позиции уместна точка зрения Г.С. Рыспаевой, согласно которой «в процессе работы над внешним изложением нормативных правовых предписаний надо одновременно устранять не только синонимию и многозначность, но и всё то, что мешает связать со словом известный смысл и безошибочно узнать предмет, названный данным словом. Наиболее важным и центральным вопросом в кругу лингвистических требований, предъявляемых к терминологии, признается необходимость однозначного и унифицированного применения терминологии, однажды уже использованной для обозначения определённого понятия» [1, с. 321]. Таким образом, можно констатировать, что терминологическое обозначение лиц с ограниченными возможностями здоровья в нормативных актах должно отвечать требованиям единообразия и унифицированности для чёткого понимания сущности правового положения таких лиц в правовой среде.

Основная часть

Г.Х. Валиев утверждает, что во второй половине XX в. в оборот был введен новый термин – *people with disabilities* – люди с ограниченными возможностями. Тем не менее в переводе на русский язык названий отдельных международно-правовых документов продолжает применяться термин «инвалид», который используется и в национальном законодательстве. Несмотря на то, что сейчас наметилась тенденция к применению во всех контекстах нейтрального термина «лицо с ограниченными возможностями здоровья», подобную практику нельзя назвать повсеместной [2, с. 34].

Понятие «лицо с ограниченными возможностями здоровья» появилось в российском законодательстве в соответствии с Федеральным законом от 30 июня 2007 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья» [3]. Так, в связи с принятием указанного закона претерпели изменения Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» [4] и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон) [5]. В абзаце 1 ст. 1 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» [4] редакцию «имеющие недостатки в психическом и (или) физическом развитии» заменили словами «с ограниченными возможностями здоровья, то есть имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии». В подпункте 2 п. 1 ст. 14 Закона [5] произведена замена формулировки «имеющим отклонения в развитии или поведении» на редакцию «с ограниченными возможностями здоровья и (или) отклонениями в поведении»; в подп. 1 п. 2 ст. 14 Закона [5] – формулировки «имеющим отклонения в развитии или поведении» на редакцию «с ограниченными возможностями здоровья и (или) отклонениями в поведении либо несовершеннолетним»; в п. 6 ст. 15 Закона [5] – формулировки «имеющие отклонения в развитии и (или) заболевания» на редакцию «с ограниченными возможностями здоровья или несовершеннолетние, имеющие заболевания».

О.А. Козырева утверждает: «В соответствии с Федеральным законом от 30 июня 2007 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было введено в действие понятие «лицо с ограниченными возможностями здоровья». Однако законодатель при этом не дал чёткого нормативного определения этого понятия. Это привело к тому, что этот термин воспринимался как равнозначный или близкий термину "инвалид"» [6, с. 148]. Введение понятия «лицо с ограниченными возможностями здоровья» в российское законодательство осталось незавершённым из-за отсутствия его нормативного определения. Это ставит вопрос о необходимости дальнейшего анализа юридической практики применения данных терминов и разработки четких критериев их разграничения. Эффективность терминологической реформы напрямую зависит от наличия чёткого и общепринятого понимания нового термина, которое должно быть закреплено в нормативных актах. В противном случае, как показывает пример с термином «лицо с ограниченными возможностями здоровья», происходит лишь формальная замена одного слова на другое, без изменения сути проблемы и без достижения желаемого эффекта – снижения стигматизации и повышения социальной интеграции людей с инвалидностью. Это указывает на необходимость более осознанного и ответственного подхода к законодательной деятельности, когда введение новых терминов сопровождается глубоким анализом их значения, последствий и способов эффективной имплементации в правовую систему и общественное сознание.

По этому поводу М.Д. Якушев полагает, что «люди с ограниченными возможностями» – понятие более широкое, чем «человек с инвалидностью». Иначе говоря, не каждый человек с ограниченными возможностями является инвалидом, но каждый инвалид – человек с ограниченными возможностями. Человек с инвалидностью имеет специальный документ о присвоении вышеуказанного статуса, человек с ограниченными возможностями здоровья такого документа может не иметь [7, с. 363]. Такая позиция имеет право на существование. Однако следует признать, что право определения легального соотношения тех или иных терминов, используемых в законодательстве, всё же остаётся за нормотворческим субъектом. Поэтому без нормативного определения исследуемых понятий невозможно однозначно определить их соотношение.

В то же время аналогичная ситуация сложилась в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [8]. Это оставляет открытым вопрос о взаимосвязи между этими терминами и затрудняет понимание того, какой смысл законодатель вкладывает в понятие «лица с ограниченными возможностями здоровья». Но, так как нормативно используются два представленных термина, законодателю необходимо пересмотреть подход к терминологическому определению данной категории граждан. В целях обеспечения однозначности толкования и правоприменения предлагается дополнить ст. 1 Федерального закона [8] ч. 5 следующего содержания: «В законодательстве о социальной защите граждан, относящихся к данной категории, термины «инвалид» и «лица с ограниченными возможностями здоровья» признаются равно-

значными». Подобное уточнение будет способствовать более четкой идентификации лиц, попадающих под действие указанного законодательства.

В Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [8] для обозначения исследуемой группы населения как категории граждан, нуждающихся в дополнительном государственном содействии в реализации гражданских и иных прав, применяется термин «инвалид». Уясняя смысл дефиниции, закрепленной в ч. 1 ст. 1 Закона [8], логическую структуру указанного термина можно свести к трём основным составляющим: 1) нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма; 2) ограниченная жизнедеятельность; 3) социальная защита. Это базовые компоненты определения понятия, которые в полной мере раскрывают суть термина. Законодатель отдельно конкретизировал определение понятия «ограниченная жизнедеятельность», синонимичного термину «ограниченные возможности», в ч. 2 ст. 1 Закона [8].

В целом такой подход законодателя можно признать вполне конструктивным. Однако, на наш взгляд, изложение смысла одной правовой категории путём закрепления её содержания в нескольких правовых нормах усложняет процесс уяснения смысла, признаков и её правовой природы.

Представляется разумным внести коррективы в редакцию ст. 1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [8] с целью устранения громоздкости понятийно-категориального аппарата путём сокращения массива определений составляющих частей отдельного термина. В связи с этим предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 1: «Лицо с ограниченными возможностями здоровья – это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к полной или частичной утрате лицом способности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать своё поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью и вызывающее необходимость его социальной защиты». Считаем, что подобный правовой подход упростит толкование данной нормы на разных уровнях.

На сегодня базовым нормативно-правовым актом, регламентирующим отношения занятости и трудоустройства исследуемой категории населения, является Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» [9]. В указанном Законе для обозначения населения такого типа применяется термин «инвалид»; понятие «инвалид» можно встретить в ст. 3, 5, 7, 13, 13.1, 13.2, 15, 22, 23, 25 и пр. В Законе наличествуют отдельные статьи, посвящённые содействию в трудоустройстве конкретно лицам с ограниченными возможностями здоровья. В частности, ст. 13.1, 13.2, 24.1 посвящены конкретно дополнительному гарантированию реализации статутных прав таких граждан. Однако определение термина «инвалид» в Законе, комплексно регламентирующего отношения занятости и трудоустройства, не предусмотрено. Следовательно, можно констатировать отсутствие отдельных конкретизирующих норм, определяющих правовое положение лиц с наличием характерных увечий, на этапе отношений, предшествующих трудовым.

В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) для обозначения исследуемой группы населения как особой категории работников используется термин «инвалид» [10]. В научной литературе существует мнение, что исторически понятие «инвалид» в России связывалось с понятиями «нетрудоспособность» и «больной» [11, с. 243]. Важно отметить, что впервые в нашем государстве термин «нетрудоспособность» был нормативно закреплён в первом кодифицированном источнике трудового права – КЗоТе РСФСР 1918 г. [12]. Понятие же «инвалид» для обозначения данной категории населения было нормативно закреплено в последующей редакции КЗоТа РСФСР 1922 г. [13] без его легальной дефиниции. Оно использовалось в последующих редакциях кодифицированных источников трудового права (КЗоТе РСФСР 1971 г. [14]) применяется в действующей редакции ТК РФ 2001 г. [10]. Хотя правовая мысль движется в направлении более гуманного отношения к лицам с ограниченными возможностями здоровья, трудовое законодательство по-прежнему использует термин «инвалид», что является отражением традиционного, а не прогрессивного подхода. Это указывает на некоторую непоследовательность в законодательной политике.

Считаем, что на современном этапе развития права использование термина «инвалид» на законодательном уровне является недопустимым. Е.М. Рузаева полагает, что общественные организации инвалидов считают, что важно использовать корректную по отношению к инвалидам терминологию: «человек с задержкой в развитии» (а не «слабоумный», «умственно неполноценный»), «перенёсший полиомиелит» (а не «жертва полиомиелита»), «использующий инвалидную коляску» (а не «прикованный к инвалидной коляске»), «имеет ДЦП» (а не «страдает ДЦП»), «слабослышащий» (а не «глухонемой»). Эти термины более корректны, так как ослабляют деление на «здоровых» и «больных» и не вызывают жалости или негативных эмоций [14, с. 244].

Представленная позиция выводит вопрос о замене понятия «инвалид» из плоскости простой лингвистической корректировки в область фундаментальных принципов прав человека. Использование корректной терминологии становится не просто актом вежливости, а инструментом формирования общественного сознания, свободного от предрассудков и дискриминации. Отказ от использования лексемы «инвалида» в пользу более нейтральных формулировок позволяет сместить акцент с «ограничений» на «возможности», тем самым способствуя созданию правового поля, в котором люди с инвалидностью рассматриваются не как объекты социальной защиты, а как активные и полноправные члены общества, способные внести значимый вклад в его развитие. Эта перемена в терминологии является необходимым шагом к созданию инклюзивного и справедливого общества, где достоинство каждого человека уважается и защищается законом.

Достаточно злободневным в настоящее время является вопрос о нормативном закреплении предлагаемого нами термина в ТК РФ. Нарастающая тенденция дифференцированного подхода к правовому регулированию труда лиц с ограниченными возможностями здоровья вызывает необходимость чёткого отра-

жения субъективного трудового статуса данной категории лиц в действующем законодательстве.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что в трудовом законодательстве отсутствует легальная дефиниция термина, определяющего исследуемую категорию граждан в качестве работников. Между тем отдельные специальные нормы по регулированию труда таких лиц в ТК РФ предусмотрены.

В связи с развитием концепции прав человека и необходимостью обеспечения социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья все более актуальным становится вопрос об исключении термина «инвалид» из нормативного поля. В настоящее время прослеживается изменение в терминологии, используемой для обозначения лиц с инвалидностью: понятие «инвалид» все чаще заменяется более нейтральными формулировками, такими как «лицо с ограниченными возможностями здоровья». Этот факт находит отражение и в научных исследованиях, где отмечается, что слово «инвалид» в настоящее время всё чаще заменяется на «человек с ограниченными возможностями» [14, с. 244]. Однако в отечественном законодательстве данный подход необоснованно не получил должного развития.

Ряд учёных-юристов разделяют законодательный подход в отношении используемой терминологии. В частности, Р.Н. Жаворонков полагает: «Термин «инвалид» наиболее чётко по сравнению с другими терминами в русском языке передает суть явления. Поэтому его замена особенно недопустима в законодательстве, поскольку юридическая техника требует чёткости и единообразия используемой терминологии» [15, с. 77]. С таким подходом учёного согласиться трудно. Доводы, что иная терминология недостаточно чётко отражает суть явления, не убедительны, поскольку сам термин не может более или менее чётко отражать суть явления. Скорее всего, речь шла об определении понятия «инвалид». Но даже самое четкое определение будет эффективно только в том случае, если законодатель наполнит его грамотным и содержательным смыслом.

К.Д. Гайбатова отмечает, что этимология слова «инвалид», восходящая к латинским терминам, обозначающим «бессильный» и «немогущий», подчеркивает исторически сложившееся негативное восприятие людей, нуждающихся в постоянной помощи, как отличных от физически крепких и здоровых [16, с. 83].

Ю.В. Селиванова справедливо утверждает: «В современной юридической и социальной сфере всё шире используется термин «лица с ограниченными физическими возможностями». Это понятие позволяет рассматривать данную категорию лиц именно как нуждающихся в различного рода социальной помощи, юридической защите. Термин «инвалид» кроме медицинского диагноза несёт в себе негативный социальный смысл» [17, с. 16]. Позиция Ю.В. Селивановой подчеркивает критическую роль языка в формировании общественного восприятия лиц с ограниченными возможностями. Замена понятия «инвалид» на «лица с ограниченными физическими возможностями» – не просто вопрос лингвистической корректности, а шаг к изменению парадигмы мышления. Сосредоточение на необходимости социальной помощи и юридической защиты, а не на медицинских категориях позволяет рассматривать данных граждан как активных

членов общества, нуждающихся в поддержке для полноценной реализации своих прав и возможностей. Тем самым отказ от термина «инвалид» и переход к более гуманистической терминологии является не просто актом вежливости, а важным элементом в создании инклюзивного общества, где каждый человек, независимо от физических особенностей, имеет право на достойную жизнь и уважение.

Полностью разделяя позиции учёных, выступающих против употребления термина «инвалид», считаем, что для обозначения социально незащищенной группы лиц, как в научном обиходе, так и в юридической практике, наиболее оптимален термин «лица с ограниченными возможностями здоровья». Лексема «инвалид» представляется некорректной и оскорбительной, поскольку унижает достоинство человека, внушает чувство неполноценности и, как следствие, препятствует гармоничному развитию личности. Если обратиться к истоку слова, то с латинского *invalidus* переводится как «непригодный», «испорченный». В подтверждение указанной позиции уместна точка зрения В.В. Чуксиной: «Медицинская модель предполагает, что инвалидность представляет собой некое отклонение от нормы ввиду стойкого нарушения здоровья, которое вызвано болезнью, травмой либо дефектом анатомического характера, приводящее к длительной, полной либо частичной потере трудоспособности. Такой подход отражен в самом употреблении термина «инвалид» (лат. *invalidus* – слабый, немощный, непригодный)» [18, с. 127]. Подобный подход к характеристике человека является оскорбительным. В связи с этим дальнейшее применение понятия «инвалид» является, на наш взгляд, недопустимым. Считаем, что использование термина «лицо с ограниченными возможностями здоровья» в отношении данной категории граждан является более корректным.

Принимая во внимание представленную аргументацию, полагаем, что возникла необходимость пересмотра терминологии, используемой для обозначения лиц с ограниченными возможностями здоровья в нормативных документах. Законодателю следует руководствоваться принципами уважения и достоинства при определении соответствующих дефиниций. Этот пересмотр не только улучшит качество законодательства, но и послужит важным сигналом о смене отношения к данной категории граждан в обществе. Представляется разумным заменить термин «инвалид» на «лицо с ограниченными возможностями здоровья» в ряде статей ТК РФ. В частности, необходимо произвести замену в следующих статьях: в п. 3 ч. 1 ст. 92, ч. 2 ст. 93, п. 3 ч. 1 ст. 94, ч. 5 ст. 96, ч. 5 ст. 99, ч. 7 ст. 113, п. 4 ч. 2 ст. 128, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 179, 214, 216¹, ч. 3 ст. 259, ч. 3 ст. 261, 262, 262¹, 263 ТК РФ [10]. Следует также произвести замену названий ст. 262, 262¹, 263 ТК РФ: ст. 262 на «Дополнительные выходные дни лицам, осуществляющим уход за ребенком с ограниченными возможностями здоровья»; ст. 262¹ на «Очередность предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков лицам, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья»; ст. 263 на «Дополнительные отпуска без сохранения заработной платы лицам, осуществляющим уход за детьми, лицами с ограниченными возможностями здоровья». Наряду с этим требуется заменить термин «инвалид» на «лица

с ограниченными возможностями здоровья» в ст. 13, 13.1, 13.2, 24.1 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации»: в ст. 13.1 на «Сопровождение при содействии занятости лиц с ограниченными возможностями здоровья»; в ст. 13.2 на «Установление квоты для приёма на работу лиц с ограниченными возможностями здоровья»; в ст. 24.1 на «Организационные аспекты поддержки занятости лиц с ограниченными возможностями здоровья».

Особое внимание следует уделить деконструкции терминологии в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который призван обеспечивать всестороннюю защиту интересов данной категории граждан. В связи с этим предлагается не только изменить название закона на «О социальной защите лиц с ограниченными возможностями здоровья», но и заменить понятие «инвалид» на «лица с ограниченными возможностями здоровья» во всех его положениях. Изменение названия подчеркнет направленность закона на уважительное отношение к данной категории граждан. Именно такой правовой подход будет способствовать правильному терминологическому обозначению данной группы граждан на законодательном уровне без уничижительно-дискриминационной формы обращения.

Речь идет о фундаментальном пересмотре подхода к определению и восприятию граждан с ограниченными возможностями здоровья на законодательном уровне. Замена термина «инвалид», несущего в себе отпечаток прошлых социальных предрассудков, на более нейтральный и уважительный термин «лица с ограниченными возможностями здоровья» символизирует переход от патерналистской модели социальной защиты к модели, основанной на уважении достоинства, прав и потенциала каждого человека. Эта трансформация не только позволит создать более этически выдержанное законодательство, но и станет важным шагом на пути к формированию инклюзивного общества, где каждый гражданин, независимо от своих физических или ментальных особенностей, ощущает себя полноправным и уважаемым членом общества.

Заключение

Вопросы терминологии имеют особое значение для определения правового статуса лиц с ограниченными возможностями здоровья в той или иной группе правовых отношений. От чёткости определения места исследуемой категории граждан в правовой нише зависит качественная и беспрепятственная реализация их статутных прав.

В современных условиях демократизации и либерализации общества обозначение исследуемой категории граждан в законодательстве термином «лица с ограниченными возможностями здоровья» кажется более предпочтительным и лучше согласуется с идеей равенства при реализации конституционных прав. Унифицированное использование этого понятия для обозначения данной категории населения в отдельных отраслевых юридических источниках позволит чётко определить исходное правовое положение указанных лиц.

Список источников

1. Рыспаева Г.С., Урматова А.Д. Юридическая терминология // Бюллетень науки и практики: сб. науч. тр. 2019. № 9. С. 318–324.
2. Валиев Г.Х., Султанова Р.М. Проблемы трудовой дискриминации людей с ограниченными возможностями по состоянию здоровья // Закон и право. 2019. № 2. С. 33–37.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья»: Федеральный закон № 120-ФЗ; принят Государственной Думой 8 июня 2007 года; одобрен Советом Федерации 22 июня 2007 г.: посл. ред. // Президент России. Официальный сайт. Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25733> (дата обращения: 15.09.2024).
4. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»: Федеральный закон № 124-ФЗ; принят Государственной Думой 3 июля 1998 г.; одобрен Советом Федерации 9 июля 1998 г. // Президент России. Официальный сайт. Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12706> (дата обращения: 15.09.2024).
5. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: Федеральный закон № 120-ФЗ; принят Государственной Думой 21 мая 1999 г.; одобрен Советом Федерации 9 июня 1999 г. // Президент России. Официальный сайт. Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14023> (дата обращения: 15.09.2024).
6. Козырева О.А. Анализ дефиниции «лицо с ограниченными возможностями здоровья» // Качество. Инновации. Образование: сб. науч. тр. 2016. № 12. С. 148–151.
7. Якушев М.Д. Правовой статус людей с ограниченными возможностями здоровья в России // Социальная работа и социальная политика в условиях меняющейся архитектуры социального государства: матер. Всерос. конф. 2021. № 7. С. 360–369.
8. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: Федеральный закон № 181-ФЗ; принят Государственной Думой 20 июля 1995 г.; одобрен Советом Федерации 15 ноября 1995 г. // Президент России. Официальный сайт. Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8523> (дата обращения: 15.09.2024).
9. Федеральный Закон «О занятости населения в Российской Федерации». Москва: Проспект, 2024. 80 с.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации. Москва: ЦЕНТРМАГ, 2024. 440 с.
11. Рузаева Е.М. Соотношение понятия «инвалид» в российском и международном праве // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 50. С. 242–244.
12. Кодекс законов о труде // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 87-88. Ст. 905.
13. Кодекс законов о труде // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
14. Кодекс законов о труде // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.
15. Жаворонков Р.Н. Правовое регулирование труда и социального обеспечения инвалидов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / Жаворонков Р.Н. Москва, 2014. 478 с.
16. Гайбатова К.Д., Орцханова М.А. Юридическое значение инвалидности в российском законодательстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета: сб. науч. тр. 2017. № 3. С. 83–87.

17. Селиванова Ю.В., Щетина Е.Б. Коррекционная работа по социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья: учебно-метод. пособие. Саратов, 2012. 118 с.
18. Чуксина В.В., Комиссаров Н.Н. Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях // Известия Иркутской государственной экономической академии: сб. науч. тр. 2015. № 1. С. 126–134.

References

1. Ryspaeva G.S., Urmatova A.D. Legal terminology. *Bulletin of Science and practice. Collection of scientific papers*. 2019; (9): 318–324.
2. Valiev G.H., Sultanova R.M. Problems of labor discrimination of people with disabilities for health reasons. *Law and Law*. 2019; (2): 33–37.
3. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the issue of citizens with disabilities": Federal Law No. 120-FZ was adopted by the State Duma on June 8, 2007; Approved by the Federation Council on June 22, 2007: Ambassador. ed. *The President of Russia. The official website. Documents*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25733> (accessed date: 09.15.2024).
4. Federal Law "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation": Federal Law No. 124-FZ: Adopted by the State Duma on July 3, 1998; Approved by the Federation Council on July 9, 1998. *President of Russia. The official website. Documents*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12706> (accessed date: 09.15.2024).
5. Federal Law "On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency": Federal Law No. 120-FZ: Adopted by the State Duma on May 21, 1999; Approved by the Federation Council on June 9, 1999. *President of Russia. The official website. Documents*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14023> (accessed date: 09.15.2024).
6. Kozyreva O.A. Analysis of the definition of "a person with disabilities". *Quality. Innovation. Education. Collection of scientific papers*. 2016; (12): 148–151.
7. Yakushev M.D. The legal status of people with disabilities in Russia. *Social work and social policy in the context of the changing architecture of the welfare state: materials of the All-Russian Conference*. 2021; (7): 360–369.
8. Federal Law "On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation": Federal Law No. 181-FZ: Adopted by the State Duma on July 20, 1995; Approved by the Federation Council on November 15, 1995. *President of Russia. The official website. Documents*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8523> (accessed date: 09.15.2024).
9. Federal Law "On employment of the population in the Russian Federation". Moscow: Prospekt; 2024. 80 p.
10. The Labor Code of the Russian Federation. Moscow: TSENTRMAG; 2024. 440 p.
11. Ruzaeva E.M. Correlation of the concept of "disabled person" in Russian and international law. *Izvestiya Orenburg State Agrarian University*. 2014; (50): 242–244.
12. Code of Laws on Labor. *Collection of laws of the RSFSR*. 1918; (87-88): Art. 905.
13. Code of Laws on Labor. *Collection of laws of the RSFSR*. 1922; (70): Art. 903.
14. Code of Laws on Labor. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1971; (50): Art. 1007.
15. Zhavoronkov R.N. Legal regulation of labor and social security of disabled people in the Russian Federation: dis. ... doctor of Law: 12.00.05 / Zhavoronkov R.N. Moscow; 2014. 478 p.

16. Gaibatova K.D., Ortshanova M.A. The legal significance of disability in Russian legislation. *Legal Bulletin of Dagestan State University. Collection of scientific papers*. 2017; (3): 83–87.
17. Selivanova Yu.V., Shchetina E.B. Correctional work on social rehabilitation of people with disabilities. A course of lectures: An educational and methodological guide. Saratov; 2012. 118 p.
18. Chuksina V.V., Komissarov N.N. Discrimination on the basis of disability in labor relations. *Izvestiya Irkutsk State Academy of Economics. Collection of scientific papers*. 2015; (1): 126–134.

Информация об авторах:

Мягкая Анна Алексеевна, доцент, канд. ист. наук, зав. каф. государственно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, e-mail: anna-myagkaya@rambler.ru

Чебоксаров Богдан Андреевич, ассистент, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, e-mail: bo-05.01@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/137-148>

EDN: <https://elibrary.ru/PGCHQV>

Дата поступления:
08.11.2024

Одобрена после рецензирования:
12.11.2024

Принята к публикации:
05.05.2025

Научная статья

УДК 347.61/64

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/149-161>

EDN: <https://elibrary.ru/VTRAGA>

Цифровизация правосудия и искусственный интеллект: компаративистское исследование

Вронская Мария Владимировна

Кузнецов Алексей Владимирович

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** На сегодняшний день перед цивилистикой стоят многочисленные вызовы, среди которых немаловажным является вопрос цифровизации и внедрения искусственного интеллекта. Рассмотрены особенности внедрения цифровых технологий Китая, Европейского союза и США в правовую систему Российской Федерации, а также проанализированы правовые, технические и этические вопросы и преимущества, связанные с цифровой трансформацией. Представлены такие аспекты, как автоматизация текущих судебных задач, использование алгоритмов искусственного интеллекта в судопроизводстве, обеспечение прозрачности алгоритмов, защита персональных данных и обеспечение кибербезопасности, проблема отсутствия унифицированных стандартов оценки электронных доказательств. Предмет исследования – нормы законодательства и практика внедрения цифровых технологий в судебные системы Российской Федерации, Китая, Европейского союза и США, включая правовые риски, этические вопросы. Цель исследования – выявить различия в подходах к регулированию цифрового правосудия в указанных юрисдикциях и разграничении автоматизации (как инструмента) и искусственного интеллекта (как потенциального субъекта влияния); разработать рекомендации относительно совершенствования российского законодательства с учётом международного опыта. Методология исследования включает сравнительно-правовой анализ законодательства и судебной практики, системный подход к оценке технологических и этических рисков. Результатами исследования стали выявленные преимущества и недостатки автоматизации судебных процессов, определение критериев прозрачности, предложение мер по защите персональных данных и обеспечению кибербезопасности в условиях цифровизации. Результаты могут быть использованы для модернизации судебных систем, разработки нормативных актов, а также в академической и практической деятельности.*

***Ключевые слова:** цифровизация, искусственный интеллект, автоматизация, электронное правосудие, электронные суды, кибербезопасность, международный опыт.*

***Для цитирования:** Вронская М.В., Кузнецов А.В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект: компаративистское исследование // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 149–161. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/149-161>. EDN: <https://elibrary.ru/VTRAGA>*

Original article

Digitalization of Justice and Artificial Intelligence: A Comparativist Study**Maria V. Vronskaya****Aleksey V. Kuznetsov**

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. Today civilistics faces numerous challenges, among which the issue of digitalization and introduction of artificial intelligence is not insignificant. In the article the authors consider the peculiarities of the introduction of digital technologies of China, the European Union and the United States in the legal system of the Russian Federation and analyze the legal technical and ethical issues and benefits associated with digital transformation. Such aspects as automation of current judicial tasks, use of artificial intelligence algorithms in legal proceedings, ensuring transparency of algorithms, protection of personal data and cybersecurity, the problem of unified standards for evaluation of electronic evidence are considered. The subject of the study is the norms of legislation and the practice of introducing digital technologies into the judicial systems of the Russian Federation, China, the European Union and the United States, including legal risks, ethical issues. The aim of the study is to identify differences in approaches to the regulation of digital justice in these jurisdictions and to distinguish between automation (as a tool) and artificial intelligence (as a potential subject of influence). To develop recommendations for the improvement of Russian legislation taking into account international experience. The research methodology includes a comparative legal analysis of legislation and judicial practice, a systematic approach to the assessment of technological and ethical risks. The results of the study are the identified advantages and disadvantages of the automation of judicial processes, the definition of transparency criteria, as well as the proposal of measures to protect personal data and ensure cybersecurity in the context of digitalization. The results of the study can be used for modernization of judicial systems, development of normative acts, as well as in academic and practical activities.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, automation, e-justice, e-courts, cybersecurity, international experience.

For citation: Vronskaya M.V., Kuznetsov A.V. Digitalization of justice and artificial intelligence: A Comparativist Study // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 149–161. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/149-161>. EDN: <https://elibrary.ru/VTRAGA>

Введение

В последние десятилетия цифровые технологии всё активнее проникают в сферу правосудия, трансформируя работу судебных органов и меняя привычные подходы к судопроизводству. Электронный документооборот, блокчейн, искусственный интеллект (далее – ИИ) – все эти инструменты ускоряют рассмотрение дел, делают правосудие более доступным и прозрачным, упрощают взаимодействие граждан с судебной системой. При этом цифровая трансформация наряду с преимуществами сопровождается появлением ряда вопросов. Как обеспечить защиту прав участников процесса в условиях автоматизации? Насколько безопасны цифровые судебные системы с точки зрения киберугроз? Как гарантировать справедливость и равенство сторон, если принятие решений зависит от участия алгоритмов? Эти вопросы делают тему цифровой трансформации судебной системы особенно актуальной.

На сегодняшний день в научной литературе освещены тенденции развития цифрового правосудия, включая внедрение электронных судов, автоматизацию рутинных процессов, а также использование искусственного интеллекта

в судебной практике. Исследования С.А. Курочкина, М.С. Зуйковой, Е.В. Бурдиной и других авторов демонстрируют, что внедрение цифровых технологий способно существенно повысить эффективность судебных систем за счёт сокращения сроков рассмотрения дел и улучшения доступа граждан к правосудию.

Малоизученными являются вопросы ответственности за решения, вынесенные с использованием искусственного интеллекта, а также социальные и этические последствия автоматизации судебных процессов, включая риски усиления дискриминации и дегуманизации правосудия.

Основная задача работы – систематизировать правовые, технологические, этические риски цифровизации судебной системы и разработать комплексный механизм для использования преимуществ цифровых технологий и сохранения принципов справедливого правосудия.

Особое внимание уделяется международному опыту: анализируется регулирование цифрового правосудия в Российской Федерации, Китае, Европейском союзе (ЕС) и США; оценивается эффективность различных подходов и возможность их адаптации к российским реалиям; рассматриваются риски, связанные с использованием автоматизированных решений, вопросы кибербезопасности и правовые механизмы защиты участников процесса в цифровой среде.

В рамках работы проводится комплексный анализ цифровой трансформации правосудия через призму международного опыта, что позволяет выявить как универсальные механизмы, так и специфические особенности, присущие каждой из исследуемых юрисдикций. Собранный материал может лечь в основу последующих работ в рассматриваемой сфере. Предлагаются возможные пути безопасного и эффективного внедрения лучших зарубежных практик с учётом как международного опыта, так и специфики российской правовой системы.

Методы исследования

В ходе написания научного исследования методологическую основу составили сравнительно-правовой и системный подходы, которые позволили комплексно проанализировать состояние цифровизации правосудия в разных правовых системах. Сравнительно-правовой метод был использован для сопоставления нормативных моделей регулирования цифровых технологий в судопроизводстве России, Китая, ЕС и США, что позволило выявить общие тенденции и национальные особенности. Системный подход обеспечил изучение цифровизации правосудия как явления, которое включает в себя технические, правовые, этические и социальные аспекты, а также их взаимодействие в рамках трансформации судебных систем.

Для обработки и систематизации данных применялись методы классификации, синтеза, дедукции и индукции, что способствовало формированию представления о современных вызовах и перспективах гармонизации цифрового правосудия.

В рамках работы применялись методы анализа нормативно-правовых актов, которые регулируют использование цифровых технологий и искусственного интеллекта, изучение судебной практики, демонстрирующей внедрение инноваци-

онных решений, а также научных работ, отражающих современные тенденции в данной области.

Результаты исследования

Внедрение цифровых технологий и ИИ носит глобальный характер, однако подходы к регулированию могут существенно различаться в зависимости от правовых традиций и уровня технического развития разных стран. В России формирование цифровой инфраструктуры включает в себя: государственную автоматизированную систему «Правосудие», сервис «Правосудие онлайн», систему «Мой арбитр», единый портал государственных услуг «Госуслуги», а также электронный документооборот для внутреннего обмена межведомственными документами и др. Однако отсутствие единых стандартов оценки электронных доказательств, их четких критериев и доступности может создать риск правовой неопределенности, что требует скорейшего законодательного регулирования.

Исследование международного опыта выявило вариативность в стратегиях цифровизации рассмотренных юрисдикций. В ЕС приоритет отдается защите персональных данных, прозрачности алгоритмов. В Китае, напротив, акцент делается на масштабной автоматизации судебных процессов, включая использование помощников на базе ИИ для анализа дел, а также внедрение технологии блокчейн для фиксации доказательств. В США наблюдается фрагментированный подход, где цифровую платформу используют для управления судебными процессами, а применение ИИ ограничивается аналитическими задачами, но с недостаточно систематизированным регулированием.

С учетом осмысления успешных практик внедрения цифровых технологий и выявленных проблем автором сформулированы следующие направления совершенствования правового поля:

1. Разработка и принятие специального федерального закона, регулирующего использование ИИ в судебной системе с четким определением правового статуса, критериев допустимости его применения, а также механизмов ответственности за ошибочные решения. Предлагается закрепить требования к обязательному аудиту и обеспечить права участников процесса на обжалование решений, которые были приняты с применением ИИ, внести изменения в процессуальное законодательство с целью регламентации порядка использования цифровых доказательств с установкой единых стандартов доступности достоверности и оценки, а также предусмотреть процедуру верификации и опровержения таких доказательств.

2. Необходимость интеграции модулей ИИ для автоматизации задач с предполагаемой возможностью совместной работы отечественной и зарубежных систем для трансграничного взаимодействия, а также создание защищенной базы данных судебной практики с применением технологии распределенного реестра для исключения фальсификации и обеспечения безопасности информации. Для этого требуется разработать акты, регулирующие подобные технологии в судопроизводстве по аналогии с опытом КНР.

3. Внедрение обязательного аудита алгоритмов ИИ, используемых в правосудии с привлечением независимых экспертов. Аудит должен включать проверку

на отсутствие дискриминационных паттернов, соответствие принципам справедливости и возможность объяснения принимаемых решений. Предлагается установить требования к публикации открытых данных о работе систем ИИ в судах для повышения доверия граждан и профессионального сообщества.

4. Предлагается организовать обучение сотрудников судов работе с цифровыми технологиями, включая курсы по основам кибербезопасности и алгоритмической логике.

Предложенный комплекс мер способен сформировать сбалансированную модель цифрового правосудия, сочетающую эффективность с защитой фундаментальных прав. Их реализация требует междисциплинарного подхода, объединяющего усилия специалистов в разных отраслях с постепенным внедрением и обязательным мониторингом результатов. Ключевым должен оставаться приоритет обеспечения принципа верховенства права справедливости в условиях цифровой трансформации.

Основная часть

Широкое внедрение цифровых технологий ставит перед юридической наукой задачи, решить которые возможно только при наличии должного теоретического фундамента и междисциплинарных исследований. Представляется важным осмысление феномена искусственного интеллекта и автоматизации правосудия, что требует комплексного анализа их сущности, различий, возможностей и этико-правовых последствий.

Согласно Указу Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1] искусственный интеллект (в отличие от простой автоматизации) представляет собой систему, которая может имитировать когнитивные функции человека, такие как анализ, прогнозирование и принятие решений на основе алгоритмов машинного обучения. В то время как автоматизация представляет собой оптимизацию процессов в рамках судопроизводства; это может быть электронный документооборот или конференцсвязь. ИИ претендует на выполнение задач, которые требуют интерпретации, оценки и формирования решений.

Ключевое разграничение этих технологий выражается в степени автономности и наличии творческого компонента. Автоматизация может действовать только в заранее определенных рамках, строго по заданным алгоритмам, что делает данную технологию подходящей для задач, не требующих гибкости в своей реализации. К таким задачам можно отнести случаи, где нет необходимости в анализе контекста, например подача исковых заявлений в электронном виде или автоматическое уведомление участников процесса. В отличие от автоматизации технология ИИ, в свою очередь, может адаптироваться к обстоятельствам, реагировать на запросы, выявлять закономерности практики и на основе этого выдвигать решения, которые не были формально запрограммированы. В то же время такое преимущество может порождать риски, к числу которых можно отнести «эффект чёрного ящика» – невозможность объяснить решение, принятое алгоритмом ИИ, что ставит под вопрос правомерность применения подобных

решений в правосудии, где важным аспектом является право сторон на понимание и оспаривание судебных актов [2, с. 19, 20].

Этические вопросы применения ИИ в судопроизводстве также должны стать предметом научных исследований, поскольку возможная фактическая замена судей позволяет минимизировать судебную нагрузку и исключить человеческие ошибки, однако оставляет ряд аспектов деятельности судьи (этических и психологических аспектов), которые не могут быть предметом автоматизированного учета при принятии решения [3, с. 72, 73]. Автоматизация, в свою очередь, сталкивается с проблемами иного рода – технологическим отставанием, отсутствием цифровых стандартов и возможными киберугрозами.

Создание инфраструктуры для цифрового правосудия и регулирования искусственного интеллекта в России является результатом систематической государственной политики, направленной на модернизацию судебной системы и повышение эффективности государственного управления в условиях глобальной цифровой трансформации [3, с. 64]. На сегодняшний день развитие данной инфраструктуры определяется сочетанием технологических инноваций, законодательных инициатив и необходимостью обеспечения информационной безопасности, что в совокупности способствует созданию единой цифровой экосистемы для правосудия.

Одним из ключевых направлений цифровизации судебной системы представляется автоматизация рутинных задач, что позволит судьям сконцентрироваться на более сложных задачах, требующих глубокого анализа и индивидуального подхода.

Деятельность цифровых платформ в правовом поле обеспечивается через систему взаимосвязанных нормативных актов [4], регламентирующих вопросы электронного документооборота [5], устанавливающих правовые рамки для информационных систем [6]. Настоящие правовые акты создают институционально-правовую основу для защиты, безопасности и конфиденциальности цифровых транзакций, обеспечения бесперебойной работы электронного документооборота, что составляет основу внедрения цифровых технологий в судопроизводство.

Важным элементом цифровой инфраструктуры является развитие дистанционных технологий, включая видеоконференцсвязь и электронные подписи, обеспечивающие неизменность электронных доказательств. Государственная политика в этой сфере реализуется через концепцию информационного общества и программу «Цифровая экономика Российской Федерации», направленные на создание правовых условий для цифрового судопроизводства. В рамках данных инициатив модернизирована государственная автоматизированная система «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), обеспечивающая электронный документооборот, удалённые заседания и интеграцию судебных баз данных [7, с. 181]. Дополнительно функционируют такие специализированные сервисы, как «Мой Арбитр», «Правосудие онлайн» и «Госуслуги», что способствует повышению доступности правосудия для граждан.

Перспективные проекты включают внедрение «Цифрового КоАП» для автоматизации административного производства, пилотное использование

ИИ-ассистентов судей в арбитражах и тестирование блокчейна для хранения судебных решений. Параллельно развивается нормативная база, регулирующая применение ИИ, в частности Федеральный закон № 537-ФЗ «О правовых основах использования искусственного интеллекта в Российской Федерации» [8], устанавливающий требования к прозрачности алгоритмов и распределению ответственности за их решения.

Регулирование использования ИИ становится особенно актуальным ввиду необходимости минимизации рисков, связанных с «эффектом чёрного ящика». Особую остроту приобретают вопросы кибербезопасности, учитывая возрастающие риски цифровых атак на критически важную инфраструктуру правосудия. Не менее значимым представляется аспект потенциальной дегуманизации судебного процесса, когда автоматизированные системы могут нивелировать индивидуальный подход к рассмотрению дел, что противоречит базовым принципам правосудия.

Создание правовой базы для регулирования ИИ и цифрового правосудия в России обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это глобальные тенденции цифровизации, которые требуют от государства интеграции современных информационных технологий в сферу публично-правовых институтов. Во-вторых, опыт зарубежных стран демонстрирует высокую эффективность цифровых платформ для правосудия и применение систем ИИ в судебном процессе, что служит ориентиром для отечественной практики. В-третьих, пандемия COVID-19 ускорила необходимость создания удалённых систем судебного разбирательства и внедрения цифровых технологий, что вынудило государство пересмотреть традиционные модели организации правосудия и адаптировать их к новым реалиям.

Перспективы внедрения ИИ в российское правосудие охватывают широкий спектр возможностей. В рамках упрощённого и приказного производства автоматизация обработки бесспорных требований может обеспечить существенное повышение процессуальной экономии. Разработка стандартизированных автоматизированных форм обращений граждан, учитывающих лучшие международные практики, способна значительно упростить доступ к правосудию и снизить административные барьеры. При этом ключевое значение приобретает вопрос обеспечения баланса между автоматизацией и сохранением гуманитарной составляющей правосудия.

Качественное внедрение ИИ-технологий в судебную систему открывает перспективы для существенного снижения уровня субъективных ошибок, минимизации проявлений судейского усмотрения и повышения общей объективности выносимых решений.

В контексте российской правовой системы особую актуальность приобретает задача гармонизации технологических инноваций с фундаментальными принципами правосудия, включая состязательность процесса, равноправие сторон и право на справедливое судебное разбирательство. Решение этой задачи требует комплексного подхода, сочетающего дальнейшее совершенствование

нормативной базы, развитие технологической инфраструктуры и формирование новой правовой культуры, адаптированной к условиям цифровой эпохи.

Цифровизация судебных систем активно развивается в различных странах, однако подходы к её внедрению и регулированию существенно различаются. В странах ЕС приоритет отдаётся осторожному и последовательному внедрению цифровых технологий в судебные процессы с учётом принципов защиты персональных данных и верховенства права [9, с. 38]. Стратегия e-Justice направлена на стандартизацию электронных судебных процедур и развитие трансграничного обмена судебной информацией.

Согласно политике ЕС были приняты акты, выводящие цифровизацию правосудия на новый вектор развития, обязывающие государственные органы стран, входящих в состав ЕС, использовать информационную систему для коммуникации в области трансграничного правосудия [10, с. 126].

Значительную проблему представляют вопросы, связанные с цифровыми доказательствами и онлайн-судами. В странах – участницах ЕС осуществляется строгий контроль регулирования персональных данных посредством акта «Общий регламент защиты данных», который относит к персональным данным сведения, идентифицирующие личность: имя, фамилию, адрес, телефон, паспортные данные, а также интернет-идентификаторы (куки-файлы, динамический IP и т.д.) и генетическую информацию [11]. Эта инициатива демонстрирует важность внедрения элементов цифровизации с целью повышения эффективности процесса судопроизводства. ЕС показывает достаточно высокий уровень развития права и технологических возможностей, делая союз стран-участниц конкурентоспособным по отношению к передовым державам, таким как США и Китай, и представляет пример для дальнейшего развития отечественной политики с учётом национальных интересов.

В контексте использования ИИ союз европейских государств придерживается осторожного подхода, ориентируясь на этику, что может стать преимуществом в долгосрочной перспективе, и активно разрабатывая правовую базу для регулирования ИИ и цифровых технологий. Это проявляется в создании «Закона об ИИ» (AI Act) [12], в рамках которого регулируются вопросы создания стандартов безопасности для использования ИИ, и «Плана действий ИИ-континента» (AI Continent Action Plan) [13], согласно которому Европа должна стать лидером в области ИИ за счёт научного потенциала и промышленности.

В противовес осмотрительной политике ЕС Китай активно применяет концепцию цифровизации государственных услуг путём внедрения алгоритмов ИИ для повышения эффективности работы государственных институтов, снижения нагрузки на судей и улучшения доступа граждан к правосудию [14]. После рассмотрения в 2016 г. и принятия в 2017 г. в Китае активно реализуется политика «умных судов», согласно которой ведётся активная работа по разработке онлайн-платформ, помогающих гражданам Китая подавать иски и участвовать в заседаниях в электронной форме, а также способных посредством блокчейн-технологий сохранять электронные доказательства [15].

Начиная с 2019 г. Верховный суд Китая активно внедряет практику применения ИИ для поддержки процесса судопроизводства, например автоматизацию рутинных задач: подготовку расшифровок заседаний, систематизацию доказательств и т.д. Верховный суд Китая также установил обязательным консультироваться каждому судье с ИИ-ассистентом в ходе рассмотрения дела, при этом подчеркнул, что конечное решение должно выноситься судьёй лично, а в случае несогласия с рекомендацией ИИ-ассистента – в письменной форме обосновать причину расхождения мнения судьи и программы для дальнейшей проверки [16].

Важной инициативой стало принятие Пояснения Верховного суда КНР об усилении применения технологии блокчейн в судопроизводстве как основы для реализации этой технологии, устанавливающей основные принципы использования ИИ, которые выражаются в том, что ИИ должен использоваться как инструмент (в чём мы согласны), а также должен быть подотчётным, прозрачным и понятным, что необходимо для соблюдения законности [14, с. 72]. Согласно этому Пояснению: данные, которые используются ИИ, должны быть конфиденциальными; ответственность за применение ИИ несут судьи и органы, его использующие; использование ИИ должно соответствовать нормам права [14, с. 74, 75].

В отличие от Китая и ЕС промежуточную позицию занимают США с их фрагментарным подходом. Американские суды активно применяют цифровые платформы для управления процессами, упрощения документооборота, проведения удалённых заседаний и т.д. Для обращения, доступа к информации и подачи документов применяются платные системы электронного публичного доступа, которые часто критикуют за высокую стоимость, и система для управления электронными делами [17]. Несмотря на активное применение цифровых платформ, применение ИИ в правосудии ограничено аналитическими задачами. Большой акцент делается на анализе больших данных, построении моделей на основе статистических данных, собираемых из тюрем, прогнозировании решений, а также консультировании граждан. Критики отмечают, что использование алгоритмов ИИ может стать причиной воспроизведения и закрепления ряда системных ошибок в правоприменении.

Заключение

Цифровизация судебной системы открывает новые возможности для повышения эффективности правосудия, однако её внедрение требует тщательной правовой регламентации в целях обеспечения защиты прав всех участников процесса. Развитие цифровых технологий в сфере правоприменения неизбежно ведёт к необходимости пересмотра законодательства и его адаптации к новым реалиям. Для России ключевой задачей становится модернизация нормативной базы с учётом передового международного опыта и современных вызовов.

Необходимо разработать чёткие и универсальные критерии допустимости цифровых доказательств в судопроизводстве, а также установить детальные правила алгоритмического принятия решений в судебной практике. Особое внимание следует уделить вопросам правовой ответственности за ошибки, допущенные системами искусственного интеллекта, особенно в делах, влияющих на права и законные интересы граждан.

Для минимизации рисков, связанных с использованием ИИ в правосудии, критически важно создать прозрачные алгоритмы, которые позволят объяснить принятые ими решения. Введение обязательных требований к объяснимости алгоритмов и механизмов независимого аудита таких систем поможет повысить доверие к цифровому правосудию. В этой связи целесообразно внедрить механизмы контроля и проверки решений, принимаемых автоматизированными системами, при обязательном участии судьи в вынесении окончательных судебных актов.

Оптимальным подходом для России представляется комбинированная модель, основанная на европейских принципах защиты прав граждан и верховенства права, а также элементах китайской и американской практики, направленных на оптимизацию судебных процессов и повышение их эффективности. При этом важно учитывать особенности российской правовой системы, включая необходимость защиты прав участников процесса, соблюдения принципов справедливости и равенства сторон, а также обеспечения высокого уровня кибербезопасности в условиях стремительной цифровой трансформации.

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110002> (дата обращения: 28.03.2025).
2. The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence / ed. by Larry A. DiMatteo, M. Cannarsa, C. Poncibò. Cambridge: CUP, 2023. URL: <https://doi.org/10.1017/9781009367783> (дата обращения: 28.03.2025).
3. Умнова-Конюхова И.А. Правосудие в условиях цифровизации: актуальные аспекты становления и развития // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 3. С. 62–75. URL: <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2022.03.06>
4. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102124710> (дата обращения: 28.03.2025).
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144050> (дата обращения: 28.03.2025).
6. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144051> (дата обращения: 28.03.2025).
7. Ягофаров Д.Р. Государственная автоматизированная система «Правосудие»: цифровые формы судебно-процессуальной деятельности // Молодой ученый. 2024. № 13 (512). С. 179–183. URL: <https://moluch.ru/archive/512/112327/> (дата обращения: 05.02.2025).
8. Официальный интернет-портал правовой информации: О правовых основах использования искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2023 № 537-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202307130034> (дата обращения: 28.03.2025).

9. Курочкин С.А. О перспективах применения искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 2. С. 37–42. DOI: 10.18572/1812-383X2023-1-37-42
10. Ермакова Е.П., Пухарт А.А. Внедрение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве ЕС: на примере реализации положений Регламента и Директивы о цифровизации трансграничного судебного сотрудничества и доступа к правосудию // Юридическая наука. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-tsifrovyyh-tehnologiy-v-grazhdanskomsudoproizvodstve-es-na-primere-realizatsii-polozheniy-reglamenta-i-direktivy-o> (дата обращения: 12.01.2025).
11. Терешин М.В. Правовое регулирование защиты персональных данных в РФ и ЕС в контексте вступления в силу Общего регламента по защите данных (GDPR) // Образование и право. 2019. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovaniezashchity-personalnyh-dannyh-v-rf-i-es-v-kontekste-vstupleniya-v-silu-obshchego-reglamenta-po-zaschite-dannyh> (дата обращения: 11.01.2025).
12. Закон об искусственном интеллекте Европейского союза (AI Act): Регламент Европейского парламента и Совета (ЕС) 2024/... URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/ai-act> (дата обращения: 28.03.2025).
13. AI Continent Action Plan: официальный документ Европейского союза по искусственному интеллекту. Brussels: European Commission, 2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/ai-continent-action-plan> (дата обращения: 28.03.2025).
14. Бальчиндоржиева О.Б., Мяханова А.Н., Сапкеев Д.В. Философско-правовые и этические аспекты организации «умного суда»: китайский опыт // Вестник БГУ. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovye-ieticheskie-aspekty-organizatsii-umnogo-suda-kitayskiy-opyt> (дата обращения: 11.01.2025).
15. Chen B.M., Li Z. How will Technology change the Face of Chinese Justice? // Columbia Journal of Asian Law. 2020. Vol. 34, № 1. P. 1–58. DOI: 10.7916/cjal.v34i1.7484
16. Shi Ch., Sourdin T., Li B. The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? // International Journal for Court Administration. 2021. Vol. 12, № 1. Article 4. DOI: 10.36745/ijca.367
17. Рогожина С.Г., Щербинина Н.С. «Электронное правосудие»: сравнительно-правовой анализ // Журнал юридических исследований. 2020. № 3. С. 86–91. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/39852/view> (дата обращения: 10.01.2025).
18. Re R., Solow-Niederman A. Developing Artificially Intelligent Justice // Stanford Technology Law Review. 2019. Vol. 242. Public Law Research Paper № 19–16. P. 242–289. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3390854 (дата обращения: 11.01.2025).
19. Крысанова Н.В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта // Консультант. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-opravorosubektnosti-i-pravovom-razvitiiskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 11.01.2025).
20. Бурдина Е.В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Российский судья. 2022. № 10. С. 49–53. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-10-49-53
21. Зуйкова М.С. Искусственный интеллект как субъект гражданского права // Форум молодых ученых. 2023. № 11. С. 38–48.

References

1. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019. *Official Internet portal of*

- legal information.* URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110002> (accessed date: 28.03.2025).
2. The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence / ed. by Larry A. DiMatteo, M. Cannarsa, C. Poncibò. Cambridge: CUP; 2023. URL: <https://doi.org/10.1017/9781009367783> (accessed date: 28.03.2025).
 3. Umnova-Konyukhova I.A. (2022). Justice in the context of digitalization: Current aspects of formation and development. *Social and Humanitarian Sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law.* 2022; (3): 62–75. URL: <https://doi.org/10.31249/-rgpravo/2022.03.06>
 4. On Electronic Signature: Federal Law No. 63-FZ of April 6, 2011. *Official Internet portal of legal information.* – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102124710> (accessed date: 28.03.2025).
 5. On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006. *Official Internet portal of legal information.* URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144050> (accessed date: 28.03.2025).
 6. On Personal Data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006. *Official Internet portal of legal information.* URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144051> (accessed date: 28.03.2025).
 7. Yagofarov D.R. The state automated system "Justice": Digital forms of judicial and procedural activity. *Young Scientist.* 2024; 13 (512): 179–183. URL: <https://moluch.ru/archive/512/112327/> (accessed date: 05.02.2025).
 8. On the Legal Framework for the Use of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Federal Law No. 537-FZ of July 13, 2023. *Official Internet portal of legal information.* URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202307130034> (accessed date: 28.03.2025).
 9. Kurochkin S.A. Prospects for the use of artificial intelligence in civil and arbitration proceedings. *Arbitration and Civil Procedure.* 2023; (2): 37–42. DOI: 10.18572/1812-383X2023-1-37-42.
 10. Ermakova E.P., Pukharta A.A. Implementation of digital technologies in EU civil proceedings: Case study of the Regulation and Directive on digitalization of cross-border judicial cooperation and access to justice. *Legal Science.* 2024; (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-tsifrovyyh-tehnologiy-v-grazhdanskomsudoproizvodstve-es-na-primere-realizatsii-polozheniy-reglamenta-i-direktiv-o> (accessed date: 12.01.2025).
 11. Tereshin M.V. Legal regulation of personal data protection in the Russian Federation and the EU in the context of the General Data Protection Regulation (GDPR). *Education and Law.* 2019; (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovaniezaschity-personalnyh-dannyh-v-rf-i-es-v-kontekste-vstupleniya-v-silu-obshchego-reglamenta-po-zaschite-dannyh> (accessed date: 11.01.2025).
 12. The Law on Artificial Intelligence of the European Union (AI Act): Regulation of the European Parliament and of the Council (EU) 2024/... URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/ai-act> (accessed date: 03.28.2025).
 13. AI Continent Action Plan: an official document of the European Union on artificial intelligence. Brussels: European Commission; 2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/ai-continent-action-plan> (accessed date: 03.28.2025).
 14. Balchindorzhieva O.B., Myakhanova A.N., Sapkeev D.V. Philosophical, legal, and ethical aspects of the "smart court" organization: The Chinese experience. *Bulletin of BSU.*

- 2023; (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovye-i-eticheskie-aspekty-organizatsii-umnogo-suda-kitayskiy-opyt> (accessed date: 11.01.2025).
15. Chen B.M., Li Z. How will technology change the face of Chinese justice? *Columbia Journal of Asian Law*. 2020; 34 (1): 1–58. DOI: 10.7916/cjal.v34i1.7484
16. Shi Ch., Sourdin T., Li B. The smart court – A new pathway to justice in China? *International Journal for Court Administration*. 2021; 12 (1), Article 4. DOI: 10.36745/ijca.367
17. Rogozhina S.G., Shcherbinina N.S. "Electronic justice": a comparative legal analysis. *Journal of Legal Research*. 2020; (3): 86–91. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/39852/view> (accessed date: 10.01.2025).
18. Re R., Solow-Niederman A. Developing artificially intelligent justice. *Stanford Technology Law Review*. 2019; (242): 242–289. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3390854 (accessed date: 11.01.2025).
19. Krysanova N.V. On the legal personality and legal development of artificial intelligence. *Consultant*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-opravosubektnosti-i-pravovom-razvitiiskusstvennogo-intellekta> (accessed date: 11.01.2025).
20. Burdina E.V. (2022). Digital access to court in the Russian Federation: Problems of legal regulation. *Russian Judge*. 2022; (10): 49–53. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-10-49-53
21. Zuikova M.S. (2023). Artificial intelligence as a subject of civil law. *Forum of Young Scientists*. 2023; (11): 38–48.

Информация об авторах:

Вронская Мария Владимировна, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, m.vronskaya@mail.ru

Кузнецов Алексей Владимирович, аспирант ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, kuznetcov.avladim@dvfu.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/149-161>

EDN: <https://elibrary.ru/VTRAGA>

Дата поступления:
22.04.2025

Одобрена после рецензирования:
29.04.2025

Принята к публикации:
14.05.2025

Научная статья
УДК 372.881
DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/162-182>
EDN: <https://elibrary.ru/YKVHOE>

Моделирование содержания обучения английскому языку как лингва франка современного юридического общения

Яроцкая Людмила Владимировна

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
Москва. Россия

Будённая Светлана Юрьевна

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)
Москва. Россия

Аннотация. *Широкое использование английского языка в международном правовом пространстве свидетельствует об обретении им к началу XXI в. нового статуса – лингва франка современного юридического общения, что, однако, не получило достаточного научного осмысления ни в лингвистической, ни в лингводидактической литературе. Цель исследования – восполнить этот пробел: на основе результатов анализа специальной литературы по проблематике исследования, обобщения и систематизации данных, интерпретации полученных результатов разработать и обосновать инвариант-модель содержания обучения английскому языку как юридическому лингва франка. Реализация поставленной цели связана с изложенным в статье решением комплекса задач: научным обоснованием статуса английского языка как юридического лингва франка; созданием его лингводидактической проекции, соотнесенной с иерархией актуальных коммуникативно-деятельных потребностей типичных представителей мирового юридического сообщества и отражающей стратегию освоения соответствующего содержания; обоснованием методического инструментария для отбора актуального содержания обучения юридическому лингва франка; конкретизацией посредством системы дескрипторов инвариант-модели обучения этому содержанию и ее апробацией.*

Ключевые слова: юридический лингва франка, английский язык, модель содержания обучения, коммуникативно-деятельностные потребности, юрист-международник.

Для цитирования: Яроцкая Л.В., Будённая С.Ю. Моделирование содержания обучения английскому языку как лингва франка современного юридического общения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 162–182. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/162-182>. EDN: <https://elibrary.ru/YKVHOE>

Original article

Modelling the content of teaching and learning English as a lingua franca for modern legal communication

Lyudmila V. Yarotskaya

National Research Nuclear University Mephi
Moscow. Russia

Svetlana Yu. Budennaya

O.E. Kutafin Moscow State Law University,
K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)
Moscow. Russia

Abstract. By the turn of the 21st century, using English throughout international legal space had resulted in its obviously acquiring a new status – that of a lingua franca for modern legal communication. However, it has not been duly addressed either by linguists or by the language pedagogy community so far. The aim of the article is to close the gap: through analysis of literature relevant to the problem in question, generalization and systematization of the data obtained, and interpretation of the results thus collected, to work out and substantiate an invariant content model of teaching and learning English as a legal lingua franca. The outline of corresponding objectives shapes the content of the article and include: establishing the status of the English language as a legal lingua franca and providing its language pedagogy perspective harmonized with the hierarchy of up-to-date communicative and action-oriented needs representative of the world legal community. With the discovered hierarchy reflecting the teaching-and-learning strategy and the substantiated content selection tools underlying lingua franca selection procedures, the invariant model for teaching and learning the content is further specified through a system of descriptors and tested.

Keywords: legal lingua franca, English, teaching-and-learning content model, communicative and action-oriented needs, international lawyer.

For citation: Yarotskaya L.V., Budennaya S.Yu. Modelling the content of teaching and learning English as a lingua franca for modern legal communication // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 162–182. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/162-182>. EDN: <https://elibrary.ru/YKVHOE>

Введение

Юридическая сфера – особое измерение профессиональной деятельности человека, характеризующееся глубоким погружением в национальную культуру лингвосоциума, обусловленностью традициями и обычаями народа, его пониманием справедливого мироустройства, опытом социокультурного строительства и актуальной практикой жизнедеятельности человека в современных контекстах правовых отношений. При этом важной особенностью юридической деятельности является ее *коммуникативная природа*. Как отмечают исследователи (философы, юристы, лингвисты и др.), *право суть язык*; оно – результат непрерывной человеческой коммуникации, которая приобретает правовой смысл и значение при интерпретации специальных текстов, устанавливающих права и обязанности участников социального взаимодействия в конкретном социокультурном

контексте [1–4 и др.]. Еще со времен установления римского права именно слову отводится функция закрепления правовых смыслов, а основополагающим профессиональным инструментом юриста считаются его коммуникативные умения [4–7 и др.].

Осмысливая *коммуникативный характер и социокультурную обусловленность юридической деятельности*, представляется важным учитывать специфику современной коммуникации и изменение форматов профессиональной деятельности в глобализированном информационно-коммуникационном пространстве [3, 8 и др.]. В сложившихся условиях взаимное влияние этих достаточно разнородных факторов имеет синергетический эффект, при котором соотношение «коммуникация – когниция» оказывается неоднозначным. Это приводит к нелинейному протеканию процессов трансформации правовой реальности в глобальном масштабе, появлению новых «продуктов» ее языкового воплощения. С одной стороны, развитие баз данных, сетевых ресурсов, открывающих широкие возможности для трансграничных международных контактов, электронных форматов сотрудничества, определяет потребность коммуникантов в общем языковом коде, удобном в применении и понятном представителям любых национальных правовых культур [9, 10 и др.]. С другой стороны, юрист, как отмечалось выше, – всегда носитель конкретных правовых смыслов, традиций, обычаев, «неписаных законов», регламентирующих способы деятельности и обеспечивающих реализацию типичных коммуникативно-деятельностных потребностей национального представителя этой профессии [7, 11–13]. В подобных условиях использование «чужого» языкового кода, на первый взгляд, весьма проблематично, поскольку с языком, как правило, заимствуется и система культурно-правовых координат – то лингвокогнитивное основание юридической деятельности, которое запечатлено в языковой и концептуальной картинах мира.

При анализе этого объективно сложившегося противоречия учтем также и такие достаточно распространенные в языке права явления, как культурно-правовые лакуны, формальные корреляты [11 и др.], значительный пласт фоновой лексики, что серьезно затрудняет межкультурное общение юристов-международников в профессиональном поле. Тем не менее по стечению обстоятельств к началу XXI в., несмотря на отмеченное выше противоречие, использование английского языка (далее – АЯ) на мировой арене выходцами из разных правовых систем, по существу, *в функции лингва франка современного юридического общения* становится не просто общей практикой, а нормой – той реальностью, с которой сегодня нельзя не считаться [10, 13–15 и др.]. Вместе с тем данное утверждение о новом статусе юридического АЯ, очевидно, нуждается в дополнительной *научной* аргументации, что до настоящего времени не нашло своего отражения ни в лингвистической, ни тем более в лингводидактической литературе.

Цель исследования – восполнить этот пробел: разработать и обосновать инвариант-модель содержания обучения АЯ как юридическому лингва франка. Реализация поставленной цели связана с решением следующих *задач*: научным обоснованием статуса АЯ как юридического лингва франка; созданием его лингводидактической проекции, соотносенной с иерархией актуальных коммуника-

тивно-деятельных потребностей типичных представителей мирового юридического сообщества и отражающей стратегию освоения соответствующего содержания; обоснованием методического инструментария для отбора актуального содержания обучения юридическому лингва франка; конкретизацией посредством системы дескрипторов инвариант-модели обучения этому содержанию и ее апробацией.

Материалы исследования включают: документы и другие юридически значимые продукты деятельности международных организаций, связанные с правовыми аспектами регулирования международных отношений; публикации отечественных и зарубежных ученых по вопросам современного юридического общения, формирования у обучающихся соответствующих компетенций; продукты деятельности участников опытной проверки, экспертные заключения, полученные в ходе исследования.

Исследование проводилось с применением теоретических и эмпирических методов, основными среди которых являются: *анализ* специальной литературы по проблематике статьи; *обобщение* полученных данных, их *систематизация* и *интерпретация*; *моделирование* содержательного компонента обучения юридическому лингва франка; *опытная проверка* разработанной модели; *опрос* и *интервьюирование* участников опытной проверки (обучающихся и преподавателей), отечественных и зарубежных юристов, включенных в международно-правовые контексты деятельности; *экспертная оценка* содержательной модели лингва франка.

Основная часть

Юридический лингва франка: к постановке проблемы

К настоящему времени сложилось понимание *лингва франка* (далее – ЛФ) как универсального языкового кода, нейтрального в культурном плане и позволяющего представителям разных лингвосоциумов общаться в процессе решения прагматических задач. Язык такого общения неизбежно упрощается: ослабляется языковая норма, свойственная языку-основе; вырабатывается специфическая система значений, ограниченная кругом решаемых коммуникантами практических задач [16–19 и др.].

С одной стороны, такая ситуация (обособление языка права от воплощенной в нем правовой культуры), как отмечалось выше, достаточно проблематична, так как за юридическим термином стоят значимые для любого лингвосоциума социокультурные практики. С другой стороны, процессы глобализации на рубеже XXI в. (международные объединения финансовых и бизнес-кругов, стремящихся, обретя «общий язык права», обеспечить правовую определенность и устойчивость своей деятельности; высокая активность англосаксонских политических «тяжеловесов»; работа многочисленных международных организаций, использующих АЯ в качестве универсального инструмента, весьма распространенного в мире и относительно «несложного» для освоения) обусловили широкомасштабный характер его использования – тенденция, поддержанная и значительно усиленная Интернетом. Сегодня АЯ стал *достоянием всего мирового сообщества*, востребованным рабочим инструментом профессиональной личности [13, 20–22 и др.].

С началом третьего тысячелетия человечество принимает новые стандарты торгово-промышленного сотрудничества, электронного документооборота, юридического обеспечения этих процессов, решает другие насущные вопросы международной жизни, и «путевку в жизнь» эти решения получают, как правило, «в англоязычном исполнении». С языком приходят рекомендуемые международным сообществом «актуальные» форматы и шаблоны документов, сценарии деятельности при решении финансовых, экономических, правовых вопросов (как, например, UNCITRAL Model Laws). Происходит унификация юридических практик, обеспечивающих эти процессы. Одновременно «корректируется» и сам юридический АЯ, адаптирующийся к новым условиям функционирования в пространстве пересечения интересов международных акторов, не имеющих англосаксонские корни: наблюдается постепенное абстрагирование от исконных англосаксонских культурно-правовых смыслов, обретение им свойств ЛФ [9, 10, 14 и др.].

Таким образом, происходит «расслоение» языка, вызванное неоднородностью социокультурных условий его функциональной реализации: с одной стороны, в контекстах англосаксонской правовой традиции, с другой – в транскультурных правовых контекстах, свободных от опосредованности национально-культурными константами. В то же время функционирование ЛФ, очевидно, не отменяет того факта, что за пределами «шаблонных» решений юрист-международник – всегда представитель своей страны, призванный отстаивать ее интересы на международной арене и быть носителем ее правовых смыслов. Это предполагает признание целого ряда «допущений» социокультурного плана, связанных с готовностью коммуникантов использовать при необходимости компенсаторные механизмы, обеспечивающие коммуникативный паритет сторон [13], что требует развитой компетентностной базы и обуславливает необходимость поиска и научного обоснования соответствующих лингводидактических решений.

Лингводидактическое «измерение» юридического лингва франка: осмысление проблемного поля

В значительном количестве работ, имеющих отношение к теме нашего исследования, рассматриваются когнитивно-дискурсивные особенности юридической терминологии, переводческие трудности, связанные с межъязыковой и межкультурной интерференцией, а также наличием юридических лакун [23–25 и др.]. Внимание авторов нередко сосредоточено на сравнительном анализе понятийного аппарата российского и англосаксонского / американского права; причем за основу часто берется договор как документ, весьма востребованный в практике международных отношений [25–27 и др.]. Так, например, Н.В. Багринцева и О.А. Демченкова, рассматривая трудности перевода англоязычных договоров, делают вывод о нецелесообразности опоры в практике перевода на иноязычные аналоги, поскольку существует угроза подмены юридических понятий, что чревато смысловыми искажениями, причем по значимым договорным позициям. В силу этого освоение языка права увязывается с анализом понятийной модели данной предметной области [26].

В этой связи исследуются юридические составляющие языковой и концептуальной картин англосаксонского мира и даже варианты различий (британский и североамериканский) внутри англо-американского права, иногда, несмотря на значительные расхождения, не принимаемые в расчет, что препятствует эффективной межкультурной коммуникации. Некоторые авторы ограничиваются рассмотрением юридической практики исключительно США [28, 29 и др.], что, с нашей точки зрения, нивелирует перспективу подготовки коммуникантов из разных правовых культур к равноправному англоязычному диалогу.

Особый интерес представляет исследование Д.В. Алейниковой, в котором выявлены и описаны когнитивно-дискурсивные основания фундаментальных различий правовых культур – РФ и стран, имеющих англосаксонские корни, что при их взаимодействии объективно создает коллизионные контексты: внешние – в ситуациях непосредственных контактов представителей этих систем права и внутренние – при столкновении концептуально разных правовых картин мира в сознании коммуникантов [2]. Подобные различия способны вылиться в серьезную проблему в случаях, когда АЯ используется носителями разных правовых культур, не готовых к прагматической адаптации ситуации общения с учетом национально-культурной принадлежности партнера по коммуникации, что усиливает значимость поиска эффективных лингводидактических решений в контекстах ЛФ.

Ряд исследований сосредоточены на поиске технологичных инструментов для обучения будущих юристов профессиональной коммуникации на АЯ [5, 30, 31 и др.]. При этом ситуация иноязычного юридического общения *в поликультурных контекстах*, хотя и затрагивается авторами [1, 32, 33 и др.], однако оказывается значительно менее исследованной в научном плане, а вопрос об *АЯ как юридическом ЛФ* поднимается лишь в отдельных работах [9, 10, 14, 15].

Такое положение дел свидетельствует о том, что сложившаяся практика и представленная в научных публикациях теория обучения будущих юристов-международников англоязычному профессиональному общению не вполне учитывают ряд существенных факторов, в частности: «расслоение» юридического АЯ, вызванное неоднородностью социокультурных условий его функционирования; специфические особенности юридического ЛФ, значимые для подготовки профессиональных кадров; необходимость подготовки обучающихся к равноправной коммуникации всех сторон в контекстах юридического ЛФ и с учетом коммуникативно-деятельностных потребностей профессиональной личности юриста.

Таким образом, результаты даже предварительного анализа проблемного поля позволяют очертить круг *противоречий*, значительно ограничивающих как современную практику иноязычной подготовки юристов-международников, так и теоретическое осмысление происходящих в международном правовом пространстве языковых процессов, а именно: между устоявшейся лингводидактической практикой, ориентированной на преподавание юридического АЯ в контекстах англосаксонской правовой культуры, и его функционированием как де-факто ЛФ; между «расслоением» юридического АЯ, вызванным неоднородно-

стью социокультурных условий его функциональной реализации, и недостаточным лингводидактическим осмыслением совокупности актуальных коммуникативно-деятельностных потребностей современного юриста международно-правовой специализации; между потребностью юристов из разных лингвосоциумов в универсальном языковом коде для решения прагматических задач профессиональной деятельности и необходимостью квалифицированно представлять интересы своей страны на международной арене, адекватно передавая на АЯ свои национально-культурные правовые смыслы.

Для приведения лингводидактического процесса в соответствие со сложившимися реалиями международно-правовых отношений обозначенные выше противоречия, очевидно, требуют разрешения, что и задает научные координаты лингводидактического поиска в обозначенном проблемном поле и определяет содержание разделов нашей статьи.

Потенциал английского языка как юридического лингва франка

Проведенный анализ современного англоязычного международно-правового дискурса позволил выявить две свойственные ему *разнонаправленные тенденции*.

Первая тенденция проявляется в конвергентном движении мировых юридических практик в направлении унификации шаблонов деятельности, сценариев, стандартизации международно-правовой документации и при этом *активном использовании АЯ в качестве универсального кода* общения юристов-выходцев из разных лингвосоциумов и правовых семей [34, 35 и др.]. Такой юридический АЯ не только стремится освободиться от своего культурного (национально-культурного, социокультурного) основания, но и испытывает упрощения на разных системных уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. Нередко наблюдаются отклонения от нормы; *язык функционально ограничен кругом стандартных / стандартизированных задач*, решаемых юристом международно-правовой специализации, что в достаточной степени удовлетворяет его коммуникативно-деятельностные потребности в профессиональном поле. Примечательно, что эта тенденция не только отвечает «внешнему» по отношению к англоязычному миру запросу, но и соответствует «внутреннему» запросу граждан англоязычных государств к упрощению «юридического английского» (*the plain English movement*) – весомый фактор, объективно способствующий укреплению отмеченной тенденции [36–38 и др.].

Вторая тенденция связана с природой самой юридической деятельности, имеющей, как правило, глубокие корни в национальной культуре и обусловленной необходимостью представлять интересы своей страны в международном правовом пространстве. Тенденция заключается в сохранении национально-культурного основания дискурсивной деятельности юристов из разных правовых семей [2, 7, 23 и др.], что, однако, отнюдь не отменяет применения стандартизированных юридических практик на так называемом «техническом» уровне юридического взаимодействия [3, 13].

Выявленные тенденции послужили базой для углубленного исследования потенциала АЯ как юридического ЛФ. Полученные результаты позволяют констатировать следующее.

Будучи коммуникативным инструментом, высоковостребованным в реальной практике международно-правовой деятельности и, очевидно, отвечающим актуальным потребностям надэтнического профессионального сообщества, юридический АЯ характеризуется целым рядом специфических особенностей, свидетельствующих в пользу его отнесения к ЛФ. Хотя он и берет свое начало в англосаксонской правовой культуре, постепенно он «приспосабливается» к иным социокультурным условиям и в таком виде используется юристами из разных стран и развивается наряду с «оригиналом» (в своей собственной логике). Например, североамериканское право, имеющее британские корни, показывает значительные отличия от англосаксонского, восходя в ряде штатов (например, в Луизиане) к континентальному праву – концептуально иной правовой системе. При этом языком общения юристов остается английский, что в международно-правовых контекстах нередко выливается в терминологические разночтения, поскольку в разных социокультурных условиях термины оказываются наделенными иными значениями. Аналогичные отличия наблюдаются и в других бывших колониях Великобритании, что не препятствует использованию ими общего (английского) языка, однако, очевидно, требует некоторых «допущений» с учетом конкретных сторон юридической коммуникации.

Поскольку, как мы убедились, подобная практика не просто в принципе возможна, но уже реально существует и развивается, причем на протяжении не одного столетия, то вопрос о допустимости обособления коммуникативного кода от его культурно-правового основания (или, по крайней мере, ослаблении связей между ними) в пространстве международных отношений не может рассматриваться как непреодолимый барьер. И деятельность ведущих международных организаций – очевидное свидетельство этому.

Что касается собственно языковых характеристик, то в любом из своих вариантов юридический АЯ архаичен, сильно формализован, насыщен условностями и рассматривается даже многими исконными носителями АЯ как *«другой язык»*, доступный для понимания лишь специально подготовленными профессионалами в этой области и требующий перевода «с английского на английский»; в то же время он подвержен явно обозначившейся в последние годы «тенденции к упрощению юридического английского – *the plain English movement*, что, с учетом всех действующих факторов, способствует консолидации его статуса лингва франка, делая его более доступным для новых поколений юристов во всем мире» [13].

Весьма важным фактором, способствующим закреплению за юридическим АЯ статуса ЛФ, выступают также технико-технологические достижения конца XX – начала XXI в. и результаты их глобального внедрения, а именно: появление, повсеместное распространение и бурное развитие новой, сетевой, инфраструктуры современной коммуникации (Интернета) и в связи с этим – переход на электронные форматы общения, в том числе в юридической сфере, где опора на документ поставлена во главу угла [39, 40, и др.]. Учитывая коммуникативную природу права, возросшее значение письменной речи в глобальной сети [3], широкую представленность в ней англоязычных юридических ресурсов, устой-

чивую тенденцию к унификации юридических практик, настоятельные рекомендации международных организаций в отношении современного документооборота, вполне обоснованным представляется мнение ученых из ряда западноевропейских университетов о том, что в наше время АЯ фактически выступает в функции юридического ЛФ [15], и это, в свою очередь, нуждается в адекватном лингводидактическом ответе.

Таким образом, в ходе исследования была установлена неоднородность международно-правового дискурса и выявлена разнонаправленность представленных в нем тенденций развития юридического АЯ. При этом обозначившиеся тенденции (в силу «многомерности» юридической деятельности и юридического общения) не носят взаимоисключающий характер, поскольку связаны с реализацией разных коммуникативно-деятельностных потребностей представителей надэтнического юридического сообщества. Это потребовало иерархизации таких потребностей и соответствующих им готовностей.

Иерархия коммуникативно-деятельностных потребностей представителей мирового юридического сообщества

Иерархия включает *три качественно дифференцируемых уровня юридического ЛФ* – прагматический, социопрагматический, межкультурный, каждый из которых ориентирован на типичные ситуации юридического общения и предполагает реализацию определенных коммуникативно-деятельностных потребностей юриста. С повышением функционально обусловленного уровня вербального взаимодействия сторон юридический ЛФ как особый, наднациональный формат общения с необходимостью предусматривает ряд социокультурных и/или национально-культурных «допущений» (и соответствующих им готовностей коммуникантов), тем самым обеспечивая возможность *расширения контекстов англоязычного юридического общения* с учетом культурной специфики представленных в нем сторон. Повышение уровня в иерархии подразумевает обогащение субъектами юридического общения своей компетентностной базы.

Так, *прагматический уровень* можно квалифицировать как *классический ЛФ* в юридической сфере. В условиях сетевых коммуникаций он оказывается, с одной стороны, необходимым юридическим инструментом, а с другой – фактически уровнем технического владения языком, предполагая реализацию коммуникативно-деятельностных потребностей юридического сообщества, связанных в первую очередь с рецепцией и продукцией стандартной документации, производимой исходя из *унифицированных шаблонов и процедур, регламентов и рекомендаций международных и крупных региональных организаций*. При этом в подобных ситуациях общения устная речь в значительной степени оказывается «обслуживающей» письменные форматы коммуникации.

Социопрагматический уровень характеризуется как *ЛФ в формате «допущений» значимых дискурсивных расхождений* в юридических практиках разных лингвосоциумов (например, представителей французского и германского права, относящихся к системе континентального права, но испытывающих значительные коммуникативные затруднения, связанные не столько с языком общения, сколько с различием принятых у юристов этих стран *социокультурных практик*

[1, 2, 12 и др.]). Такие различия, даже при наличии стандартизированного подхода, обуславливают необходимость их осознания, учета и функциональной компенсации. Это позволяет профессионалу удовлетворять свои коммуникативно-деятельностные потребности, связанные с созданием и рецепцией стандартизированных юридически значимых речевых произведений (в устной и письменной формах) с учетом социокультурной специфики партнера по коммуникации. Данный уровень является промежуточным, что обусловило выделение двух подуровней (с ориентацией на более высокий/более низкий уровень юридического ЛФ).

Межкультурный уровень – высший уровень юридического ЛФ, реализуемый в формате «допущений» значимых культурно-правовых различий (например, при общении на АЯ представителей разных правовых систем из Европы, Китая, стран Африки и Ближнего Востока). Этот уровень владения юридическим ЛФ базируется на двух предыдущих, однако предполагает глубокое осознание, учет и эффективную лингвокогнитивную компенсацию различий.

Лингводидактическая проекция юридического лингва франка

Построение иерархии коммуникативно-деятельностных потребностей представителей мирового юридического сообщества позволило перейти к разработке лингводидактической проекции юридического ЛФ – конфигурации систематизированных контекстов юридического общения, соотнесенных с лингводидактическими условиями их освоения в учебной / учебно-профессиональной деятельности и определяющих стратегию обучения АЯ как ЛФ современного юридического общения [13]. В рамках проекции была проведена методическая конкретизация содержательных объектов освоения.

В силу отмеченных выше различий уровней ЛФ каждый из них в контуре конфигурации реализует свою лингводидактическую парадигму:

– *прагматический уровень* – коммуникативную парадигму с ориентацией на текст (стандартный документ) как единицу коммуникации;

– *социопрагматический уровень* – когнитивно-коммуникативную парадигму с акцентом на социокультурный контекст как единицу освоения, включая специфические особенности юридического дискурса (лингво)социума в стандартизированных речевых произведениях (письменных и устных), требующие адекватного англоязычного представления / рецепции;

– *межкультурный уровень* – когнитивную парадигму, обеспечивающую условия для адекватной перцепции потенциальных участников ситуации англоязычного межкультурного юридического общения [13]; при этом межкультурный контекст как единицу освоения можно охарактеризовать как полиперспективный, поскольку он актуализируется как перспектива национально-культурных и социокультурных правовых контекстов, в том числе коллизионных (наиболее проблемных).

Исходя из выявленных особенностей юридического ЛФ и учитывая их мультипарадигмальное лингводидактическое «разрешение», был уточнен структурный план содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ и конкретизирован соответствующий ему объем понятия. Анализ специальной литературы по данному вопросу [41–44 и др.] и обобщение полученных данных позволили сделать

вывод о целесообразности принятия *триединой структуры* содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ. Такая структура включает:

– *предметно-функциональный компонент*, представленный в системном виде каждым из подлежащих освоению функциональных форматов (далее – ФФ) межкультурной юридической коммуникации (в понимании ФФ и его трактовке как единицы содержания обучения юристов специальной иноязычной коммуникации, обоснованной Е.В. Думиной [3]);

– *процессуальный компонент*, интегрирующий речевые умения и навыки, обеспечивающие владение соответствующими ФФ;

– *компенсаторный компонент*, ориентированный на развитие готовности юриста, работающего в международном правовом пространстве, компенсировать вероятные дискурсивные отклонения в социокультурных практиках партнеров по коммуникации и/или дефицит у них/у себя лингвокогнитивных структур (в соответствии с уровнем реализации ЛФ).

Инструменты и результаты отбора содержания обучения юридическому лингва франка

В качестве инструментов отбора содержания обучения юридическому ЛФ была обоснована следующая *система принципов*: *философско-педагогические принципы* (принцип системности, антропологический, герменевтический и культурологический принципы); *дидактические принципы* (прежде всего, систематичности и последовательности, сознательности и деятельностного характера обучения), дополненные интегративным *лингводидактическим принципом* интернационализации профессиональной *подготовки специалиста*; *методические принципы* (коммуникативной направленности обучения; создания условий освоения иностранного языка, приближающихся к основным характеристикам реального межкультурного общения, а также предложенный Н.П. Хомяковой принцип целенаправленного и последовательного моделирования контекстов профессиональной деятельности юриста [45]); *специальные принципы* отбора содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ (принцип межкультурной координации содержания обучения юристов [45]); авторские принципы С.Ю. Буденной: системно-функциональной реализации содержательного компонента обучения в контекстах ЛФ; документоцентричности речевого юридического взаимодействия (устного и письменного) в контекстах ЛФ; учета динамики развития коммуникативно-деятельностных потребностей личности в контекстах ЛФ) [13].

Система принципов получила методическое преломление в *критериях отбора* содержания обучения юридическому ЛФ. Для *предметно-функционального компонента* в качестве первоочередных критериев выступили: уровень стандартизации и уровень контекстности создаваемого/воспринимаемого речевого продукта, а также уровень «допущения различий». При этом уровень стандартизации речевого произведения влияет и на степень востребованности в содержании обучения юридическому ЛФ *компенсаторного компонента*, предполагающего выход на общие/соотносимые для представителей разных (лингво)социумов функциональные смыслы юридической деятельности. Критерием второго

порядка, относящимся к *процессуальному компоненту* содержания обучения юридическому ЛФ, выступил системный показатель, учитывающий уровень трудности учебного материала, коррелирующий с иерархией ФФ [13].

Реализация приведенных выше принципов и критериев в процедурах отбора актуальных для ЛФ компонентов содержания обучения представителей юридического сообщества позволила установить, определить и соотнести содержание каждого из компонентов в рамках единого системного объекта. Это обусловило конфигурацию структурно-содержательного блока создаваемой модели содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ, отражающую динамику развития коммуникативно-деятельностных потребностей представителя юридического сообщества, работающего в международном правовом пространстве (табл. 1). Заметим, что термины «ограниченная рецепция (продукция)», «расширенная рецепция (продукция)», «полноценная рецепция (продукция)» используются нами в трактовке, предложенной Е.В. Думиной, что позволяет фиксировать динамику процесса развития умений *письменной речи*; термин «условная продукция» применяется для обозначения минимального уровня развития умений *письменной речи*, лишь формально связанных с созданием речевых произведений, поскольку продуктивной подобная деятельность может называться весьма условно, ограничиваясь «заполнением пропусков (главным образом, в связи с воспроизведением информации из других источников)» [3].

Таблица 1

**Уровневая структура содержания обучения английскому языку
как юридическому лингва франка**

Уровень юр. ЛФ	Предметно-функц. компонент содержания обучения юр. ЛФ	Процессуальный компонент содержания обучения юр. ЛФ				Компенсаторный компонент содержания обучения юр. ЛФ
		чтение	письмо	понимание на слух	говорение	
Прагматический	1.1. Исполнительский 1.2. Заявительный 1.3. Договорный	Ограниченная, расширенная рецепция в стандартизированной форме документа	Условная, ограниченная, расширенная продукция в стандартной форме документа	Понимание на уровне выживания в стандартных ситуациях устного проф. общения	Говорение на уровне выживания в стандартных ситуациях устного проф. общения	—
Социопрагматический (опция 1)	2.1.1. Договорный 2.2.1. Исполнительский 2.3.1. Заявительный	Полноценная рецепция в стандартизированной форме документа	Полноценная продукция в стандартизированной форме документа	Понимание на уровне орг. участия в ситуациях устного проф. общения	Говорение на уровне орг. участия в ситуациях устного проф. общения	—

Окончание табл. 1

Уровень юр. ЛФ	Предмет- но-функц. компонент содержа- ния обу- чения юр. ЛФ	Процессуальный компонент содержания обучения юр. ЛФ				Компенса- торный компонент содержания обучения юр. ЛФ
		чтение	письмо	понимание на слух	говорение	
Социо- прагмати- ческий (опция 2)	2.1.2. До- говорный 2.2.2. Ис- полни- тельный 2.3.2. Зая- вительный	Полноцен- ная рецеп- ция в стан- дартизиро- ванной форме до- кумента	Полноцен- ная продук- ция в стан- дартизиро- ванной форме до- кумента	Понимание на уровне продуктив- ного уча- стия в си- туациях устного проф. об- щения	Говорение на уровне продуктив- ного уча- стия в си- туациях устного проф. об- щения	Компенса- ция дискур- сивных «допущений» в кон- текстах применения юр. ЛФ
Межкуль- турный	3.1. Ис- следова- тельский 3.2. Кон- сультаци- онный 3.3. Про- фессио- нально- личност- ный	Полноцен- ная рецеп- ция разно- образных речевых произведе- ний юр. направлен- ности	Полноцен- ная продук- ция при создании нестан- дартного речевого произведе- ния юр. направлен- ности	Понимание на уровне полноцен- ного про- дуктивного участия в ситуациях устного проф. об- щения в межкульт. контекстах	Говорение на уровне полноцен- ного про- дуктивного участия в ситуациях устного проф. об- щения в межкульт. контекстах	Компенса- ция дискур- сивных культурно- правовых «допущений» в межкульт. контекстах проф. дея- тельности и совр. юр. общения

Для описания иерархии умений *устной речи* мы сочли целесообразным дополнительно ввести ряд терминов: «понимание / говорение на уровне выживания в стандартных ситуациях устного профессионального общения» (соотносится с элементарным владением юридическим ЛФ); «понимание / говорение на уровне организационного участия в ситуациях устного профессионального общения» (соотносится с уровнем развития речевых умений, позволяющим решать организационные вопросы в связи с реализацией определенных ФФ); «понимание / говорение на уровне продуктивного участия в ситуациях устного профессионального общения» (продуктивность обусловлена готовностью участников общения восполнять значимые дискурсивные отклонения в юридических практиках коммуникантов); «понимание / говорение на уровне полноценного продуктивного участия в ситуациях устного профессионального общения в межкультурных контекстах» (предполагает готовность компенсировать дефицит лингвокогнитивных средств (собственных и / или коммуникативного партнера), выходя на общие / соотносимые функциональные смыслы) [13, с. 76, 77]. На рисунке 1 приведена модель содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ, представленная для наглядности в виде схемы.

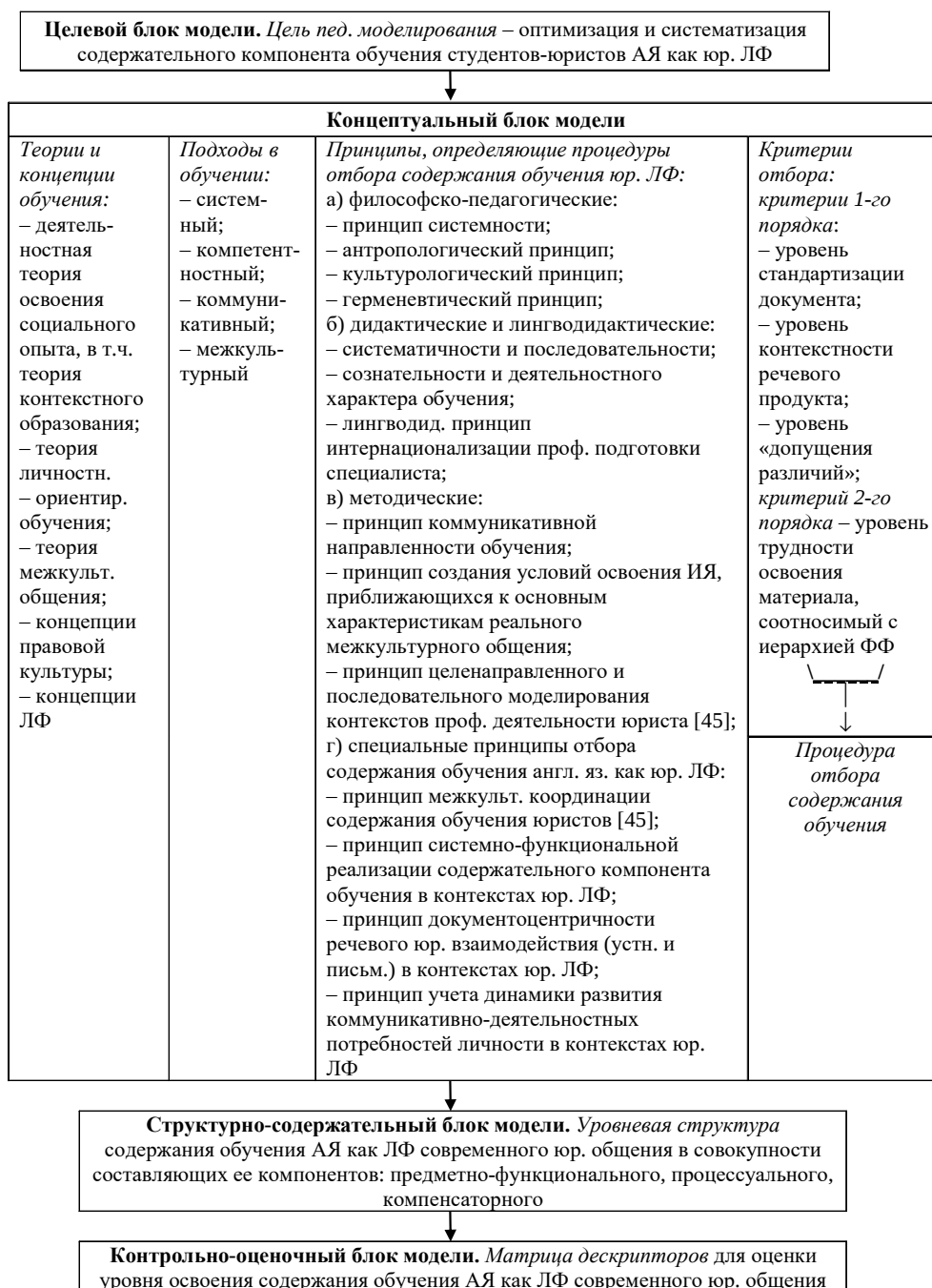

Рис. 1. Модель содержания обучения юридическому лингва франка

В качестве дополнительного комментария к модели заметим, что в рамках ее контрольно-оценочного блока разработана *матрица дескрипторов*, конкретизирующих объекты обучения и контроля (педагогического и самоконтроля обучающегося) в терминах учебной деятельности. Это делает матрицу доступным для применения образовательным инструментом, адресованным как преподавателю, так и обучающимся, стремящимся организовать свою учебную деятельность в автономном режиме. Поскольку матрица представляет собой объемный продукт [13, с. 100–133] и не вписывается в формат статьи, то этот материал в настоящее время готовится к печати как отдельная публикация.

Разработанная модель прошла экспертную оценку в 2020–2022 гг. В экспертизе приняли участие 60 человек: преподаватели АЯ, работающие в профильных образовательных организациях / подразделениях (МГЮА, ВАВТ, МГЛУ) (восемь человек), в том числе: консультирующие обучающихся и коллег по вопросам англоязычной юридической коммуникации в условиях неформального образования; выпускники вышеперечисленных вузов (всего 47 человек в возрасте от 20 до 27 лет); юристы (пять человек, включая специалиста, работающего в контекстах юридического ЛФ). Экспертиза проводилась анонимно (кроме последнего случая). Модель получила положительную оценку, однако на первом этапе (2020–2021 уч. г.) восемь экспертов (не преподаватели АЯ) рекомендовали упростить формулировки некоторых дескрипторов, сделав их понятнее для студентов. Материалы были доработаны с учетом рекомендаций и в следующей группе экспертов (2021–2022 уч. г.) не вызвали нареканий [13].

Заключение

Модель содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ представляет собой инвариант, рекомендуемый к применению в различных условиях (в *формальном, неформальном и информальном* образовании). Подчеркнем, что в любом случае она нуждается в дополнительном осмыслении субъектами образовательного процесса конкретных особенностей обучения и учете рекомендаций, разработанных по результатам исследования (диверсифицированный перечень рекомендаций, обращенных к субъектам педагогического взаимодействия, – в работе [13]).

Перспективность модели видится в ее соотнесенности с контекстами профессиональной деятельности *развивающейся* личности современного юриста-международника, занимающегося самообразованием.

Проведение дальнейших исследований в логике данной работы мы связываем с разработкой процессуального компонента обучения, релевантного содержательной модели обучения АЯ как юридическому ЛФ. Научно-практический интерес представляет и выявление других областей деятельности специалистов, работающих де-факто в контекстах ЛФ (например, информационных технологий, медицины и др.) и разрабатывающих соответствующий лингводидактический инструментарий для оптимизации условий обучения профессиональной иноязычной коммуникации.

Список источников

1. Акмаева Н.Г. К проблеме обучения студентов-юристов межкультурному профессиональному общению в поликультурном контексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2015. № 16 (727). С. 24–30.
2. Алейникова Д.В. Методика обучения юристов межкультурному профессиональному общению в условиях коллизии правовых культур (английский язык, магистратура): дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2019.
3. Думина Е.В. Формирование умений межкультурной письменной коммуникации юриста в условиях ранней профессионализации (немецкий язык, бакалавриат): дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2021.
4. Поляков А.В. Российский правовой дискурс и идея коммуникации. Санкт-Петербург: Университетский изд. консорциум «Юридическая книга», 2006. 60 с.
5. Стрекалова К.В. Технология профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов-бакалавров международно-правового профиля (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2018.
6. Ступникова Л.В. Обучение профессионально ориентированному дискурсу в правовой сфере в условиях межкультурного взаимодействия: дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2010.
7. Яроцкая Л.В., Алейникова Д.В., Бондарчук Г.Г. Лингвистические и лингводидактические основы обучения студентов-юристов иноязычному профессиональному общению в условиях коллизии правовых культур: монография. Москва: Триумф, 2020. 170 с.
8. Бегларян М.Е., Добровольская Н.Ю. Формирование цифровых компетенций юристов в современном правовом образовательном пространстве // Правовая информатика. 2022. № 3. С. 61–71. DOI: 10.21681/1994-1404-2022-3-61-71
9. Anesa P. Towards a conceptualization of legal English as a Lingua Franca // International journal of English linguistics. 2021. Vol. 9, No. 6. P. 14–21. DOI: 10.5539/ijel.v9n6p14
10. Llopis Orts M. Legal English as the Lingua Franca for International Law. Traits and Pitfalls for ESP Practitioners and Legal Translators // VAKKI Publications. 2017. No. 8. P. 17–28.
11. Амосова Т.В. Принцип правовой определенности в зеркале лингвокультуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 2 (773). С. 106–118.
12. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Москва: Международные отношения, 1999. 398 с.
13. Буденная С.Ю. Отбор содержания обучения студентов-юристов английскому языку как лингва франка современного юридического общения: дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2024.
14. Kuennecke M. English as common legal language: its expansion and the effects on civil law and common law lawyers // European review of private law. 2016. Vol. 24, No. 5. P. 733–757. DOI: 10.54648/ERPL2016044
15. Sierocka H., Chovanцова B., Kordic L. Addressing the needs of lawyers in Legal English: A comparative study in four European Union countries // Comparative Legilinguistics. International journal for legal communication. 2019. Vol. 33. P. 57–88. DOI: 10.14746/cl.2018.33.3

16. Бондаренко В.Е. Lingua franca как лингводидактическая проблема. Традиции и инновации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2013. № 14 (674). С. 37–45.
17. Kirkpatrick, A. English as a Lingua Franca in ASEAN. A Multilingual Model Hong Kong: Hong Kong University Press, 2010. 236 p.
18. Verleysen P. Lingua franca: chimera or reality? European Commission Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010. 91 p.
19. Zhang S. English as a global language in Chinese context // Theory and practice in language studies. 2011. Vol. 1, No. 2. P. 167–176. DOI: 10.4304/tpls.1.2.167-176
20. Жерновая О.Р., Латышева А.И., Лобанова Н.С. Английский язык как язык международного общения: кому принадлежит английский язык сегодня? // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). 2015. № 4 (48). С. 438–451. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-4-39
21. Прошина З.Г. Концепции глобализации английского языка // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1-2 (32-33). 2018. С. 12–30.
22. Тимкина Ю.Ю., Безукладников К.Э. Ключевые характеристики профессионально-ориентированной межкультурной языковой личности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2023. № 1. С. 8–18. DOI: 10.15593/2224-9389/2023.1.1
23. Иконникова В.А. Влияние теории права на развитие особенностей англоязычных юридических терминосистем // Преподаватель XXI век. Фундаментальная наука вузам. Филологические науки. 2009. № 4. С. 302–307.
24. Капшутарь Е.С., Филиппова М.М. Особенности перевода современных англоязычных терминов права // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 41–53.
25. Сидоркина М.С. Понятия «Сделка» и «Договор» в праве Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука. 2019. № 7. С. 34–37.
26. Багринцева Н.В., Демченкова О.А. К вопросу о переводе контрактов (договоров) с английского языка на русский // Вопросы филологических наук. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. 2008. № 6. С. 111–115.
27. Рябкова И.П., Кожевникова А.Н. Лингвоструктурные особенности договора в российском, американском и британском праве: сопоставительно-переводческий аспект // Многоязычие в образовательном пространстве. 2018. № 10. С. 140–148.
28. Вьюшкина Е.Г. Потенциал дисциплины «Английский язык» для развития профессиональных компетенций будущих юристов // Язык науки и профессиональная коммуникация. Лингводидактика. 2019. № 1. С. 59–67.
29. Солдатов Б.Г., Солдатова Н.В. К вопросу о профессионализации обучения иностранному языку студентов юридических специальностей // Философия права. Философско-правовые и методические проблемы образования. 2018. № 1 (84). С. 95–99.
30. Агеева М.Г., Лапекина Ю.Ю. Педагогическая технология формирования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции студентов-юристов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6, № 2. С. 272–278. DOI: 10.30853/ped210032
31. Михалева С.Н. Современные образовательные технологии в преподавании иностранного языка для юристов // Russian Studies in Law and Politics. 2022. Т. 6, № 3-4. С. 19–31. URL: <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2022-3-4-19-31>
32. Садыкова Н.В., Ялаева Н.В. К вопросу о формировании поликультурной языковой личности на уроке английского языка в юридическом вузе // Полиязычная образова-

- тельная среда: модели и технологии: матер. III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Изд-во Уральского федер. ун-та, 2018. С. 38–43.
33. Сергеева Н.Н., Таюрская С.Н. Реализация мультикультурного иноязычного образования: Эвристический ресурс подходов в обучении студентов-юристов // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 473. С. 184–192. DOI: 10.17223/15617793/473/23
 34. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово, 2000. 264 с.
 35. Хитарова Е.Г., Карикиди А.Г., Чумак В.В. Перспективы использования английского языка как метопредметного компонента в юридической лексике // Современное педагогическое образование. 2022. № 2. С. 241–247.
 36. Костоварова В.В. Простой английский в юридической коммуникации: история становления и особенности // Сервис plus. 2023. Т. 17, № 2. С. 48–57. DOI: 10.5281/zenodo.8232423
 37. Shiflett M. Plain English movement and its influence on today's legal English // International Journal of Novel Research in Interdisciplinary Studies. 2017. Vol. 4, No. 2. P. 11–14.
 38. Williams C. Legal English and plain language: an introduction // ESP across cultures. 2004. No. 4. P. 111–124.
 39. Уздимаева Н.И. Понятие, особенности и значение юридических документов // Контекстус. 2020. № 4. С. 118–127. DOI: 10.24411/2658-6932-2020-10034
 40. Rudneva Y.V., Fadeev A.V., Chugurova T.V. Legal force on an electronic document // European proceedings of Social and Behavioural sciences. 2020. P. 842–846. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.121
 41. Вербицкий А.А., Хомякова Н.П. Структура содержания обучения иностранному языку специальности: контекстный подход // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 12 (618). С. 61–71.
 42. Тарева Е.Г. Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку // Язык и культура. 2017. № 40. С. 303–320. DOI: 10.17223/19996195/40/22
 43. Фадеева Л.В., Щукин А.Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы): учеб. пособие для преподавателей и студентов языковых вузов. Москва: Икар, 2017. 336 с.
 44. Щукин А.Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы): учеб. пособие. Москва: Икар, 2017. 336 с.
 45. Хомякова Н.П. Контекстная модель формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза (французский язык): дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2011.

References

1. Akmaeva N.G. Revisiting the problem of teaching student-lawyers intercultural professional communication in multicultural context. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 2015; 16 (727): 24–30.
2. Aleynikova D.V. Methods of Teaching Law Students Intercultural Professional Communication in Colliding Legal Cultures (English language, masters' degree). Ph.D. in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2019.
3. Dumina E.V. Developing a lawyer's intercultural written communication skills at an early stage of vocational training (German language, bachelor's degree). Ph.D. in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2021.
4. Polyakov A.V. Russian legal discourse and the idea of communication. St. Petersburg: University ed. Legal Book Consortium; 2006. 60 p.

5. Strekalova K.V. Technology of professionally oriented teaching foreign language to undergraduate students of international law (English language). Ph.D. in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2018.
6. Stupnikova L.V. Teaching professionally oriented discourse in the legal sphere in the context of intercultural interaction. Ph.D. in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2010.
7. Yarotskaya L.V., Aleynikova D.V., Bondarchuk G.G. Linguistic and Language Pedagogy Foundations of Teaching Law Students Foreign Language Professional Communication in Colliding Legal Cultures. Moscow: TRIUMF publ.; 170 p.
8. Beglarian M.E., Dobrovol'skaia N.Yu. Building digital competencies of lawyers in the modern legal education space. *Legal informatics*. 2022; (3): 61–71.
9. Anesa P. Towards a conceptualization of legal English as a Lingua Franca. *International journal of English linguistics*. 2021; 9 (6): 14–21. DOI: 10.5539/ijel.v9n6p14
10. Llopis Orts M. Legal English as the Lingua Franca for International Law. Traits and Pitfalls for ESP Practitioners and Legal Translators. *VAKKI Publications*. 2017; (8): 17–28.
11. Amosova E.M. Legal certainty in the mirror of linguoculture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 2017; 2 (773): 106–118.
12. David R., Zhoffre-Spinozi K. Major legal systems of modern times. Moscow: International Relations; 1999. 398 p.
13. Budennaya S.Yu. Selecting the curriculum content for teaching law majors English as lingua franca of modern legal communication. Ph.D. in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2024.
14. Kuennecke M. English as common legal language: its expansion and the effects on civil law and common law lawyers. *European review of private law*. 2016; 24 (5): 733–757. DOI: 10.54648/ERPL2016044
15. Sierocka H., Chovancova B., Kordic L. Addressing the needs of lawyers in Legal English: A comparative study in four European Union countries. *Comparative Legilinguistics. International journal for legal communication*. 2019; (33): 57–88. DOI: 10.14746/cl.2018.33.3
16. Bondarenko V.E. Lingua franca as a lingvodidactic problem. Traditions and innovations. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2013; 14 (674): 37–45.
17. Kirkpatrick A. English as a Lingua Franca in ASEAN. A Multilingual Model Hong Kong: Hong Kong University Press publ.; 2010. 236 p.
18. Verleysen P. Lingua franca: chimera or reality? European Commission Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2010. 91 p.
19. Zhang S. English as a global language in Chinese context. *Theory and practice in language studies*. 2011; 1 (2): 167–176. DOI: 10.4304/tpls.1.2.167-176
20. Zhernovaya O.R., Latysheva A.I., Lobanova N.S. English as an international lingua franca: who owns English today? *Modern Research of Social Problems*. 2015; 4 (48): 438–451.
21. Proshina Z.G. Conceptions of the English language globalization. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2018; 1-2 (32-33): 12–30.
22. Timkina Yu.Yu., Bezukladnikov K.E. The key features of a professionally oriented intercultural linguistic personality. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2023; (1): 8–18.
23. Ikonnikova V.A. The influence of the theory of law on the development of features of English-language legal systems. *Teacher XXI century. Fundamental science to universities. Philological sciences*. 2009; (4): 302–307.
24. Kapshutar Y.S., Filippova M.M. Translation of Modern English Law Terms. *Nauchnyy dialog*. 2016; 10 (58): 41–53.

25. Sidorkina M.S. The concepts of "Transaction" and "Agreement" in the law of the Russian Federation and the United States of America. *Legal science*. 2019; (7): 34–37.
26. Bagrinceva N.V., Demchenkova O.A. On the issue of translating contracts (contracts) from English into Russian. *Questions of philological sciences. Comparative historical, typological and comparative linguistics*. 2008; (6): 111–115.
27. Ryabkova I.P., Kozhevnikova A.N. Linguistic and structural peculiarities of the contract in the Russian, American and British legal systems: comparative translation aspect. *Multilingualism and Education*. 2018; (10): 140–148.
28. Vyushkina E.G. "English language" course potential for developing professional competences of lawyers-to-be. *Language of science and professional communication. Linguistic didactics*. 2019; (1): 59–67.
29. Soldatov B.G., Soldatova N.V. To the issue of the professionalization of teaching foreign language for law students. *Philosophiya Prava. Philosophical and legal and methodical problems of education*. 2018; 1 (84): 95–99.
30. Ageeva M.G., Lapekina Y.Y. Pedagogical technology to form juridical students' professionally oriented foreign-language communicative competence. *Pedagogy. Theory & Practice*. 2021; 6 (2): 272–278. DOI: 10.30853/ped210032
31. Mihaleva S.N. Modern educational technologies in teaching a foreign language for lawyers. *Russian Studies in Law and Politics*. 2022; 6 (3-4): 19–31. URL: <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2022-3-4-19-31>
32. Sadykova N.V., Yalaeva N.V. On the question of the formation of a multicultural linguistic personality in an English lesson at a law school. *Multilingual educational environment: models and technologies: mother. III All-Russia. scientific-practical. conf. with international participation*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural Federation. University; 2018. P. 38–43.
33. Sergeeva N.N., Tayurskaja S.N. Implementation of multicultural foreign language education: a heuristic resource of approaches in teaching law students. *Tomsk State University Journal*, 2021; (473): 184–192.
34. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. Moscow: Slovo; 2000. 264 p.
35. Khitarova E.G., Karipidi A.G., Chumak V.V. Directions for using English as a meta-subject component in legal vocabulary. *Modern Pedagogical education*. 2022; (2): 241–247.
36. Kostovarov V.V. Plain English in legal communication: the history of formation and features. *Service plus*. 2023; 17 (2): 48–57.
37. Shiflett M. Plain English movement and its influence on today's legal English. *International Journal of Novel Research in Interdisciplinary Studies*. 2017; 4 (2): 11–14.
38. Williams C. Legal English and plain language: an introduction. *ESP across cultures*. 2004; (4): 111–124.
39. Uzdimaeva N.I. Subject of law: basic approaches to understanding. *Kontentus*. 2020; (4): 118–127.
40. Rudneva Y.V., Fadeev A.V., Chugurova T.V. Legal force on an electronic document. *European proceedings of Social and Behavioural sciences*. 2020: 842–846. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.121
41. Verbitsky A.A., Khomyakova N.P. The structure of the content of teaching a foreign language of a specialty: a contextual approach. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 2011; 12 (618): 61–71.
42. Tareva E.G. The system of culture-based approaches to foreign language teaching. *Language and culture*. 2017; (40): 303–320. DOI: 10.17223/19996195/40/22

43. Fadeeva L.V. Methodology of teaching foreign languages: from theory to practice: study. manual. Moscow: Flint; 2021. 220 p.
44. Shchukin A.N. Theory of teaching foreign languages (linguodidactic foundations): tutorial. manual. Moscow: Ikar publ.; 2017. 336 p.
45. Khomyakova N.P. *Context model of forming foreign language communicative competence to non-linguistic students (French language)*. Doctor in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2011.

Информация об авторах:

Яроцкая Людмила Владимировна, д-р пед. наук, ведущий эксперт центра анализа и прогнозирования мирового научно-технологического развития, профессор каф. специальной лингвистической подготовки (№ 62), ФГАОУ ВО «НИЯУ «МИФИ»», г. Москва, lvyar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6539-3085>

Будённая Светлана Юрьевна, канд. пед. наук, доцент каф. английского языка, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва; доцент каф. иностранных языков факультета социально-гуманитарных технологий, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ), г. Москва, mingli.sb@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5293-2890>

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/162-182>

EDN: <https://elibrary.ru/YKVNHOE>

Дата поступления:
10.04.2025

Одобрена после рецензирования:
14.04.2025

Принята к публикации:
15.05.2025

Научная статья

УДК 372.881.111.1

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/183-192>

EDN: <https://elibrary.ru/ABPIJC>

Методическая модель развития социокультурных умений студентов в процессе обучения аудированию на английском языке средствами виртуального музея

Суший Татьяна Сергеевна

Московский городской педагогический университет

Москва. Россия

Аннотация. Представлена методическая модель развития социокультурных умений студентов в процессе обучения аудированию на английском языке средствами виртуального музея. Новизна исследования обусловлена его теоретической направленностью, описанием конкретной методической модели. Методы исследования: анализ, сравнение, описание, обобщение, теоретическое моделирование. Модель содержит в себе следующие компоненты: целевой, теоретический, технологический, оценочно-результативный блоки. Представленная модель основана на сочетании личностно-деятельностного, компетентностного, межкультурного, социокультурного подходов. Сформулированы и описаны принципы обучения, методы, педагогические условия, развиваемые социокультурные умения, критерии их оценивания. Отражены этапы процесса развития социокультурных умений студентов.

Ключевые слова: методика обучения английскому языку, виртуальный музей, социокультурные умения.

Для цитирования: Суший Т.С. Методическая модель развития социокультурных умений студентов в процессе обучения аудированию на английском языке средствами виртуального музея // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 183–192. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/183-192>. EDN: <https://elibrary.ru/ABPIJC>

Original article

Methodological Model of Development of Students' Socio-Cultural Skills in the Process of Teaching Listening in English by Means of a Virtual Museum

Tatiana S. Sushii

Moscow City University

Moscow. Russia

Abstract. The article presents a methodological model for the development of students' sociocultural skills in the process of teaching listening in English by means of a virtual museum. The research is innovative due to its theoretical orientation and description of a specific methodological model. The research methods employed included analysis, comparison, description, generalisation, and theoretical modelling. The model consists of the following components: target, theoretical, technological, evaluation and result blocks. The model is founded on a combination of personal-activity, competence, intercultural, and socio-cultural approaches, and the teaching principles, methods, pedagogical conditions, developed sociocultural skills, and criteria for

their evaluation are formulated and described. The stages of the process of developing students' sociocultural skills are reflected.

Keywords: *methodology of teaching English, virtual museum, socio-cultural skills.*

For citation: *Sushii T.S. Methodological Model of Development of Students' Socio-Cultural Skills in the Process of Teaching Listening in English by Means of a Virtual Museum // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 183–192. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/183-192>. EDN: <https://elibrary.ru/ABPIJC>*

Введение

В условиях современной глобализации, цифровизации и возрастающей роли международного сотрудничества умение эффективно общаться на иностранных языках, в том числе и на английском языке, который выступает в качестве универсального языка межнационального общения, становится важнейшим элементом профессиональной компетенции выпускников вузов. Однако простое владение языком уже недостаточно для полноценного взаимодействия в мультикультурной среде. Необходимо также обладать глубоким пониманием культурных особенностей и ценностей, что делает формирование социокультурных умений одним из приоритетных направлений в подготовке будущих специалистов.

Особого внимания требует процесс обучения иноязычному аудированию, которое представляется актуальным, так как оно считается важным компонентом профессиональной деятельности специалиста, играет ключевую роль в формировании умений межкультурного понимания, обеспечивает доступ к информации и способствует развитию профессиональных навыков. Его роль как вида речевой деятельности особенно важна для студентов языковых вузов, профессиональная деятельность которых неразрывно связана с иностранным языком.

Стоит также добавить, что в эпоху глобального процесса информатизации и цифровизации современные цифровые технологии становятся неотъемлемой частью практически всех сфер жизни общества, в том числе и в сфере образования, позволяя получить доступ к обширным ресурсам [1]. В связи с этим обучающиеся должны быть готовы и способны осваивать новые знания, умения и навыки с помощью подобных технологий.

Одним из эффективных цифровых средств для обучения английскому языку может выступать виртуальный музей, предоставляющий разнообразную культуроведческую информацию, которая позволяет обучающимся не только погрузиться в язык, но и осознать культурные контексты, связанные с ним.

Исследования в области интеграции цифровых технологий в образовательный процесс, включая обучение иностранным языкам, в том числе и с помощью виртуального музея, находятся в фокусе внимания исследователей в последнее десятилетие: вопросы использования информационно-коммуникационных технологий в образовании [2, 3]; описание основных направлений и перспективы информатизации языкового образования, определение дидактических свойств и функции современных информационно-коммуникационных средств [4]; анализ дидактических возможностей цифровых технологий, подготовка рекомендаций по их эффективному использованию для обучения иностранным языкам [5]; исследование виртуальных музеев и их роли в образовательном процессе [6, 7]; применение виртуальных музеев в лингводидактике [8–11] и т.д.

Между тем анализ научно-педагогических исследований выявил недостаточную разработанность теоретических основ методики развития социокультурных умений в процессе обучения англоязычному аудированию средствами виртуального музея, который обладает существенным потенциалом для вовлечения студентов в активную познавательную деятельность, стимулирования их интереса к изучению культуры страны изучаемого языка и обеспечения глубокого понимания культурных особенностей носителей языка и культуры. Необходимость решения данной проблемы определяет актуальность разработки подобной методической модели.

Целью статьи является разработка и описание методической модели развития социокультурных умений студентов в процессе обучения аудированию на английском языке посредством использования виртуальных музеев. Для решения данной задачи необходимо: определить содержательные компоненты разрабатываемой методической модели, отобрать социокультурные умения и описать критерии их сформированности у студентов, выделить этапы процесса развития социокультурных умений.

Новизна исследования обусловлена его теоретической направленностью, описанием конкретной методической модели, направленной на развитие социокультурных умений студентов в процессе обучения аудированию на английском языке средствами виртуального музея.

В ходе исследования применялись следующие методы: анализ научно-методических работ; анализ, сравнение и обобщение концептуальных основ методики преподавания иностранных языков, в том числе английского языка; описание; теоретическое моделирование.

Основная часть

Разрабатываемая методическая модель содержит такие структурные компоненты, как целевой, теоретический, технологический, оценочно-результативный блоки. Все компоненты данной методической модели взаимосвязаны между собой и образуют целостную систему.

Целевой блок содержит стратегическую цель обучения, которая подразумевает развитие социокультурных умений у студентов языкового вуза в процессе обучения аудированию на английском языке средствами виртуального музея.

Теоретический блок включает в себя подходы и принципы организации англоязычного обучения. Предлагаемая модель разрабатывалась в рамках личностно-деятельностного, компетентностного, межкультурного и социокультурного подходов.

Подходы определили систему принципов обучения, создавая базу модели процесса развития социокультурных умений студентов, изучающих английский язык в аспекте аудирования. Основными для нашей модели представляются общедидактические (личностно-ориентированной направленности, дидактической культуросообразности, наглядности, сознательности, доступности и посильности), методические (коммуникативной направленности, учета родного языка и культуры, диалога культур) и частнодидактические принципы обучения (учета социокультурного контекста соизучения языков и обучения языкам, социокуль-

турной вариативности, приоритета проблемно-поисковой деятельности, опоры на поликультурный потенциал интернет-среды), описанные в ряде работ исследователей (В.В. Сафонова, А.А. Миролубов, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, Е.Г. Тарева, А.Н. Щукин) [12–16].

Для реализации принципов обучения используются эвристический и исследовательский методы согласно идеям И.Я. Лернера [17], а также метод проектов.

Эвристический метод представляет собой подход, при котором студенты занимаются поиском решений задач, поставленных перед ними преподавателем. Данный метод воплощается через следующие приемы: выполнение заданий и упражнений на изучение, исследование и оценка социокультурных явлений, групповая дискуссия.

Исследовательский метод направлен на организацию поисковой творческой деятельности обучающихся по решению новых для них проблем. Реализация данного метода в деятельности преподавателя и студентов обеспечивается следующими основными приемами: выполнение творческих заданий, анализ продуктов творчества, оценка продукта устной деятельности, рефлексия.

Отметим также, что для нашей методики актуален и метод проектной деятельности, инновационный подход к достижению образовательных результатов в области изучения иностранных языков, способствующий развитию личности обучающихся и активизации их когнитивных способностей и творческого потенциала. Применение метода проектов способствует повышению эффективности образовательного процесса и усилению его практической направленности. Тематические направления проектных заданий на занятиях по иностранному языку часто носят сравнительный характер и охватывают социокультурные и культурологические аспекты. В процессе выполнения проектов обучающиеся проводят исследования, анализируют и систематизируют аутентичные источники информации. Методическая модель предусматривает поэтапное построение образовательного процесса с включением специализированных заданий и упражнений, ориентированных на развитие социокультурных умений.

В качестве средств обучения, с помощью которых наиболее эффективно достигается цель обучения, используется собственно аутентичное содержание сайта виртуального музея (аудиовизуальные материалы, тексты, изображения и т.п.).

Вышеописанные принципы и методы обучения, направленные на развитие социокультурных умений в процессе восприятия англоязычных аудиотекстов, основаны на педагогических условиях, обеспечивающих оптимальные условия для успешного достижения образовательных целей в языковом вузе. К данным условиям относятся:

- использование определенных критериев оценивания уровня сформированности социокультурных умений;
- интеграция интерактивных технологий обучения;
- применение мультимедийного содержания виртуальных музеев.

Анализ существующих социокультурных умений [12, 18, 19] позволил отобрать такие умения, которые можно развить с помощью интеграции виртуального музея в образовательный процесс обучения иноязычному аудированию:

- воспринимать культурные реалии с помощью интернет-ресурсов в процессе аудирования;
- готовить культуроведческие материалы, связанные с аспектами культур стран родного и изучаемого языков на иностранном и родном языках;
- представлять родную культуру в иноязычной среде в устной коммуникации;
- участвовать в дискуссиях на иностранном языке при обсуждении культуроведческих аспектов жизни народов стран изучаемых языков;
- сравнивать культуру изучаемого языка и родную культуру;
- выступать в качестве культурного посредника между россиянами и представителями соизучаемых культур.

В качестве критериев оценки представленных социокультурных умений приняты показатели, представленные в табл. 1.

Таблица 1

**Критерии оценивания развития социокультурных умений студентов
согласно уровням**

Название умения	Уровень развития социокультурного умения		
	Низкий	Средний	Высокий
1. Воспринимать культурные реалии с помощью интернет-ресурсов в процессе аудирования	Полное отсутствие восприятия или крайне слабое понимание культурных реалий через интернет-ресурсы в процессе аудирования	Частичное восприятие культурных реалий; иногда возникают затруднения с пониманием специфических деталей	Полное восприятие культурных реалий, хорошее понимание и интерпретация информации
2. Готовить культуроведческие материалы, связанные с аспектами культур стран родного и изучаемого языков на иностранном и родном языках	Материалы подготовлены плохо, содержат много ошибок, информация искажена или не соответствует требованиям	Подготовленные материалы среднего качества, информация в основном верная, но не всегда структурирована и логична	Подготовленные материалы высокого качества, информация полная, четкая, структурированная и логичная
3. Представлять родную культуру в иноязычной среде в устной коммуникации	Родная культура представлена недостаточно, нет четкого понимания культурных особенностей, допускаются ошибки и недоразумения	Родная культура представлена достаточно, но без глубокого понимания всех тонкостей. Возможны незначительные ошибки и недоразумения	Родная культура представлена превосходно, глубокое понимание культурных особенностей, отсутствие ошибок и недоразумений

Окончание табл. 1

Название умения	Уровень развития социокультурного умения		
	Низкий	Средний	Высокий
4. Участвовать в дискуссиях на иностранном языке при обсуждении культуроведческих аспектов жизни народов стран изучаемых языков	Пассивное участие, мало высказываний, трудности с аргументацией своей позиции	Активное участие, высказывания имеются, но аргументы не всегда убедительны и недостаточно обоснованы	Активная и/или лидирующая роль в дискуссиях, множество интересных высказываний, хорошо аргументированные ответы
5. Сравнить культуру изучаемого языка и родную культуру	Неспособность провести аналогии или обобщения	Поверхностное сравнение культур, возможно проведение некоторых аналогий и противопоставлений, но выводы не всегда обобщены и убедительны	Качественное сравнение культур, проведение множества аналогий и противопоставлений, убедительные и обобщенные выводы
6. Выступать в качестве культурного посредника между россиянами и представителями соизучаемых культур	Неспособность выступать в роли медиатора, отсутствие навыков урегулирования конфликтов и установления культурных контактов	Частичная способность выступать в роли медиатора, возможны случаи успешного разрешения конфликтов, но не всегда удается установить полное взаимопонимание	Эффективное выступление в роли медиатора, успешное разрешение большинства конфликтов, положительные отзывы участников

Технологический блок также отражает этапы процесса развития социокультурных умений студентов:

1. *Ориентирующий этап.* Данный этап направлен на формирование у студентов понимания значимости музейной среды для восприятия культурного наследия и знакомство с основными функциями виртуального музея. Этап включает в себя определение целей посещения музея, предварительное ознакомление с экспозицией, подготовку к исследовательской деятельности и активное взаимодействие с материалами виртуального музея. К главной задаче этапа относится формирование понимания значимости среды виртуального музея, представляющего историческую, художественную, культурную и научную ценность.

2. *Ознакомительный этап.* В рамках данного этапа происходит непосредственное посещение виртуального музея. Студенты изучают выставки, экспонаты, знакомятся с историей и контекстом представленных объектов, анализируют информацию, полученную с платформы музея, что помогает им углубить понимание и развить интерес к культуре и истории страны изучаемого языка.

3. *Формирующий этап.* Важной частью данного этапа является непосредственная работа студентов с материалами виртуального музея. Они учатся пользо-

ваться навигацией сайта, находить нужные экспонаты, читать описания и комментарии, а также анализировать мультимедийные материалы. На этом этапе происходит интенсивное взаимодействие с виртуальными музейными материалами, что способствует развитию аналитических способностей, навыков самостоятельной работы и критического мышления.

4. *Этап контроля.* На данном этапе образовательного процесса оценивается уровень усвоения студентами материала и степень сформированности у них необходимых умений и компетенций. Этап играет ключевую роль в определении эффективности проведенной работы и выявлении возможных трудностей и пробелов в знаниях, требующих дополнительного внимания. Для объективной оценки используются различные методы, включая традиционные формы тестирования и современные подходы, такие как проектная деятельность.

5. *Этап рефлексии.* На заключительном этапе студенты подводят итоги, касающиеся работы с виртуальным музеем; анализируют свой опыт взаимодействия с виртуальным музеем, формируют собственные выводы о его влиянии на личностное развитие и познавательные процессы; предлагают идеи для усовершенствования процесса обучения иностранному языку и культуре его носителей. Этап играет важную роль в формировании осознанного отношения к обучению и способствует тому, что студенты могут четко обозначить достигнутые результаты, предопределить цели дальнейшей работы, скорректировать свой образовательный путь.

Оценочно-результативный блок содержит в себе описание критериев с указанием уровней развития (низкий, средний, высокий) социокультурных умений посредством виртуального музея студентов языкового вуза.

Заключение

Представленная методическая модель демонстрирует высокий потенциал для развития социокультурных умений студентов в процессе обучения аудированию на английском языке с использованием виртуальных музеев. Комплексный подход, объединяющий личностно-деятельностный, компетентностный, межкультурный и социокультурный подходы, создает устойчивую основу для эффективного образовательного процесса. Применение эвристического, исследовательского методов и метода проектов способствует активной вовлеченности студентов и стимулирует их когнитивное и творческое развитие.

Разработанная модель обладает целостностью, прагматичностью и открытостью, что делает ее гибкой и легкоадаптируемой к различным учебным программам. Интеграция интерактивных технологий и мультимедийного содержания виртуальных музеев усиливает образовательный эффект, способствует лучшему восприятию и пониманию культурных особенностей носителей языка.

Перспективы применения данной модели весьма широки. Она может быть использована на практических занятиях по английскому языку в высших учебных заведениях, что будет способствовать повышению качества подготовки специалистов в области иностранных языков. Внедрение модели также откроет новые горизонты для дальнейших исследований в области использования циф-

ровых технологий в образовательном процессе и будет содействовать совершенствованию методик преподавания иностранных языков.

Список источников

1. Пак Л.Е., Крюкова А.А. О возможностях использования программ с искусственным интеллектом в обучении иностранному языку // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 2 (70). С. 81–95. DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2024-2/081-095
2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.С. Полат [и др.]; под ред. Е.С. Полат. 4-е изд., стер. Москва: Академия, 2009. 268 с.
3. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: учебно-метод. пособие / И.В. Роберт, С.В. Панюкова, А.А. Кузнецов, А.Ю. Кравцова; под ред. И.В. Роберт. Москва: Дрофа, 2008. 312 с.
4. Сысоев П.В. Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании. Изд. 4-е, стер. Москва: Либроком, 2022. 264 с.
5. Титова С.В. Цифровая методика обучения иностранным языкам: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2024. 248 с. (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/531883> (дата обращения: 21.01.2025).
6. Максимова Т.Е. Виртуальные музеи: типология и функциональная специфика. Москва: Экон-Информ, 2014. 160 с.
7. Смирнова Т.Б. Виртуальный музей в современном культурно-информационном пространстве // Музей. 2010. № 8. С. 24–26.
8. Будник А.С. Виртуальные туры по музеям как эффективное средство обучения иностранным языкам // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2020. № 11. С. 2894.
9. Гвазава В.И. Виртуальный музей в вузовском образовании // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 99–102.
10. Николаева Е.В. Виртуальные музеи как информационно-обучающая среда в курсе английского языка для специальных целей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-1 (64). С. 206–208.
11. Таранова Т.Н. Виртуальные музейные технологии и современный образовательный процесс // Перспективы и приоритеты педагогического образования в эпоху трансформаций, выбора и вызовов: сб. науч. тр. VI Виртуального Международного форума по педагогическому образованию (Казань, 27 мая – 09 июня 2020 г.). Ч. IV. Казань: Казанский (Приволжский) федер. ун-т, 2020. С. 129–135.
12. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Москва, 1992. 528 с.
13. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А.А. Миролюбова. Обнинск: Титул, 2010. 464 с.
14. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие. 8-е изд., испр. и доп. Москва: Академия, 2015. 363 с.
15. Тарева Е.Г. Подготовка студентов к социокультурной и социолингвистической вариативности межкультурной коммуникации // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: матер. III Международного научного конгресса / под ред. Е.В. Полховской. Симферополь: Ариал, 2018. С. 58–63.
16. Щукин А.Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы): учеб. пособие. Москва: Икар, 2018. 336 с.
17. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. Москва: Педагогика, 1981. 186 с.

18. Черкасов А.К. Номенклатура социокультурных умений, развиваемых посредством веб-форума // *Язык и культура*. 2012. № 1 (17). С. 134–139.
19. Бердичевский А.Л., Гиниятуллин И.А., Тарева Е.Г. Методика межкультурного иноязычного образования в вузе: учеб. пособие для повышения квалификации преподавателей иностранного языка в вузах и для магистрантов – будущих преподавателей вузов. 2-е изд., стер. Москва: Флинта, 2020. 368 с.

References

1. Pak L.E., Kryukova A.A. Capabilities of artificial intelligence programs in teaching a foreign language. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024; 16 (2): 81–95. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-2/081-095>. EDN: <https://elibrary.ru/PCQIVB>
2. New pedagogical and information technologies in education / Polat E.S. [et al.]; ed. by E.S. Polat. 4th ed., ster. Moscow: Akademiya; 2009. 268 p.
3. Information and communication technologies in education / I.V. Robert, S.V. Panuykova, A.A. Kuznetsov, A.Yu. Kravtsova; ed. by I.V. Robert. Moscow: Drofa; 2008. 312 p.
4. Sysoev P.V. Information and communication technologies in linguistic education. 4th edition, stereotypical. Moscow: Librokom; 2022. 264 p.
5. Titova S.V. Digital methodology for teaching foreign languages: textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House; 2024. 248 p. (Higher Education). *Educational platform Yurayt: [site]*. URL: <https://urait.ru/bcode/531883> (accessed date: 21.01.2025).
6. Maksimova T.E. Virtual museums: typology and functional specificity. Moscow: Ekon-Inform; 2014. 160 p.
7. Smirnova T.B. The virtual museum in the modern cultural and informational space. *Museum*. 2010; (8): 24–26.
8. Budnik A.S. Virtual tours of museums as an effective means of teaching foreign languages. *Letters to Emissia.Offline*. 2020; (11): 2894.
9. Gvazava V.I. The virtual museum in university education. *World of Russian Word*. 2014; (3): 99–102.
10. Nikolaeva E.V. Virtual museums as an informative educational environment in the course of English for specific purposes. Philological Sciences. *Issues of Theory and Practice*. 2016; 10-1 (64): 206–208.
11. Taranova T.N. Virtual museum technologies and the modern educational process. *Prospects and priorities of teacher education in the era of transformations, choices and challenges: Proceedings of the VI Virtual International Forum on Teacher Education (Kazan, May 27 – June 9, 2020). Part IV*. Kazan: Kazan Federal University; 2020. P. 129–135.
12. Safonova V.V. Sociocultural approach to teaching a foreign language as a specialty: dis. ... doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.02. Moscow; 1992. 528 p.
13. Methodology of teaching foreign languages: traditions and modernity / ed. by A.A. Myriobolov. Obninsk: Titel; 2010. 464 p.
14. Gal'skova N.D., Gez N.I. Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology: a manual for students of higher education institutions. 8th ed., rev. and add. Moscow: Academy; 2015. 363 p.
15. Tareva E.G. Preparing students for sociocultural and sociolinguistic variability in intercultural communication. Foreign Philology. Social and national variability of language and literature: materials of the III International Scientific Congress, Simferopol / ed. by E.V. Polkhovskaya. Simferopol: Ariel; 2018. P. 58–63.
16. Shchukin A.N. Theory of teaching foreign languages (linguodidactic foundations). A manual for teachers and students of language universities. Moscow: Ikar; 2018. 336 p.

17. Lerner I.Ya. Didactic bases of teaching methods. Moscow: Pedagogy; 1981. 186 p.
18. Cherkasov A.K. Nomenclature of sociocultural skills developed through web forums. *Language and Culture*. 2012; 1 (17): 134–139.
19. Berdichevskii A.L., Giniatullin I.A., Tareva E.G. Methodology of intercultural foreign language education at a university: A manual for advanced training of foreign language teachers at universities and for master's students – future university teachers. 2nd ed., stereotypical. Moscow: Flinta; 2020. 368 p.

Информация об авторе:

Суший Татьяна Сергеевна, аспирант, Московский городской педагогический университет, г. Москва, sushiits859@mgpu.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/183-192>

EDN: <https://elibrary.ru/ABPIJC>

Дата поступления:
04.03.2025

Одобрена после рецензирования:
24.03.2025

Принята к публикации:
15.05.2025

Научная статья
УДК 37.08+159.9.072
DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/193-202>
EDN: <https://elibrary.ru/ERGDTK>

Опыт применения каузометрии в обучении студентов психолого-педагогической направленности

Доронина Инга Викторовна

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск. Россия

Аннотация. Образовательный процесс является не только учебным, но и личностно-формирующим для студентов бакалавров. На наш взгляд, второму аспекту уделяется недостаточное внимание. Психодиагностика является психологическим средством и условием для усиления личностной составляющей в профессиональном обучении, особенно для педагогов-психологов. Цели исследования – изучить перспективы применения методик каузометрии в обогащении образовательного процесса по развитию психолого-педагогических компетенций; представить опыт применения инструментария индивидуальной и групповой каузометрии в учебном процессе будущих педагогов. При этом использовались следующие методы: определение психологического возраста, оценка пятилетних интервалов, формирование и оценка событий жизни, построение каузоматрицы и каузограммы, биографическое интервью. В исследовании мы делимся опытом получения данных посредством каузометрии. Наша выборка продемонстрировала средний уровень возрастной адекватности; в большинстве проявлены нормативно-возрастные особенности. Каждая методика по отдельности дала смысловые показатели и основу для рефлексии. Студенты получили возможность осознать перспективы по основным сферам жизни, сопоставить свое настоящее с возможностями в будущем и скорректировать свой образ жизни. Раскрыты сущность процесса и результаты биографической диагностики в контексте применения каузометрии в образовательном процессе, причем включение каузометрии в педагогический процесс ранее в публикациях не освещалось.

Ключевые слова: каузометрия, биографические методики, событие, каузоматрица, каузограмма.

Для цитирования: Доронина И.В. Опыт применения каузометрии в обучении студентов психолого-педагогической направленности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 193–202. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/193-202>. EDN: <https://elibrary.ru/ERGDTK>

Original article

Experience in using causometry in the educational process with future teachers

Inga V. Doronina

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk. Russia

Abstract. The educational process is not only educational, but also personally formative for bachelor students. In our opinion, the second aspect is not given enough attention. Psychodiagnostics is a psychological tool and a condition for strengthening the personal component in professional training, especially for educational psychologists. Objective: to study the prospects of using causometry methods in enriching the educational process for the development of psychological and pedagogical competencies. The goal is to offer a description of the meaning and

prospects for using the unique personality-constructive method of causometry in the educational process in psychological disciplines. The integrated use of such causometry techniques will enrich psychological and pedagogical competencies. Methods: determination of psychological age, assessment of five-year intervals, formation and assessment of life events, construction of a causomatrix and causogram, biographical interview. Results: in this article we share our experience in obtaining data through causometry. Our sample demonstrated an average level of age adequacy; the majority showed normative age characteristics. Each technique separately provided semantic indicators and a basis for reflection. Students got the opportunity to understand perspectives in the main areas of life. Compare your present with the possibilities in the future and adjust your lifestyle. Conclusions: the author revealed the essence of the process and the results of biographical diagnostics in the context of the use of causometry in the educational process. Moreover, the inclusion of causometry in the pedagogical process has not been previously covered in publications.

Keywords: causometry, biographical techniques, event, causomatrix, causogram.

For citation: Doronina I.V. Experience in using causometry in the educational process with future teachers // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 193–202. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/193-202>. EDN: <https://elibrary.ru/ERGDTK>

Введение

Компетентностный подход в современном высшем образовании предполагает не только личностно-профессиональное, но и комплексное всестороннее развитие личности студентов. Особенно это важно для социотехнологических направлений образования, например связанных с педагогикой, поскольку педагог не только целенаправленно применяет свои профессиональные компетенции, но и оказывает огромное влияние на обучающихся собственной личностью, обогащая педагогическую коммуникацию воспитательным контекстом и создавая житейскую канву взаимодействия более опытного мудрого субъекта с менее понимающим и знающим обучающимся.

Рассматривая компетентностные модели бакалавров, мы обратили внимание на то, что универсальные компетенции, пронизывающие все направления образования, содержат предопределенность развития самоорганизации, планирования и осознания последствий как в рамках поставленной задачи, так и в конструкции жизненной перспективы. А в педагогических направлениях обучения еще больше подчеркивается психологизация профессионализации. Будущий профессионал в области педагогики должен рефлексировать и проявлять эмпатию по отношению к кругу взаимодействия, понимая специфику жизнеосознания и смыслообразования происходящего с собой и другими людьми.

При реализации учебного процесса часто воспитание личности остается вторичной или малоструктурированной деятельностью. Знаниевый компонент продолжает превалировать на занятиях в вузе, а это при сочетании с абсолютным игнорированием готовности личности к будущей профессиональной деятельности при поступлении в вуз ведет к несостоятельной профессионализации.

Вышесказанное позволило осуществить поиск психодиагностических средств, которые могли бы быть использованы в широком развивающе-воспитательном спектре. Методикой, относящейся к формату самоформирования, где испытуемые последовательно формируют стимульный материал, надевая его личностным содержанием, стала каузометрия (от лат. *causa* – причина и греч. *metreo* – измеряю).

Н.Ю. Галой отмечает большое значение применения каузометрии для рефлексивной профессионализации студентов направления «Педагогическое образование» [1]. Поскольку бакалавриат соотносится с первой ступенью усвоения профессии, то в период обучения компетенции «вплетаются» в жизненную конструкцию каузосмыслов и каузоценностей. Даже в экспресс-варианте (определение психологического возраста (ОПВ), формирование перечня событий жизни (ФПСЖ) и оценка пятилеток (ОПИ) по шкале насыщенности событиями) видится возможность структурирования жизни и осознания ее перспектив.

Каузометрия, реализующая личностно-реконструкционное направление в группе биографических методов, до сих пор является уникальной. Созданная в 1980-е гг. она положила начало развитию количественно-технологического подхода в описании биографо- и каузоданных. Кроме того, как обозначено в заголовке монографии А. Кроника и Р. Ахмерова, каузометрия стала совокупностью методов «самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути» [2, с. 2]. И хотя развитие биографических методов исследования в психологии насчитывает более века, среди них преобладали качественные, чаще всего интервью, связанные с субъективной интерпретацией полученных данных и включением их в общий контекст описываемых феноменов. На биографические интервью тратилось много времени, а результаты требовали отдельного осмысления и интерпретации исследователя, а не носителя биографии. Каузометрия внесла целый спектр объективных, количественных показателей.

Каузометрия дала толчок развитию тестово-конструктивного подхода в биографической методологии, запустив тем самым особые тестологические практики, а также комплексный смысловой-жизненный подход сочетания диагностики и психотерапии.

Зарубежные методологические направления современных интерпретаций биографического метода реализуют: в Белоруссии – К.В. Карпинский [3, 4]; в Болгарии (под руководством А.А. Кроника) – К.Н. Кирилов [5]. В противовес диагностики наполненности жизни событиями, составляющей ядро каузометрии, К.В. Карпинский создал новый метод диагностики личности – «Источники смысла жизни» (ИСЖ) [3, с. 181].

В методике «Источники смысла жизни» роль источников смыслообразования играют ценности, с которыми испытуемый идентифицирует происходящее с ним. Испытуемому дается большой набор ценностей, из которых в зависимости от задачи этапа тестирования он формирует собственные списки. «Формирование индивидуального набора смыслообразующих ценностей, с которыми в дальнейшем будет соотноситься стимульный объект, всегда предшествует выполнению смыслометрического анализа» [3, с. 181]. Диагностика ИСЖ включает в себя: иерархичность смысла жизни и уровень общей осмысленности жизни, вертикальную и горизонтальную интеграцию, реалистичность, локализацию, согласованность-конфликтность, интринсивность-экстринсивность и конгруэнтность смысла жизни.

В рамках теоретико-прикладного научного направления «Смыслообразование и его контексты» в Белоруссии уделяется большое значение субъективной

картине карьеры, которая предопределяет личностную составляющую развития компетенций будущего профессионала [4]. Биографические методы в разнообразии их адаптации позволяют получать научные данные о дифференциации каузоконструктов в зависимости от ряда условий [6]. Например, в сложной социально-политической обстановке в стране [7], в различных регионах [8], в условиях цифровизации [9], в мониторинге soft-компетенций педагогов профессиональной школы [10], в комплексном исследовании профессиональной транспективы [11].

Итак, на основании анализа публикаций последних лет мы выявили, что каузометрия позволяет формировать склад мышления [12], достигать ряд целей в профессиональном становлении молодых людей [10, 12–14], способствует профессиональной преадаптации [15, 16] и вносит вклад в юношеский этап формирования субъективной картины жизненного пути [3, 6, 8] или субъективной картины профессионального пути [4, 13, 14].

Каузометрия также связана с формированием так называемых транспрофессиональных компетенций, которые будут «способствовать развитию психологической, социальной и профессиональной мобильности; социально-профессиональной устойчивости к неопределенности и разнообразию деятельности; способности к построению (проектированию) индивидуальных траекторий карьерного роста и сценариев их реализации» [15, с. 101]. Немаловажным конструктом, связанным с «системой взаимосогласованных представлений о прошлом, настоящем и будущем», является «временная транспектива», которая «являясь интегральным многомерным конструктом, образованным, выступает индикатором зрелости личности» [11, с. 33].

Цели исследования – изучить перспективы применения методик каузометрии в обогащении образовательного процесса по развитию психолого-педагогических компетенций; представить опыт применения инструментария индивидуальной и групповой каузометрии в учебном процессе будущих педагогов.

Предполагается, что данная методика будет способствовать развитию:

- психологической грамотности студентов, а именно осуществлению полного цикла психодиагностического тестирования и осуществлению генетической и факторной интерпретации биографических показателей (первичных данных, эпикриза нарушений и др.);
- транспрофессиональных компетенций [15] профессиональной транспективы [9] и преадаптации [16];
- способностей к построению (проектированию) индивидуальных траекторий карьерного роста, сценариев их реализации и рефлексии происходящего в контексте смыслообразования жизни и карьеры.

Методы исследования:

- определение психологического возраста;
- оценка пятилетних интервалов;
- формирование перечня событий жизни;
- построение каузоматрицы (КМ);
- графическое изображение каузограммы (КГ);
- уточняющее биографическое интервью (БИ).

Выборкой исследования стала группа студентов 1-го и 3-го курса Новосибирского государственного педагогического университета, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», в количестве 102 человек.

Основная часть

Применение вышеописанных методик проводилось в течение одного учебного года в 8 учебных группах на занятиях, связанных с изучением методов общей и возрастной психологии, по дисциплине «Психология личности». Полный цикл каузометрии включал в себя предварительное знакомство с биографическими методами в целом, проведение экспресс-диагностических методик как наглядную демонстрацию показателей этой группы методов, затем частично аудиторную и в большей степени самостоятельную базовую процедуру каузометрии и углубленную беседу (по желанию). Все процедуры имели «ручную» форму проведения без применения технических средств. В группах также проводился этап обработки показателей с определением средних и основных тенденций. Для этого выявлялся представитель группы, желающий обработать анонимные результаты и представить в обобщенном виде доклад с презентацией.

По основным биографическим данным получены следующие данные. В выборке среднее по ОПВ – 21,8 лет, тогда как средний возраст – 23,6. Диапазон по психологическому возрасту – от 14 до 27 лет. Отмечена общая небольшая тенденция занижения психологического возраста, но она находится в рамках допустимого нормативного значения. Близость к нормативному значению характерна для юношеского возраста. Выявлены единичные случаи большого отклонения ПВ от реального возраста. По данным уточняющего интервью можно обозначить наличие травмирующих обстоятельств как фактора увеличения ПВ.

Диагностическим фактом является также указание испытуемыми возраста окончания расчета пятилеток, т.е. ответа на вопрос: «Сколько лет Вы проживете?». Этот вопрос предваряет выполнение методики ОПИ. В нашей выборке чаще всего определяется «конечный» возраст – 70–80 лет со средним – 75,2 года. Этот нормативный результат свидетельствует об относительно адекватном восприятии средней продолжительности жизни.

При расчете насыщенности пятилетних интервалов необходимо было оценить события каждой пятилетки. Сведения средних интервалов по каждой пятилетке позволили получить профиль ОПИ по выборке (рис. 1). В усредненной линии ОПИ, приведенной в статье Н.Ю. Галого, видна та же общая закономерность, что и в нашей выборке. Однако исследователь посчитал, что это является неблагоприятным симптомом, увидев в этом «неспособность испытуемых структурировать картину будущего (отсутствие образов будущего, наполненных в пространстве и времени параметрами), нарушения протяжённости временной перспективы, негативное отношение к своему будущему» [1, с. 296]. Мы усматриваем возрастную специфику в фиксации на первой трети жизненного пути. Нормальность такого распределения подтверждает также полученный адекватный средний психологический возраст.

В дальнейшем для построения каузоматрицы должно происходить ФПСЖ. Участники каузометрии постепенно формируют перечень самых важных собы-

тий прошлой, настоящей и будущей жизни. В итоге получается 15 событий. Даже перечень событий является показательным с нескольких сторон, например локализация перечня в одном из трех временных отрезков. Так, по нашим данным, большинство событий относится к прошлому и настоящему (67%), повторяемость событий в группе также является высокой (61%), что указывает на большую нормативность социализации в детско-юношеский период. Периодизации психического развития многих авторов это подтверждают.

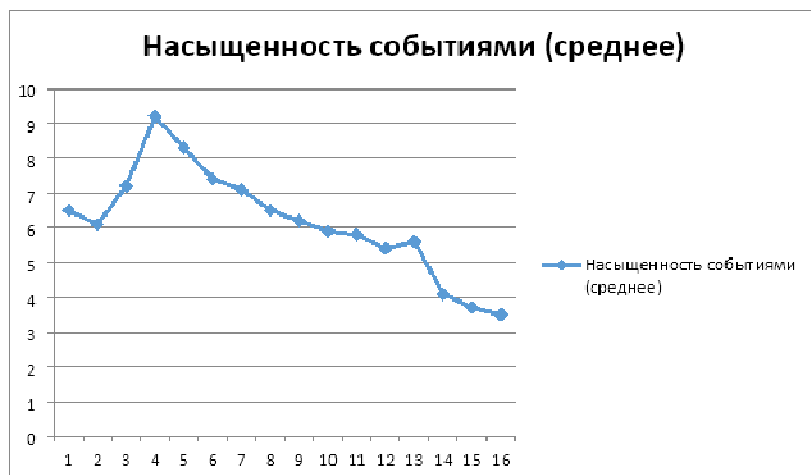

Рис. 1. Усредненная линия ОПИ по насыщенности событиями

Дополнительная оценка в рамках ФПСЖ, а именно приписывание каждому событию эмоциональной окраски от -3 до $+3$, позволила выявить общую положительную тенденцию жизненной эмоциональности (среднее 1,8) в выборке. Редкими стали оценки в отрицательном спектре, что демонстрирует преобладающую оптимистическую направленность в юношеском возрасте.

Распределение списков событий по сферам дало нам рейтинг значимости областей жизни для студентов:

- 1) личная жизнь (родительская семья, собственная семья, дети, друзья) – 43%;
- 2) обучение – 24%;
- 3) карьера, профессия – 22 %;
- 4) другое (путешествия, переезды, события в стране и др.) – 11 %.

Такой рейтинг соответствует ситуации развития в возрасте представителей выборки. Сфера обучения имеет достаточно большой рейтинг, поскольку формируется в ситуации студенчества и в силу нормативности прохождения основных стадий и институтов образования в нашей стране.

Формирование списка событий предваряет следующую методику – построение каузоматрицы. Этот этап может быть промежуточным, а может иметь и самостоятельное значение, в частности для получения такого важного биографометрического показателя, как мотивационный статус события (МСС). Для его получения в матричном формате испытуемый оценивает причинно-след-

ственную и средство-целевую взаимосвязь между событиями. Анализ достаточно сложный для многих студентов. Но с погружением в логику построения межсобытийных отношений все справляются и получают заполненную каузоматрицу. Что касается усредненных показателей, то средний МСС получился 28; диапазон МСС – от 0 до 79. Можно отметить, что это средненасыщенные переменные. С одной стороны, большинство испытуемых демонстрируют еще маловыраженную нацеленность на будущее. Чем больше возраст события, тем ниже МСС. С другой стороны, это делит линию жизни на два символических этапа: становления (зарождения основных событий) и реализации (последствий).

Завершающим этапом каузометрии является построение каузограммы – графическое отображение событий в зависимости от МСС и наиболее существенных причинных и целевых взаимосвязей. В таком отображении ярко видны жизненные кризисы как сосредоточение нескольких событий в одном периоде, прослеживаются жизненные этапы (часто сопоставимые с периодизациями), а также видна общая логика жизни. В нашей выборке символизм прослеживается примерно в 40 % каузограмм. Например, жизнь как «волны», «восхождение», «лодка», «самолет» и др. В 100 % каузограмм в течение жизни встречается более двух кризисов.

Наиболее значимым аспектом прохождения всех описанных диагностических процедур является индивидуальное осознание собственной жизненной перспективы, установок, вариантов жизненных сценариев и, самое главное, значимости настоящего в формировании будущего. Для усиления подобного осознания, а также уточнения данных проводилось уточняющее биографическое интервью, поскольку важность рефлексивной пролонгации, как уже было отмечено, заложена в каузометрию даже ее основателями.

Заключение

Применение методик ОПВ, ОПИ, ФПСЖ, КМ, КГ и БИ имеет педагогическую, транспрофессиональную и реконструкционную значимость. В рамках психологических дисциплин, включенных в педагогические направления подготовки, они способствуют развитию универсальных, общепрофессиональных и личностных компетенций.

Реконструкция жизненного пути в исследуемой выборке показала средний уровень нормативности, высокий уровень оптимизма, преобладание личностной сферы в противовес карьерной, средний МСС и небольшой диапазон МСС. Большинство студентов видят будущее достаточно детально, хотя и в повторяющемся наборе событий. Профессиональные события переплетаются с личностными, в чем видится транспектива.

Событийная рефлексия в индивидуальном и обобщенном групповом варианте выявила заинтересованность будущих педагогов в осознании своей жизненной миссии и педагогической направленности, помогла выявить отдельные случаи осознания «обучения для себя» без дальнейшей профессиональной деятельности по направлению бакалавриата.

Методики каузометрии, как отдельные, так и в совмещенном варианте, применимы для учебного процесса по тематике дисциплин «Общая психология», «Психология личности», «Возрастная психология». Их выполнение и обсуждение имеют методическую, диагностическую и рефлексивную ценность.

Стоит отметить, что авторский вариант каузометрии с 1991 г. переведен на компьютерную версию LifeLine и до сих пор находит свое практическое применение [2, с. 74]. Разработчики предлагают «совершить мысленное путешествие по карте своего жизненного пути, ... познакомиться со своим психологическим портретом, ... провести психобиографический анализ...» [2, с. 301]. Поскольку в нашем случае электронная версия оказалась недоступной, это может стать средством для дальнейшей работы и постановки новых задач; также перспективой исследования может стать расширение выборки в объеме и возрастном диапазоне для получения эмпирической статистики показателей каузометрических исследований.

Список источников

1. Галой Н.Ю. Каузометрия как рефлексивная технология профессионализации студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» // Фундаментальные и прикладные проблемы педагогики и психологии в образовательном и социальном контексте: матер. Междунар. конф. (Москва, 13–15 декабря 2019 г.) / Московский пед. гос. ун-т. Москва: Московский пед. гос. ун-т, 2020. С. 291–297. EDN ODPPSU
2. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. Москва: Смысл, 2022. 303 с.
3. Карпинский К.В. Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности. Гродно: Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы, 2021. 220 с. ISBN 978-985-582-416-0. EDN ZZLQHN
4. Карпинский К.В., Гижук Т.В. Методики диагностики субъективной картины карьеры: модификация и апробация // Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт: сб. науч. тр. Москва: Психологический ин-т Российской академии образования, 2022. С. 102–106. DOI: 10.24412/cl-36922-2022-1-102-105. EDN EQSKYC
5. Кирилов К.Н., Кроник А.А. Взаимосвязи показателей психологического возраста личности и гипотеза упорядоченности субъективной картины жизненного пути // Балканское научное обозрение. 2020. Т. 4, № 4 (10). С. 33–38. DOI: 10.34671/SCH.BSR.2020.0404.0016. EDN SAAIXV
6. Руднев Е.А. Человек как предмет биографического исследования: история и методология // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2018. № 32 (51). С. 127–137. EDN XUTMWT
7. Муханова И.Ф. Биографический метод как способ познания жизненного пути личности на примере студенческой молодежи Донбасса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4 (91). С. 420–428. DOI: 10.24412/1999-6241-2022-491-420-428. EDN WLVAXA
8. Улитенко Т.В. Индивидуальные различия субъективной картины жизненного пути личности у современных студентов // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5 (42). С. 131–134. EDN RKNNJR
9. Лебедева Е.В. Профессиональная транспектива студентов вуза в условиях цифровизации // Прогнозирование профессионального будущего молодежи в условиях цифровой экономики: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Первоуральск, 12 марта 2020 г.) / под науч. ред. Э.Ф. Зеера, В.С. Третьяковой. Первоуральск: Рос. гос. проф. профессионально-пед. ун-т, 2020. С. 31–36. EDN YCRGAI
10. Осипова И.В., Шаров А.А. К вопросу о мониторинге soft-компетенций педагогов профессиональной школы // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: матер. 25-й Междунар. науч.-практ. конф. (Екатерин-

- бург, 07–08 апреля 2020 г.). Т. 1. Екатеринбург: Рос. гос. профессионально-пед. ун-т, 2020. С. 102–105.
11. Заводчиков Д.П. Психологические угрозы профессиональному будущему субъекта профессиональной деятельности // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 2. С. 18–26. DOI: 10.24411/2307-4264-2019-10203. EDN HNUICQ
 12. Галой Н.Ю. Событийность как психологический механизм формирования Self Skills // Дети. Общество. Будущее: сб. науч. ст. по матер. III Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». Т. 1. Москва: КноРус, 2020. С. 35–37. DOI: 10.37752/9785406029381-9. EDN FRRUFM
 13. Заводчиков Д.П., Лебедева Е.В., Шаров А.А. Исследование субъективной картины профессионального пути личности и временной перспективы студентов // Живая психология. 2023. Т. 10, № 7 (47). С. 80–87. DOI 10.58551/24136522_2023_10_7_80. EDN KNXYUO
 14. Исследование социально-профессиональной успешности личности на основе персонификации субъекта деятельности / В.С. Третьякова, А.Е. Кайгородова, А.А. Шаров, Э.Ф. Зеер // Science for Education Today. 2023. Т. 13, № 3. С. 101–124.
 15. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э., Лебедева Е.В. Транспрофессионализм как предиктор преадаптации субъекта деятельности к профессиональному будущему // Сибирский психологический журнал. 2021. № 79. С. 89–107. DOI: 10.17223/17267080/79/6. EDN GPKIQR
 16. Зеер Э.Ф., Лебедева Е.В., Сыманюк Э.Э. Психолого-педагогические технологии преадаптации личности к цифровому профессиональному будущему // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2020. № 1 (57). С. 73–88. DOI: 10.51944/2072-2516_2020_1_73. EDN DRMJSP

References

1. Galoy N.Yu. Causometry as a reflective technology for the professionalization of students studying in the direction of "Pedagogical Education". *Fundamental and applied problems of pedagogy and psychology in the educational and social context: mother. International. conf. (Moscow, December 13-15, 2019)* / Moskovsky ped. state. un-t. Moscow: Moskovsky ped. state university; 2020. P. 291–297. EDN ODPPSU
2. Kronik A.A., Akhmerov R.A. Causometry: Methods of self-knowledge, psychodiagnostics and psychotherapy in the psychology of life path. Moscow: Meaning; 2022. 303 p.
3. Karpinsky K.V. Sources of the meaning of life: a new method of psychodiagnostics of personality. Grodno: Grodno state. un-t named after Yanka Kupala; 2021. 220 p. ISBN 978-985-582-416-0. EDN ZZLQQH
4. Karpinsky K.V., Gizhuk T.V. Methods of diagnosing the subjective picture of a career: modification and approbation. *Meaning formation and its contexts: life, structure, culture, experience: Sat. scientific. tr.* Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education; 2022. P. 102–106. DOI: 10.24412/cl-36922-2022-1-102-105. EDN EQSKYC
5. Kirilov K.N., Kronik A.A. Relationships of indicators of psychological age of personality and the hypothesis of orderliness of the subjective picture of the life path. *Balkan scientific review*. 2020; 4 (4 (10)): 33–38. DOI: 10.34671/SCH.BSR.2020.0404.0016. EDN SAAIXV
6. Rudnev E.A. Man as a subject of biographical research: history and methodology. *Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs. Series: Pedagogical and Psychological Sciences*. 2018; 32 (51): 127–137. EDN XUTMWT
7. Mukhanova I.F. Biographical method as a way of knowing the life path of a person on the example of student youth of Donbass. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*.

- 2022; 27 (4 (91)): 420–428. DOI: 10.24412/1999-6241-2022-491-420-428. EDN WLVAHA
8. Ulitenko T.V. Individual differences in the subjective picture of the life path of a person among modern students. *World of science, culture, education*. 2013; 5 (42): 131–134. EDN RKNNJR
9. Lebedeva E.V. Professional trans-perspective of university students in the context of digitalization. *Forecasting the professional future of youth in the digital economy: mater. All-Russia. scientific-practical. conf. (Pervouralsk, March 12, 2020)* / under scientific. ed. E.F. Zeer, V.S. Tretyakova. Pervouralsk: Ros. state. professional-ped. un-t; 2020. P. 31–36. EDN YCRGAI
10. Osipova I.V., Sharov A.A. On the issue of monitoring the soft competencies of teachers of a professional school. *Innovations in vocational and vocational-pedagogical education: mother. 25th International. scientific-practical. conf. (Yekaterinburg, April 07–08, 2020). Vol. 1*. Yekaterinburg: Ros. state. professional-ped. un-t; 2020. P. 102–105.
11. Breeders D.P. Psychological threats to the professional future of the subject of professional activity. *Vocational education and the labor market*. 2019; (2): 18–26. DOI: 10.24411/2307-4264-2019-10203. EDN HNUICQ
12. Galoy N.Yu. Eventfulness as a psychological mechanism for the formation of Self Skills. *Children. Society. Future: Sat scientific. Art. by mother. III Congress "Human Mental Health of the XXI Century"*. Vol. 1. Moscow: KnoRus; 2020. P. 35–37. DOI: 10.37752/9785406029381-9. EDN FRRUFM
13. Breeders D.P., Lebedeva E.V., Sharov A.A. Study of the subjective picture of the professional path of personality and the time perspective of students. *Living psychology*. 2023; 10 (7 (47)): 80–87. DOI 10.58551/24136522_2023_10_7_80. EDN KNXYUO
14. Research on the socio-professional success of personality based on the personification of the subject of activity / V.S. Tretyakov, A.E. Kaygorodova, A.A. Sharov, E.F. Seer. *Science for Education Today*. 2023; 13 (3): 101–124.
15. Zeer E.F., Symanyuk E.E., Lebedeva E.V. Transprofessionalism as a predictor of the preadaptation of a subject of activity to a professional future. *Siberian Psychological Journal*. 2021; (79): 89–107. DOI: 10.17223/17267080/79/6. EDN GPKIQR
16. Zeer E.F., Lebedeva E.V., Symanyuk E.E. Psychological and pedagogical technologies of personality preadaptation to the digital professional future. *New in psychological and pedagogical research*. 2020; 1 (57): 73–88. DOI: 10.51944/2072-2516_2020_1_73. EDN DRMJSP

Информация об авторе:

Доронина Инга Викторовна, канд. психол. наук, доцент каф. коррекционной педагогики и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, ingadoronina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4080-5343>

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/193-202>

EDN: <https://elibrary.ru/ERGDTK>

Дата поступления:
19.02.2025

Одобрена после рецензирования:
21.02.2025

Принята к публикации:
15.05.2025

Научная статья

УДК 316.4

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/203-211>

EDN: <https://elibrary.ru/WIPFDX>

Искусственный интеллект: вызовы и возможности использования в образовательном процессе

Абросимова Евгения Евгеньевна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Филипова Александра Геннадьевна

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург. Россия

Аннотация. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) уверенно входят в образовательную сферу, меняя привычные подходы к обучению и открывая новые возможности для студентов и преподавателей. Представлены результаты опроса студентов о восприятии ИИ и его применении в образовательном процессе. Опрошены 104 студента из трех российских городов. Результаты опроса продемонстрировали высокую заинтересованность студентов в использовании ИИ, особенно в задачах, связанных с автоматизацией рутинных процессов, поиском информации и разработкой учебных материалов. При этом участники отмечают необходимость понимания ограничений ИИ и критического отношения к его результатам, что становится ключевым элементом цифровой грамотности. Присутствие среди респондентов студентов педагогического вуза позволило выявить не только общее отношение к ИИ, но и специфические ожидания будущих педагогов, а также их видение упрощения работы школьного учителя за счет выполнения типовых задач (проверка домашних работ, создание тестов, оформление презентаций и пр.) посредством ИИ. Одним из важных выводов исследования является признание работы с языковыми моделями как значимого надпрофессионального навыка, необходимого для подготовки к будущей профессиональной деятельности. Понимание возможностей ИИ помогает студентам адаптироваться к цифровой образовательной среде и использовать современные технологии для повышения эффективности обучения и преподавания. Таким образом, использование ИИ в образовательной среде создаёт как новые возможности для персонализации обучения и развития творческих способностей студентов, так и вызовы, связанные с необходимостью выработки этических норм, цифровой компетентности и критического мышления.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация образования, образовательный процесс, нейронные сети, языковые модели.

Для цитирования: Абросимова Е.Е., Филипова А.Г. Искусственный интеллект: вызовы и возможности использования в образовательном процессе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 203–211. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/203-211>. EDN: <https://elibrary.ru/WIPFDX>

Artificial intelligence: challenges and opportunities for use in the educational process

Evgeniya E. Abrosimova

Vladivostok state University

Vladivostok, Russia

Alexandra G. Filipova

Vladivostok state University

Vladivostok, Russia

Herzen University

Saint-Petersburg, Russia

Abstract. Artificial Intelligence (AI) technologies are confidently entering the educational sphere, transforming traditional approaches to learning and opening new opportunities for students and educators. This article presents the results of a survey on students' perceptions of AI and its application in the educational process. A total of 104 students from three Russian cities participated in the survey. The survey results demonstrated a high level of interest among students in using AI, especially for automating routine tasks, searching for information, and developing educational materials. At the same time, the participants emphasized the importance of understanding AI's limitations and maintaining a critical approach to its outcomes, which is becoming a key element of digital literacy. The presence of students from a pedagogical university among the respondents allowed the study to reveal not only general attitudes toward AI but also the specific expectations of future educators. These students expressed their vision of how AI can simplify teachers' work by performing standard tasks such as grading homework, creating tests, and designing presentations. One of the key findings of the study is the recognition of working with language models as a significant cross-professional skill essential for preparing for future careers. Understanding AI capabilities helps students adapt to the digital educational environment and use modern technologies to enhance the effectiveness of learning and teaching. Thus, the integration of AI in education creates new opportunities for personalized learning and the development of students' creative abilities, while also presenting challenges related to the need for ethical guidelines, digital competence, and critical thinking.

Keywords: artificial intelligence, digitalization of education, educational process, neural networks, language models.

For citation: Abrosimova E.E., Filipova A.G. Artificial intelligence: challenges and opportunities for use in the educational process // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 2. P. 203–211. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/203-211>. EDN: <https://elibrary.ru/WIPFDX>

Введение

Современное общество стремительно трансформируется под воздействием новых технологий и инноваций. Одной из наиболее популярных технологий является искусственный интеллект (ИИ). С одной стороны, все активно обсуждают данное явление, но с другой – ИИ для обывателей – явление сложное и неоднозначное. По данным ВЦИОМ, в той или иной степени об ИИ знают 87% россиян. Слышали об этом понятии и могут его объяснить более трети опрошенных (36%), каждый второй имеет поверхностное знание об этой области (51%) [1]. Исследователи фиксируют определенные опасения людей в отношении ИИ, в том числе риски замены человеческого труда ИИ [2, 3].

На законодательном уровне ИИ является значимым и актуальным направлением общественного развития: Указом Президента Российской Федерации

от 10.10.2019 № 490 утверждена Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года [4].

Сферы, которые наиболее интенсивно меняются под воздействием технологий, основанных на ИИ: сфера финансовых услуг, сектор информационно-коммуникационных технологий, топливно-энергетический комплекс и сфера высшего образования. В них доля использующих ИИ организаций достигает уже 66 % [5]. Внедрение и использование искусственного интеллекта в образовательной сфере предоставляют новые возможности для преподавания и обучения в вузах, но также влекут за собой ряд вызовов, связанных с изменением подходов к управлению и внутренней структуре учебных заведений [6].

Общественная трансформация закономерно порождает исследовательский интерес к данному вопросу. Отечественные и зарубежные авторы активно изучают то, каким образом технологии ИИ меняют современный образовательный ландшафт. Основным тематическим вектором исследований является использование технологий ИИ для образовательного процесса, его улучшения и преобразования.

Много работ посвящено изучению искусственного интеллекта в современном образовании, анализу перспектив его применения в высших научных учреждениях и возникших в результате проблем, в том числе и в педагогическом процессе [7–10].

Ряд авторов анализирует интеллектуальные технологии с точки зрения дополнительных функций, используемых в образовательном процессе. В современных исследованиях ученые расширяют дифференциацию образовательных исследовательских областей приложений ИИ до четырех: обучение (деятельность студентов), преподавание, оценка и администрирование. Данные подходы связаны с использованием систем ИИ не как заместителя преподавателей или администраторов, а как помощников в их деятельности, нацеленной на обеспечение качества образования и эффективности профессионального личностного развития студентов [11]. Инструменты ИИ рассматриваются как помощники преподавателя, которые облегчают процесс подготовки к занятию, сокращая время на разработку практических заданий и их проверку [12].

Цифровые инструменты в образовательном процессе всегда активно используются в лингвистическом образовании [13, 14].

Е.С. Павлюк в своей работе анализирует отечественный и зарубежный опыт внедрения технологий ИИ в преподавание и обучение в высшей школе [6]. Основной вывод данной работы заключается в определении минусов и плюсов использования искусственного интеллекта в высшей школе, которые сводятся к необходимости понимания новой роли преподавателя в эпоху развития искусственного интеллекта.

Очевидно, что технологии и инструменты искусственного интеллекта активно интегрируются и в организацию образовательного процесса, непосредственно в педагогические практики, что оказывает значительное влияние на процесс и результат обучения. Большинство авторов транслируют позицию, что искусственный интеллект играет важную роль в образовании, способствуя повы-

шению качества обучения, эффективности преподавания и удовлетворению индивидуальных потребностей учащихся. Однако представляется открытым вопрос о позиции еще одних участников образовательного процесса в вузе – студентов, которые тоже являются активными пользователями инструментов ИИ. По данным исследования VK Education, взаимодействие с ИИ и нейросетями было названо «профессиональным навыком года», по мнению студентов и выпускников в 2024 г. [15]. Данная ситуация актуализировала *цель* данного пилотажного исследования, которая заключается в изучении степени информированности студентов о технологиях ИИ и его использовании в учебной деятельности.

Методы исследования. Исследование носит разведывательный характер. Проведен онлайн-опрос студентов ($n = 104$) из трех российских городов – Владивостока, Новосибирска и Комсомольска-на-Амуре, в том числе 67,9% женского пола, 32,1% – мужского. Количество студентов младших курсов составило 67,9% от всех участников исследования. Значимых отличий в ответах жителей разных городов обнаружено не было, поэтому дальше анализ и описание данных будут осуществляться в целом.

Опрос проводился при помощи анкеты, которая содержала 19 вопросов, направленных на понимание того, каким образом студенты используют технологии ИИ в обучении, как относятся к ИИ, доверяют или не доверяют ему. Анкета содержала 5 открытых вопросов, которые давали респондентам возможность выразить собственное мнение в отношении изучаемой проблемы.

Основная часть

Респонденты продемонстрировали конструктивное восприятие ИИ, соглашаясь с его определением как «инструмента», «технологии» или «программы», при этом отмечая возможность неверных решений. Распределение ответов на вопрос о том, что же такое ИИ, представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов о том, что такое ИИ

Определение ИИ	Кол-во ответивших, %
Инструмент, который помогает искать информацию, предлагает идеи, проверяет тексты на ошибки, облегчая учебный процесс и делая его более эффективным	37,3
Технологии, которые помогают людям в повседневной жизни, например голосовые помощники или рекомендации в Интернете	29,4
Компьютерная программа, которая принимает и анализирует данные, а затем делает выводы на их основе	20,4
Алгоритмы и данные, которые могут быть ошибочными	7,5
Технология, которая постепенно заменяет людей на рабочих местах	5,5

Примечание: сост. авторами.

Дополнительно были даны два ответа: *«ИИ – область науки, которая разрабатывает компьютеры и программы, способные выполнять умные задачи. Например, они могут учиться, распознавать речь, принимать решения и решать проблемы. ИИ бывает узким, когда он хорошо справляется только с одной задачей, и общим, когда может делать много разных вещей»*; *«ИИ – зачаток искусственного разума»*.

Уточняющие вопросы про опасность ИИ и его пользу показали, что в большинстве случаев студенты не воспринимают ИИ как нечто опасное (78,9% против 21,1%) и видят в нем пользу (98,1% против 1,9%). 81,7% респондентов отметили, что они скорее доверяют ИИ, 72,5% человек используют его для учебы.

Многие респонденты упомянули инструменты, позволяющие генерировать текст и изображения, в том числе для презентаций и решения творческих задач. Безусловным лидером по частоте упоминаний стал chat GPT (более 50% ответов). Значительно реже упоминаются Алиса, ЯндексGPT, Midjourney, Gamma AI. Ошибочно к инструментам ИИ респонденты отнесли образовательные платформы (Course Hero, Gradescope, Yippity), хотя, конечно, образовательные платформы могут использовать технологии ИИ.

Отдельные ответы содержат опасения по поводу бездумного использования школьниками и студентами технологий ИИ:

- *«При злоупотреблении снижает уровень критического мышления и творческие способности, что ухудшает способности к обучению»*;
- *«Младшие школьники перестают искать информацию, переходят в нейросети и просят написать доклад»*;
- *«Создание практически любых текстов ухудшает навыки обработки информации»*;
- *«Негативно влияет на обучение, так как слишком просто можно найти информацию, не прикладывая никаких усилий»*.

Ответы на вопрос о влиянии ИИ на учебный процесс показали разброс мнений от негативного отношения к ИИ (*«Практически лишает необходимости самостоятельного поиска и обработки данных»*, *«Многие перестают писать работы самостоятельно, а просто копируют предложенный им текст ИИ»*, *«Приводит к деградации учащихся»*) до перечисления преимуществ использования ИИ, которых количественно оказалось больше:

- *«С его помощью можно узнать то, что в Интернете не написано»*;
- *«Помогает с домашними заданиями и многими другими работами»*;
- *«Ускоряет поиск нужной информации»*;
- *«Ускоряет процесс работы»*;
- *«Помогает сформулировать тему для какой-либо работы»*;
- *«Сильный ИИ может помочь в поиске и анализе информации в источниках и написании студенческих работ»* и др.

Отдельные ответы респондентов на открытый вопрос о влиянии ИИ на учебный процесс вызвали мысли об использовании для их написания ИИ – слишком правильно, логично и грамотно они были сформулированы: *«Алгоритмы ИИ анализируют данные учеников и настраивают содержание учебных*

программ под их уровень, стиль и темп», «ИИ может создать учебную среду, которая будет приспосабливаться к потребностям человека в обучении и делает его обучение более эффективным». В этом случае возникает парадоксальная ситуация, когда в ходе опроса мы получаем не мнение студентов, а мысли, сгенерированные языковыми моделями. Несмотря на то, что авторы, формулируя данный вопрос в анкете, не преследователи такой цели, результат является очень значимым для понимания роли ИИ в обучении, особенно дистанционного формата. С одной стороны, респонденты достаточно объективно описывают негативные позиции по поводу бездумного использования ИИ, с другой – в ситуации, где не требуется точности и правильности ответа, а важна личная позиция отвечающего, студенты используют ресурс ИИ. Данное обстоятельство иллюстрирует то, насколько интенсивно технологии ИИ вплетаются в повседневные практики современной молодежи.

В то же время изучение высказываний студентов позволяет обнаружить определенные мифы и неточности в определении возможностей ИИ, и это свидетельствует о необходимости объяснения студентам, которые активно пользуются технологиями ИИ, особенностей его обучения и последующей работы, его ограничений, в том числе склонности к галлюцинациям, искажениям, неправильным интерпретациям и пр.

Распределение ответов на вопрос о возможности замены учителя искусственным интеллектом выглядит следующим образом:

- При оказании образовательных услуг допустимо использование искусственного интеллекта при условии, что искусственный интеллект только помогает учителю (75,2 %);
- Замена учителя искусственным интеллектом при предоставлении образовательных услуг недопустима, так как это навредит процессу образования (13,8 %);
- Замена учителя искусственным интеллектом при предоставлении образовательных услуг допустима, так как это позволит повысить качество образовательных услуг (11 %).

При этом на вопрос об использовании преподавателями ИИ затруднились ответить 51 % респондентов, ответили отрицательно 9,2 %, положительно – 39,4 %.

После преобразования в дамми-переменные ответов на вопрос, применяют ли студенты и их преподаватели технологии ИИ в обучении, была исследована связь между ними. Обнаружена слабая положительная корреляция (0,3329) между использованием респондентами инструментов ИИ для учёбы и тем, используют ли их преподаватели в образовательном процессе.

Рекомендации студентов по поводу более эффективного использования ИИ в образовательном процессе выглядят следующим образом:

- генерация иллюстративного материала, новизна подачи, создание презентаций;
- генерация тестов, контрольных, проверочных работ;
- поиск информации;
- выстраивание общей логики материала, например лекции;
- анализ данных;

- общение с учеником, проведение занятий;
- проверка домашних заданий;
- составление планов урока, учебных планов.

Специфика предложенных вариантов ответов связана с тем, что в опросе принимали участие наряду с прочими студенты педагогического вуза. Для студентов педагогических специальностей важно понимание возможностей и ограничений инструментов ИИ в обучении, в том числе для последующей работы в школе. Работа с языковыми моделями, вероятно, может быть отнесена к категории важных надпрофессиональных навыков. Освоение языковых моделей позволит студентам не только эффективно решать учебные задачи, но и использовать ИИ для повышения качества преподавания. В дальнейшем это может стать ключевым инструментом в их профессиональной деятельности, особенно при работе с текстами, обучающими программами и контрольно-измерительными материалами.

На вопрос о том, учат ли преподаватели студентов работать с инструментами ИИ, только 46 респондентов ответили положительно.

Частотное распределение ответов на вопрос о полезности ИИ в процессе обучения выглядит следующим образом: «скорее полезно» – 49,5 %, «очень полезно» – 39,3 %, «никак не влияет» – 11,2 %. Хотя, конечно, отсутствие опыта применения преподавателями ИИ в процессе обучения не дает большинству респондентов возможность оценить полезность данного инструмента.

Заключение

Пилотажное исследование показало важность разумного и осмысленного использования инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе. Участники опроса продемонстрировали наряду с интересом к ИИ определенные мифы и заблуждения, а также чрезмерное, не всегда оправданное использование ИИ. Так, отдельные респонденты использовали ИИ для генерации ответов на отдельные вопросы анкеты, хотя могли бы просто не отвечать на них. Данный результат актуализирует проблему проверки студенческих работ, которые подразумевают самостоятельную работу с ответами на вопросы или необходимость формулировать собственные мысли. Очевидно, что эта ситуация требует пересмотра форм контроля и оценки результатов обучения в университетах.

Преподавателей и студентов нужно обучать технологиям ИИ, которые могут существенно упростить образовательный процесс, взяв на себя решение рутинных задач, таких как поиск литературы, генерация исследовательских гипотез и исследовательского инструментария и др. Не все участники образовательного процесса понимают ограничения ИИ, а также то, как с этим работать.

Несомненно, что технологии и инструменты ИИ стали неотъемлемой частью образовательного процесса и игнорирование этого факта или несвоевременная реакция педагогического сообщества может повлечь за собой негативные последствия.

Список источников

1. Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee>
2. Ковалева Н.Н. Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в единой государственной информационной системе здравоохранения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3 (158). С. 95–102.
3. Шевченко Л.М. Использование технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе учреждений СПО: проблемы и перспективы // Образование и проблемы развития общества. 2024. № 4 (29). С. 34–39.
4. Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: <https://ai.gov.ru/national-strategy/>
5. ВЦИОМ: Внедрение искусственного интеллекта в бизнес выросло в два раза. URL: <https://rg.ru/2024/12/12/vciom-vnedrenie-iskusstvennogo-intellekta-v-biznes-vyroslo-v-dva-raza.html>
6. Павлюк Е.С. Анализ зарубежного опыта влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс в высшем учебном заведении // Современное педагогическое образование. 2020. № 1. С. 65–72.
7. Итинсон К.С. К вопросу о влиянии искусственного интеллекта на сферу современного образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10, № 1 (34). С. 299–301.
8. Ендовицкий Д.А. Университетская наука и образование в контексте искусственного интеллекта // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 6. С. 121–131.
9. Вовк Е.В. Искусственный интеллект и цифровая педагогика как тренд современной образовательной среды высших учебных заведений // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-2. С. 84–86.
10. Субботина М.В. Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24, № 1. С. 176–183.
11. Лызь Н.А. Системы искусственного интеллекта в сопровождении обучения и развития студентов // Педагогика информатики. 2023. № 1-2. С. 48–59.
12. Артемова Ю.В. Обучение говорению студентов неязыковых специальностей с помощью технологий искусственного интеллекта // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2024. № 2 (67). С. 207–215.
13. Лапина В.Ю. Искусственный интеллект в преподавании иностранных языков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 10-1 (85).
14. Арзютова С.Н. Использование chatgpt в обучении английскому языку // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2023. № 16. С. 37–45.
15. Работа с ИИ и креативность: VK Education назвала навыки года. URL: <https://vk.company/ru/press/releases/11943/>

References

1. Artificial intelligence: a threat or a bright future? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee>
2. Kovaleva N.N. Problems and prospects of using artificial intelligence in the unified state healthcare information system. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2024; 3 (158): 95–102.

3. Shevchenko L.M. The use of artificial intelligence technologies in the educational process of vocational education institutions: problems and prospects. *Education and problems of social development*. 2024; 4 (29): 34–39.
4. The National AI Development Strategy for the period up to 2030 was approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490. URL: <https://ai.gov.ru/national-strategy/>
5. VTSIOM: The introduction of artificial intelligence into business has doubled. URL: <https://rg.ru/2024/12/12/vciom-vnedrenie-iskusstvennogo-intellekta-v-biznes-vyroslo-v-dva-raza.html>
6. Pavlyuk E.S. Analysis of foreign experience of the influence of artificial intelligence on the educational process in higher education institutions. *Modern pedagogical education*. 2020; (1): 65–72.
7. Itinson K.S. On the Impact of Artificial Intelligence on the Sphere of Modern Education. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2021; 1 (34): 299–301.
8. Endovitsky D.A. University Science and Education in the Context of Artificial Intelligence. *Higher Education in Russia*. 2021; (6): 121–131.
9. Vovk E.V. Artificial intelligence and digital pedagogy as a trend in the modern educational environment of higher educational institutions *Problems of modern pedagogical education*. 2022; (77-2): 84–86.
10. Subbotina M.V. Artificial intelligence and higher education – enemies or allies. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2024; (1): 176–183.
11. Lyz N.A. Artificial intelligence systems in support of student learning and development. *Pedagogy of Computer Science*. 2023; (1-2): 48–59.
12. Artemova Yu.V. Teaching speaking to students of non-linguistic specialties using artificial intelligence technologies. *Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2024; 2 (67): 207–215.
13. Lapina V.Yu. Artificial Intelligence in Teaching Foreign Languages *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023; 10-1 (85).
14. Arzyutova S.N. Using chatgpt in teaching English. *Humanitarian research. Pedagogy and psychology*. 2023; (16): 37–45.
15. Working with AI and creativity: VK Education named skills of the year. URL: <https://vk.com/company/ru/press/releases/11943/>

Информация об авторах:

Абросимова Евгения Евгеньевна, доцент, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, gaijony@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2332-7204>

Филипова Александра Геннадьевна, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, alexgen77@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7475-1961>

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/203-211>

EDN: <https://elibrary.ru/WIPFDX>

Дата поступления:
07.02.2025

Одобрена после рецензирования:
14.03.2025

Принята к публикации:
15.05.2025

Научная статья
УДК 004.8
DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/212-227>
EDN: <https://elibrary.ru/BHUWNQ>

Метрики оценки напряженности движения судов на морской акватории с интенсивным трафиком

Артемьев Андрей Владимирович

Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского
Владивосток. Россия

Гриняк Виктор Михайлович

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Иваненко Юрий Сергеевич

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Шуленина Алёна Викторовна

Институт автоматизации и процессов управления ДВО РАН
Владивосток. Россия

***Аннотация.** Рассмотрена проблема оценки безопасности движения на морских акваториях. Традиционно это делается в рамках интерпретации понятия напряжённости движения судов. Существуют математические модели вероятностного типа для представления этого понятия, однако их прямое использование для практического решения задачи в условиях ограниченных вод затруднено. Альтернативным подходом для оценки безопасности акватории является введение системы показателей – метрик, характеризующих тот или иной аспект напряжённости движения на основе обработки ретроспективных траекторных данных. Описываются возможные источники таких данных и их особенности: состав, дискретность, изменчивый период обновления, необходимость дополнения пропущенных записей. Предложена система из четырёх метрик оценки напряжённости движения судов: интенсивность движения судов, интенсивность движения с учетом скорости судов, интенсивность движения с учетом размеров судов, стабильность параметров движения судов. Приводятся результаты расчетов этих метрик на ряде реальных акваторий: Сангарский пролив, Токийский залив, Пусан и Внутреннее Японское море. Указывается на возможный подход к определению интегрированной метрики. Делается вывод о продуктивности предложенного метода оценки напряжённости движения для практики: возможно определить систему метрик, способных дать информативную картину*

© Артемьев А.В., 2025
© Гриняк В.М., 2025
© Иваненко Ю.С., 2025
© Шуленина А.В., 2025

об особенностях трафика акватории с точки зрения нагрузки на судоводителей и навигационной безопасности.

Ключевые слова: безопасность судовождения, напряжённость плавания, интенсивность движения, судопоток, трафик акватории, Автоматическая идентификационная система.

Для цитирования: Метрики оценки напряженности движения судов на морской акватории с интенсивным трафиком / А.В. Артемьев, В.М. Гриняк, Ю.С. Иваненко, А.В. Шуленина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 212–227. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/212-227>. EDN: <https://elibrary.ru/BHUWNQ>

.....

Technical sciences

.....

Original article

Metrics for vessel traffic intensity assessing in a marine area

Andrey V. Artemyev

Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy

Vladivostok, Russia

Victor M. Grinyak

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Yuryi S. Ivanenko

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

Alena V. Shulenina

Institute of Automation and Control Processes FEBRAS

Vladivostok, Russia

Abstract. The paper is devoted to the problem of assessing the safety of traffic in marine waters. Traditionally, this is done within the framework of interpreting the concept of vessel traffic density. There are probabilistic mathematical models for representing this concept. However, direct use of these models for practical solutions of the problem in conditions of limited waters is difficult. An alternative approach to assessing the safety of a water area is the introduction of a system of indicators – metrics characterizing a particular aspect of traffic density based on the processing of retrospective trajectory data on vessel traffic. The article describes possible sources of such data and their features: composition, discreteness, variable update period, the need to supplement missing records. A system of four metrics for assessing the density of vessel traffic is proposed: vessel traffic intensity, traffic intensity considering vessel speed, traffic intensity taking into account vessel size, and stability of vessel traffic parameters. The results of calculating these metrics for a few real water areas are presented: the Tsugaru Strait, Tokyo Bay, Busan, and the Seto Inland Sea. A possible approach to defining an integrated metric is discussed. A conclusion is made about the productivity of the proposed approach for practice: it is possible to define a system of metrics that can provide an informative picture of the characteristics of water area traffic in terms of the workload of navigators and navigation safety.

Keywords: marine safety, traffic intensity, ship trajectory, ship traffic, traffic area, Automatic identification system.

For citation: Metrics for vessel traffic intensity assessing in a marine area / A.V. Artemyev, V.M. Grinyak, Yu.S. Ivanenko, A.V. Shulenina // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 212–227. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/212-227>. EDN: <https://elibrary.ru/BHUWNQ>

Введение

Классические представления о движении судов на морских акваториях связаны с понятием судопотока. В общем случае судопоток представляет собой сложную систему, элементом которой являются отдельные суда. Задача оценки опасности трафика морской акватории заключается в том, чтобы исходя из заданных критериев описать признаки судопотоков акватории как системы в целом. Эти свойства судопотоков носят интегрирующий характер и не могут быть применены к отдельным судам.

Одним из свойств судопотока, способным характеризовать опасность трафика, является напряжённость движения судов [1]. Она может определяться, например, интенсивностью и плотностью судопотока. Интенсивность судопотока – это количество судов, прошедших через какой-либо участок в единицу времени. Плотность судопотока – это количество судов, приходящихся на единицу длины или площади. Эти величины могут быть определены как непосредственно, так и с поправками на неоднородность размеров судов, составляющих судопоток [1, 2].

Изучение напряжённости движения судов на акватории имеет своей целью оценку как текущего уровня опасности трафика, так и его развития во времени (например, долгосрочной тенденции к росту или уменьшению либо годовых, сезонных, месячных и суточных колебаний). Исторически такие исследования велись путём сбора данных на основе визуального или радиолокационного наблюдения с берега или борта исследовательского судна. Классические работы в этой области были сделаны японскими учёными [3, 4]. В отечественной научной среде известны работы профессора С.Б. Олышамовского [5, 6], а также большой группы учёных под руководством профессора С.Г. Погосова, проводивших исследования движения судов в акваториях, прилегающих к морским портам нашей страны [7–9]. В настоящее время, с развитием сервисов Автоматической идентификационной системы (АИС), появилась возможность изучать напряжённость движения, используя глобальные хранилища навигационных данных. Например, сервис *marinetraffic.com* даёт возможность получить наглядное представление о характере судоходства в том или ином районе путём оценки интенсивности движения судов.

Использование траекторных данных сервисов АИС для оценки напряжённости плавания требует разработки специфических математических моделей, методов и алгоритмов. В настоящей работе рассматриваются особенности данных о движении судов, предоставляемых глобальными хранилищами, описываются математические модели опасности трафика акватории, основанные на метриках интенсивности и стабильности движения, приводятся и анализируются примеры расчетов напряжённости плавания на некоторых акваториях. Работа направлена на решение известной проблемы планирования схем безопасного движения на морских акваториях [1]. Целью исследования является демонстрация возможности использования навигационных данных, предоставляемых глобальными сервисами-агрегаторами, для оценки актуальной напряжённости плавания на той или иной акватории.

Основная часть

Среди существующих моделей напряжённости плавания наиболее обобщённой является модель, описанная А.А. Лентарёвым [1]. Она основана на интегральной оценке вероятности встречи и вероятности опасного сближения судов. Пусть судно B движется со скоростью V_B и курсом K_B . Судно B пересекает район, в котором находится N_A судов A со случайными курсами K_A и скоростями V_A , характеризующихся функциями распределения вероятностей $F(K_A)$, $F(V_A)$ и функциями плотности распределения вероятностей $f(K_A)$, $f(V_A)$. Положение судов A относительно судна B может быть задано пеленгом U и расстоянием D – случайными величинами с функциями распределения вероятностей $F(U)$, $F(D)$ и функциями плотности распределения вероятностей $f(U)$, $f(D)$. Величина U чаще всего распределена равномерно (суда A окружают судно B равномерно со всех сторон), а величина D – экспоненциально или квадратично (при равномерном распределении судов A по акватории их число увеличивается с расстоянием).

При пересечении судном B района условием его встречи с каким-либо судном A является: во-первых, его сближение на кратчайшее расстояние R_{CPA} , меньшее размера круговой зоны навигационной безопасности R ; во-вторых, время до сближения на кратчайшее расстояние T_{CPA} должно быть меньше времени нахождения t_B судна в районе.

Вероятность встречи судна B с каким-либо судном A можно найти, если знать вероятности событий $R_{CPA} < R$ и $T_{CPA} < t_B$. Обозначим эти вероятности P_A и P_B соответственно. Они являются функциями R_{CPA} и T_{CPA} , которые в свою очередь представляют собой случайные величины, зависящие от других случайных величин: K_A , V_A , U и D . Если все эти функциональные зависимости известны, то можно получить функции распределения вероятностей $F_R(R_{CPA})$ и $F_t(T_{CPA})$, используя стандартные методы теории вероятностей. В общем случае принято считать, что величина V_A , как правило, распределена нормально, а величина K_A – равномерно. Вместе с тем для конкретных районов плавания необходимо проводить статистические исследования распределений величин K_A , V_A , U и D .

Функции $R_{CPA} = R_{CPA}(K_A, V_A, U, D)$ и $T_{CPA} = T_{CPA}(K_A, V_A, U, D)$ могут иметь различный вид. Например, известен следующий вариант:

$$R_{CPA} = D \sin(K_0 - U),$$

$$T_{CPA} = D \cos(K_0 - U) / V_0,$$

где

$$K_0 = K_A \pm \arctg(V_B / V_A),$$

$$V_0 = \sqrt{V_B^2 + V_A^2 + 2V_B V_A \cos(K_B - K_A)}.$$

С учетом вышесказанного получение аналитического выражения для функций $F_R(R_{CPA})$ и $F_t(T_{CPA})$ хотя и возможно, но представляет собой довольно сложную задачу. В качестве альтернативы можно получить их численное пред-

ставление (например, в виде гистограммы) методами вычислительного моделирования. Если функции $F_R(R_{CPA})$ и $F_t(T_{CPA})$ известны, то вероятности событий P_A и P_B определяются как $P_A = F_R(R)$ и $P_B = F_t(t_B)$, а вероятность встречи судна B с любым из судов A определяется как

$$P_C = P_A P_B = F_R(R) F_t(t_B).$$

Вероятность встречи P_C является показателем (метрикой) напряжённости плавания в выбранном районе. На её основе можно получить и другие показатели: общую (интегрированную) вероятность встречи в районе, вероятность встречи в единицу времени, вероятность встречи, нормализованную по расстоянию плавания, частоту встреч. Приведённые рассуждения справедливы для больших районов плавания (протяжённостью в несколько десятков миль), что позволяет не учитывать линейные размеры судов [10–12].

Имея в виду сложность оценки для реальных акваторий функций, определяющих вероятность встречи P_C в общем случае, особенно для ограниченных вод, рассмотрим альтернативные метрики напряжённости плавания, ориентированные на использование ретроспективных данных о движении судов.

Глобальные хранилища навигационных данных (типа *marinetraffic.com*) работают на основе информации, предоставляемой сервисами Автоматической идентификационной системы. Данные АИС о судне включают в себя географические координаты, курс, скорость, размеры, пункт отправления и назначения и целый ряд других. Для рассматриваемой задачи оценки напряжённости плавания положим, что на выделенной акватории задано множество записей:

$$\{Lon(t_i), Lat(t_i), Speed(t_i), Course(t_i)\}_j,$$

где j – индекс судна; $Lon(t_i), Lat(t_i), Speed(t_i), Course(t_i)$ – соответственно долгота, широта, скорость и курс судна в дискретные моменты времени t_i .

Период обновления данных в хранилищах, с которым они доступны с помощью публичного API, обычно равен одной минуте. Характерный период между соседними моментами времени, по которым доступны данные для одного судна, составляет от одной до нескольких сотен минут; он зависит от характера движения судна. Так, для активно маневрирующего судна период между соседними записями траекторных данных равен 1–3 мин; для судна, длительное время движущегося с постоянными курсом и скоростью, период может быть значительно больше. «Пропущенные» координаты судна между моментами времени t_i и t_{i+1} могут быть оценены исходя из значений скорости и курса, зависящих от конкретной решаемой задачи эвристики [13].

На основе описанных ретроспективных данных могут быть рассчитаны следующие метрики, характеризующие напряжённость плавания: интенсивность движения судов, интенсивность движения с учетом скорости судов, интенсивность движения с учетом размеров судов, стабильность параметров движения судов. Для этого разобьем акваторию на квадратные (относительно географических координат) участки и дополним исходную выборку данных таким образом,

чтобы характерное расстояние между «соседними» положениями судна было меньше размера участка.

Интенсивность движения судов. Подсчитаем количество судов, прошедших через каждый участок. Для того чтобы сложность подсчёта была линейной относительно числа записей в выборке данных, используем следующий алгоритм. Представим интенсивность движения в виде матрицы A_{mn} , где $m = \overline{1, M}$ и $n = \overline{1, N}$ – номера колонок и «строк» (индексы), характеризующих положение участков, на которые разбивается акватория; начальные значения элементов матрицы равны 0. Пусть заданы географические координаты левого нижнего Lon_{min} , Lat_{min} и правого верхнего Lon_{max} , Lat_{max} угла акватории. Тогда для каждой записи $\{Lon(t_i), Lat(t_i)\}$ будем иметь:

$$m = \left\lceil \frac{Lon(t_i) - Lon_{min}}{Lon_{max} - Lon_{min}} M \right\rceil + 1,$$

$$n = \left\lceil \frac{Lat(t_i) - Lat_{min}}{Lat_{max} - Lat_{min}} N \right\rceil + 1,$$

где $\left\lceil \frac{Lon(t_i) - Lon_{min}}{Lon_{max} - Lon_{min}} M \right\rceil$, $\left\lceil \frac{Lat(t_i) - Lat_{min}}{Lat_{max} - Lat_{min}} N \right\rceil$, где $\lceil * \rceil$ – оператор взятия целой части числа.

В том случае, если судно j ещё не было учтено на соответствующем элементу A_{mn} участке, значение элемента увеличивается на единицу: $A_{mn} = A_{mn} + 1$. Полученная таким образом матрица может использоваться для представления интенсивности движения на акватории либо «как есть», либо приведённой к единице времени.

Интенсивность движения с учетом скорости судов. Имея в виду описанный алгоритм расчёта интенсивности движения, положим, что суда, движущиеся быстро, дают «большой вклад» в напряжённость плавания, чем суда, движущиеся медленно. Для учёта скорости судна элемент матрицы A_{mn} увеличивается по следующему правилу:

$$A_{mn} = A_{mn} + \left\lceil \frac{Speed(t_i)}{Speed_*} \right\rceil + 1,$$

где $Speed_*$ – значение скорости судна, при которой метрика увеличивается на 1. Таким образом, быстро движущиеся суда как бы учитываются не один, а несколько раз.

Интенсивность движения с учетом размеров судов. Снова имея в виду описанный алгоритм расчёта интенсивности движения, положим, что большие суда дают «большой вклад» в напряжённость плавания, чем суда небольшого размера. Длину судна j обозначим как $Length_j$. Для учёта размера судна элемент матрицы A_{mn} увеличивается по следующему правилу:

$$A_{mn} = A_{mn} + \left\lceil \frac{Length_j}{Length_k} \right\rceil + 1,$$

где $Length_k$ – значение длины судна, при которой метрика увеличивается на 1. Таким образом, большие суда как бы учитываются не один, а несколько раз.

Стабильность параметров движения судов. Будем снова иметь в виду описанный алгоритм расчёта интенсивности движения. После вычисления для каждой записи индексов m и n сохраним значения скорости и курса в виде многомерных структур S_{mnk} и C_{mnk} , где S_{mnk} – значения скоростей судов, а C_{mnk} – значения курсов судов на соответствующих индексам m и n участке акватории. Диапазон изменения индекса k (обозначим его K_{mn}) соответствует числу записей исходной выборки, относящихся тому или иному участку; будет разным для разных значений m и n .

Стабильность значений скорости и курса на том или ином участке акватории может оцениваться различными способами. Например, можно вычислить среднеквадратичное отклонение скорости и курса для каждого участка акватории:

$$(\sigma_s^2)_{mn} = \frac{\sum_k \left(S_{mnk} - \left(\sum_k S_{mnk} \right) / K_{mn} \right)^2}{(K_{mn} - 1)},$$

$$(\sigma_c^2)_{mn} = \frac{\sum_k \left(C_{mnk} - \left(\sum_k C_{mnk} \right) / K_{mn} \right)^2}{(K_{mn} - 1)}.$$

Ещё одним способом оценки стабильности значений скорости и курса является кластеризация их значений для каждого участка акватории с дальнейшей оценкой числа и размеров кластеров. Кластеризация делается одним из методов, не требующим задания числа кластеров (например, субтрактивная кластеризация). Такой подход более сложен, так как требует подбора параметров метода кластеризации [14].

Расчёты обсуждаемых здесь метрик напряжённости плавания проводились на основе реальных данных трафика четырёх акваторий: Сангарский пролив, Токийский залив, Пусан и Внутреннее Японское море. Данные о движении были собраны с помощью специально созданной программной системы [15, 16]. В таблице 1 приведена информация о некоторых параметрах обрабатываемых массивов данных.

Таблица 1

Характеристика обрабатываемых траекторных данных

№ п/п	Акватория	Период, сут	Количество записей	Размер ячейки, м
1	Сангарский пролив	1	300 тыс.	1000
2	Токийский залив	1	1,2 млн	500
3	Пусан	1	1 млн	200
4	Харимское море и залив Осака	1	1,8 млн	1000

На рисунках 1–4 показаны результаты расчётов метрик напряжённости плавания для каждой траектории: интенсивность движения судов (см. рис. 1–4а), интенсивность движения с учетом скорости судов (см. рис. 1–4б), интенсивность движения с учетом размеров судов (см. рис. 1–4в), стабильность параметров движения судов (см. рис. 1–4г).

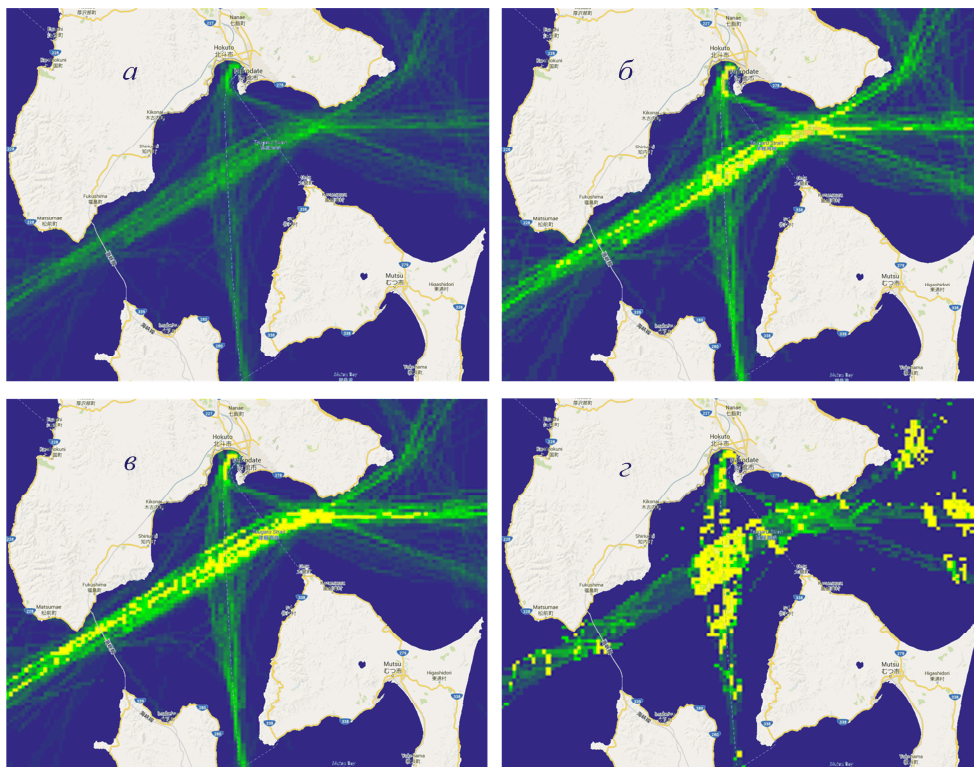

Рис. 1. Метрики напряжённости плавания (Сангарский пролив)

На рисунках 1–4а бледно-зелёным цветом показаны участки со значением метрики от 0–2 до 1/ч, ярко-зелёным – от 1 до 2/ч, желтым – от 2 до 3/ч, красным – свыше 3/ч.

При построении рис. 1–4б параметр $Speed_*$ был взят равным 10 м/с, т.е. вклад скоростных судов в метрику увеличивался на 1 для каждых 10 м/с скорости. Для рисунков 1–4в параметр $Length_*$ равен 100 м, т.е. вклад судов в метрику увеличивался на 1 каждые 100 м длины.

Для рисунков 1–4г оценивалось среднеквадратичное отклонение курсов судов. Цветом выделены участки, где число судов, прошедших за сутки, было не менее 3. Бледно-зелёный цвет соответствует среднеквадратичному отклонению курсов судов менее 20° , ярко зелёный – от 20 до 30° , жёлтый – от 30 до 50° , красный – свыше 50° .

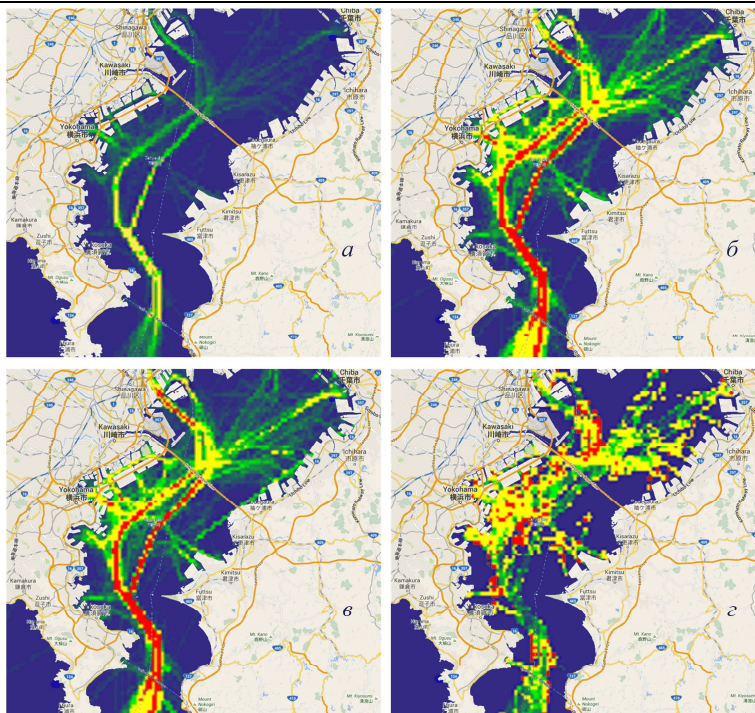

Рис. 2. Метрики напряжённости плавания (Токийский залив)

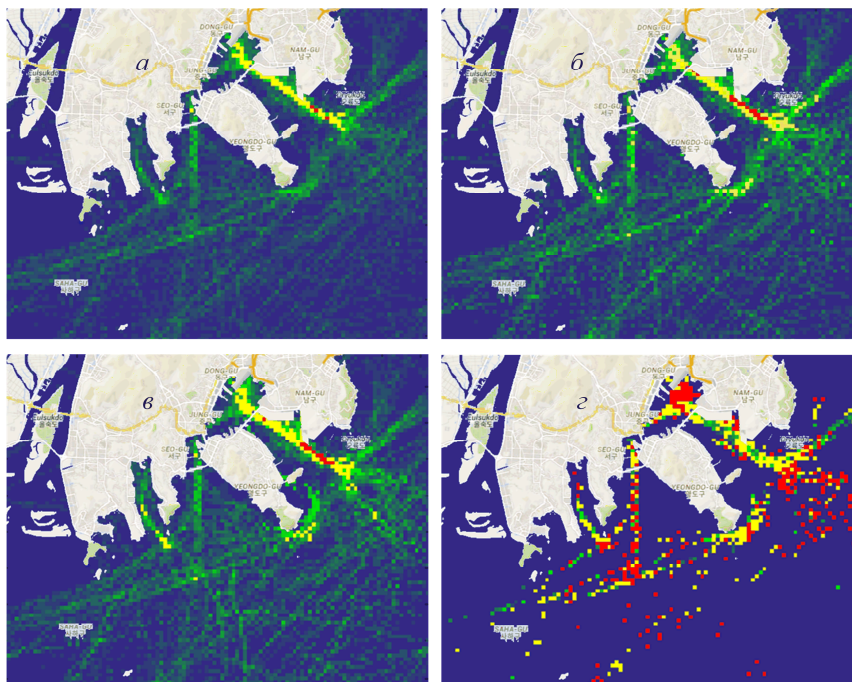

Рис. 3. Метрики напряжённости плавания (Пусан)

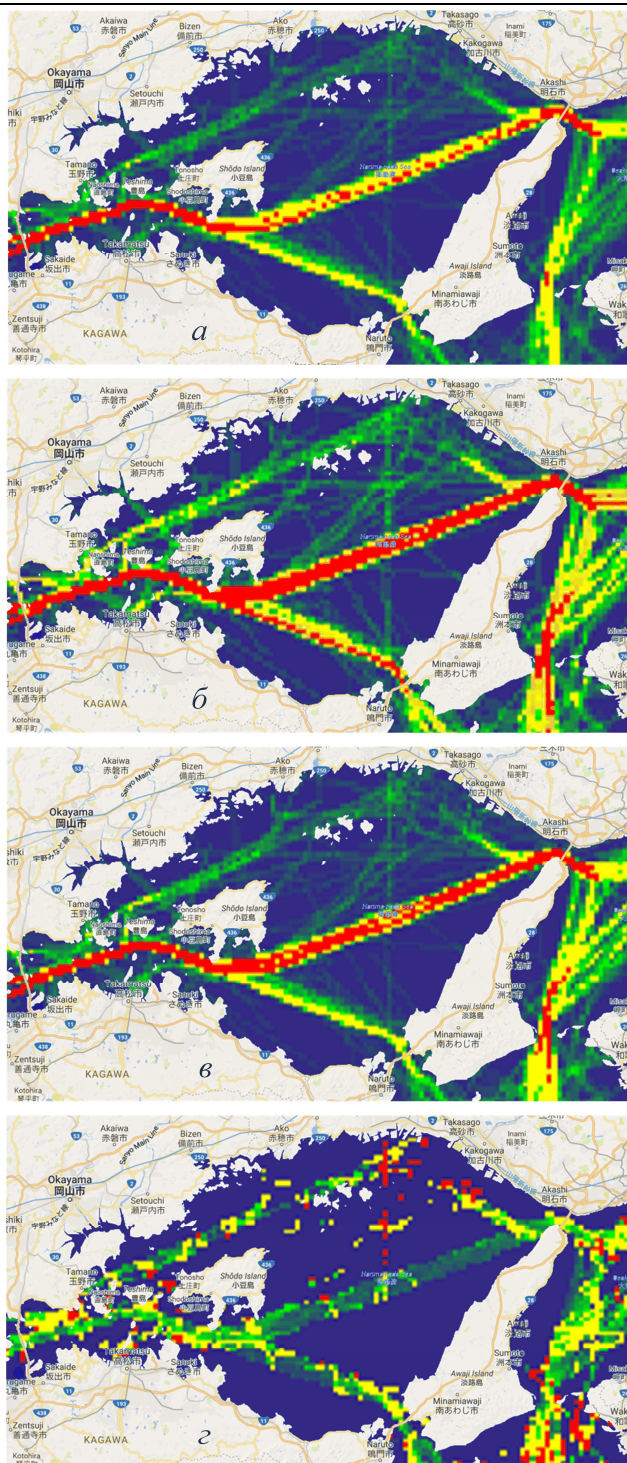

Рис. 4. Метрики напряжённости плавания (Харимское море и залив Осака)

Обработка данных для формирования рис. 1–4 проводилась на типовой ЭВМ общего назначения с использованием стандартных программных платформ. Несмотря на частичное распараллеливание алгоритмов, вычисления заняли достаточно продолжительное время (до 6 ч).

Предложенные метрики достаточно информативно представляют особенности трафика морских акваторий. Так, метрика *интенсивность движения судов* позволяет увидеть характерные маршруты судов через акваторию: в Сангарском проливе это движение между островами Хонсю и Хоккайдо (север-юг) и между Тихим океаном и Японским морем (запад-восток), в Токийском заливе – движение по выделенным фарватерам от устья залива до портов и Иокогаме, Токио и Чибэ, в районе Пусана – движение вдоль побережья к портам и т.д. Метрика *интенсивность движения с учетом скорости судов* показывает участки, где высокая скорость движения, а метрика *интенсивность движения с учетом размеров судов* – участки, где движутся самые большие суда. Хорошо видна корреляция рис. 1–4б, в; это означает, что на рассматриваемых акваториях одновременно самые большие суда и самые скоростные.

Интересны результаты оценки метрики *стабильность параметров движения судов*. Так, в Сангарском проливе курсы судов стабильны (см. рис. 1г), метрика увеличивается лишь в зонах пересечения судопотоков. В Токийском заливе и Пусане движение характеризуется хаотичностью (см. рис. 2г, 3г), велико число судов, пересекающих зоны судопотоков. Это может свидетельствовать о повышенной нагрузке на судоводителей и операторов береговых служб, необходимости изменения схем движения судов на этих акваториях. В Харимском море, напротив, данная метрика характеризуется сравнительно невысокими значениями (см. рис. 4г), что свидетельствует о хорошо подобранной схеме движения.

На рисунке 3 явно видна нерегулярность оценки всех четырёх метрик. Это означает, что данных недостаточно для стабильной оценки, необходимо увеличить объем ретроспективных траекторных данных для этой акватории.

На основе рассмотренных четырёх метрик может быть введена интегрированная метрика напряжённости плавания, например, на основе модельных представлений нечёткой логики. Дальнейшие направления исследований в этой области могут быть связаны с расширением набора метрик напряжённости плавания и их интерпретации для оценки опасности актуальной схемы движения и выработки рекомендаций по её изменению к менее опасным конфигурациям, увеличению пропускной способности акватории [17]. Работа представляет интерес и в контексте перспективного развития автономного судовождения [18, 19].

В последние годы повышенное внимание ученых привлекает весь комплекс исследовательских задач, прямо или косвенно связанных с анализом ретроспективных данных о движении судов. Исторически первой большой работой в этом направлении является статья [20], посвящённая особенностям траекторных данных, предоставляемых сервисами Автоматической идентификационной системы, и идеям прикладных задач, которые можно решать на их основе. В работе приводятся примеры оценки на основе ретроспективных данных областей якор-

ных стоянок, точек входа и выхода из акваторий, оценки конфигурации регулярных судопотоков и их интенсивности, оценки аномалий в движении судов.

В работе [21] рассматривается метод выявления аномального поведения судов с точки зрения характерных для того или иного участка акватории параметров движения; отмечено, что такие нормативные параметры могут использоваться для планирования маршрутов судов. В основу метода положен анализ ретроспективных данных о движении, в котором косвенно учитывается и плотность судопотока.

Статья [22] также посвящена задаче распознавания аномально движущихся судов; метод решения основан на использовании нейронных сетей. В работе представлен большой список ситуаций, считающихся аномалиями, даны рекомендации по составлению обучающих выборок и тестированию работы нейросети. Приводятся примеры расчетов по выявлению аномально движущихся судов в районе порта Тяньцзинь.

Несмотря на востребованность указанного направления исследований, вопросы оценки напряженности плавания в контексте опасности актуальных схем движения судов или планирования безопасных схем движения в опубликованных в последнее время работах не рассматриваются. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Заключение

Оценка напряженности движения судов метриками, связанными с интенсивностью и плотностью судопотока, является традиционным подходом к интерпретации этого явления. Имея в виду вероятностный характер как самого движения судов на акватории, так и оценок их траекторных параметров (скорости и курса) напряженность движения судов может быть описана математическими моделями классической теории вероятностей. Вместе с тем прямая численная оценка напряженности в рамках таких модельных представлений представляет достаточно сложную задачу. Перспективным путём упрощения задачи является обращение к ретроспективным данным о движении судов на акватории и интерпретация традиционных показателей напряженности метриками, связанными с обработкой больших массивов траекторных данных.

Рассмотрена система из четырёх метрик, характеризующих напряженность движения: интенсивность движения судов, интенсивность движения с учетом скорости судов, интенсивность движения с учетом размеров судов, стабильность параметров движения судов. Данные метрики, дополняя друг друга, способны дать информативную картину об особенностях трафика акватории с точки зрения нагрузки на судоводителей и навигационной безопасности.

Определённой проблемой рассмотренных алгоритмов является необходимость разбиения акватории на участки, что делает результаты расчётов зависимыми от размеров участков и «точки начала отсчёта». Устранение этого недостатка требует доработки и дальнейшего развития предложенных алгоритмов, чему авторы предполагают посвятить отдельное будущее исследование.

Благодарности. Работа выполнена в рамках программы академического стратегического лидерства «Приоритет-2030», проект «Разработка алгоритмов автоматического расхождения судов в соответствии с МППСС-72, оценка их эффективности и безопасности».

Список источников

1. Лентарёв А.А. Основы теории управления движением судов: монография. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2018. 181 с.
2. Ивченко Г.И., Каштанов В.А., Коваленко И.Н. Теория массового обслуживания: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Прикладная математика». Москва: Высшая школа, 1982. 256 с.
3. Studies in Marine Traffic Engineering / A. Yamaguchi, S. Sakaki, Y. Fujii [et al.] // Journal of Navigation. 1971. No. 4. P. 521–552.
4. Sugisaki A., Otsu K. A Consideration on the Meeting on the Marine Traffic Flow // J. Nav. Soc. Jap. 1971. No. 45. P. 107–113.
5. Олышамовский С.Б., Земляновский Д.К., Щепетов И.А. Организация безопасности плавания судов: учебник для ин-в водн. трансп. Москва: Транспорт, 1979. 213 с.
6. Олышамовский С.Б. Повышение безопасности мореплавания. 2-е изд., перераб. и доп. Новороссийск: НГМА, 2000. Ч. 3. 142 с.
7. Погосов С.Г. Безопасность плавания в портовых водах. Москва: Транспорт, 1977. 138 с.
8. Погосов С.Г., Москвин Г.И. Береговые системы управления движением судов ЦБНТИ ММФ. Москва: Морской транспорт: Обзорная информация. Серия: Судовождение и связь, 1976. 54 с.
9. Погосов С.Г., Борисов Е.В., Королева В.П. Обеспечение безопасности движения судов в портовых водах. Москва: Морской транспорт: Обзорная информация. Серия: Судовождение и связь ЦБНТИ ММФ, 1974. 41 с.
10. Гриняк В.М., Девятисильный А.С. Нечеткая система предупреждения об опасном сближении морских судов // Известия Российской академии наук. Теория и системы управления. 2016. № 2. С. 93. DOI: 10.7868/S0002338816010078
11. Гриняк В.М., Девятисильный А.С., Трофимов М.В. Визуальное представление параметров траектории безопасного движения судна // Морские интеллектуальные технологии. 2016. № 3-1 (33). С. 269–273.
12. Гриняк В.М., Трофимов М.В., Люлько В.И. Оценка и представление параметров безопасного движения судна // Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова. 2016. № 4 (38). С. 51–61. DOI: 10.21821/2309-5180-2016-8-4-51-61
13. Гриняк В.М., Девятисильный А.С. Планирование маршрутов судов через акватории с интенсивным движением на основе ретроспективных данных // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2022. Т. 10, № 3 (38). С. 25–26. DOI: 10.26102/2310-6018/2022.38.3.014
14. Гриняк В.М., Девятисильный А.С., Иваненко Ю.С. Поддержка принятия решений при обеспечении безопасности движения судов на основе кластеризации траекторий // Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова. 2020. Т. 12, № 3. С. 436–449. DOI: 10.21821/2309-5180-2020-12-3-436-449

15. Головченко Б.С., Гриняк В.М. Информационная система сбора данных трафика морской акватории // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2014. № 8. С. 24–28.
16. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018618729 Российская Федерация. Программа сбора траекторных данных о движении судов из открытых интернет-источников: заявл. 22.05.2018; опубл. 19.07.2018 / Гриняк В.М., Шурыгин А.В.
17. Имитационное моделирование трафика морской акватории для планирования безопасной схемы движения судов / В.М. Гриняк, А.В. Шуленкина, И.В. Бабиев, А.В. Артемьев // Навигация и гидрография. 2024. № 4 (77). С. 15–26.
18. Кириллова М.А., Рожко А.И. Перспективы развития безэкипажных судов в Российской Федерации // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Морская техника и технология. 2020. № 3. С. 16–22. DOI: 10.24143/2073-1574-2020-3-16-22
19. Основные тренды внедрения технологий искусственного интеллекта в управлении морскими автономными надводными судами / А.И. Епихин, А.В. Игнатенко, Д.Е. Студеникин, Е.В. Хекерт // Эксплуатация морского транспорта. 2021. № 1. С. 88–96. DOI: 10.34046/aumsuomt98/14
20. Pallotta G., Vespe M., Bryan K. Vessel pattern knowledge discovery from AIS data: a framework for anomaly detection and route prediction // Entropy. 2013. Vol. 15. P. 2218–2245. DOI: 10.3390/e15062218
21. Detection of abnormal vessel behaviour based on probabilistic directed graph model / H. Tang, L. Wei, Y. Yin [et al.] // Journal of Navigation. 2020. Vol. 73, Is. 5. P. 1014–1035.
22. Ship Anomalous Behavior Detection Using Clustering and Deep Recurrent Neural Network / B. Zhang, K. Hirayama, H. Ren [et al.] // Journal of Marine Science and Engineering. 2023. Vol. 11, Is. 4. P. 763.

References

1. Lentarev A.A. Fundamentals of the theory of ship traffic control: monograph. Vladivostok: Mor. state. un-t; 2018. 181 p.
2. Ivchenko G.I., Kashtanov V.A., Kovalenko I.N. Theory of mass service: students. allowance for university students studying in the specialty "Applied Mathematics". Moscow: Higher School; 1982. 256 p.
3. Studies in Marine Traffic Engineering / A. Yamaguchi, S. Sakaki, Y. Fujii [et al.]. *Journal of Navigation*. 1971; (4): 521–552.
4. Sugisaki A., Otsu K. A Consideration on the Meeting on the Marine Traffic Flow. *J. Nav. Soc. Jap.* 1971; (45): 107–113.
5. Olshamovsky S.B., Zemlyanovsky D.K., Shchepetov I.A. Organization of ship navigation safety: textbook for in-water transpos. Moscow: Transport; 1979. 213 p.
6. Olshamovsky S.B. Improving the safety of navigation. 2nd ed., Revised and add. Novorossiysk: NGMA; 2000. Part 3. 142 p.
7. Pogosov S.G. Safety of navigation in port waters. Moscow: Transport; 1977. 138 p.
8. Pogosov S.G., Moskvina G.I. Coastal ship traffic control systems TsBNTI MMF. Moscow: Sea transport: Overview information. Series: Navigation and Communications; 1976. 54 p.
9. Pogosov S.G., Borisov E.V., Koroleva V.P. Ensuring the safety of ship traffic in port waters. Moscow: Sea transport: Overview information. Series: Navigation and Communications CBNTI MMF; 1974. 41 p.

10. Grinyak V.M., Devyatisilny A.S. Unclear warning system for dangerous approach of sea vessels. *Izvestia of the Russian Academy of Sciences. Theory and control systems*. 2016; (2): 93. DOI: 10.7868/S0002338816010078
11. Grinyak V.M., Devyatisilny A.S., Trofimov M.V. Visual representation of the parameters of the trajectory of the safe movement of the vessel. *Marine intelligent technologies*. 2016; 3-1 (33): 269–273.
12. Grinyak V.M., Trofimov M.V., Lyulko V.I. Assessment and presentation of the parameters of the safe movement of the vessel. *Bulletin of the State University of the Sea and River Fleet named after Admiral S.O. Makarov*. 2016; 4 (38): 51–61. DOI: 10.21821/2309-5180-2016-8-4-51-61
13. Grinyak V.M., Devyatisilny A.S. Planning of ship routes through high-traffic waters based on retrospective data. *Modeling, optimization and information technology*. 2022; 10 (3 (38)): 25–26. DOI: 10.26102/2310-6018/2022.38.3.014
14. Grinyak V.M., Devyatisilny A.S., Ivanenko Yu.S. Decision-making support in ensuring the safety of ship traffic based on trajectory clustering. *Bulletin of the State University of the Sea and River Fleet named after Admiral S.O. Makarov*. 2020; 12 (3): 436–449. DOI: 10.21821/2309-5180-2020-12-3-436-449
15. Golovchenko B.S., Grinyak V.M. Information system for collecting marine traffic data. *Scientific and technical information. Series 2: Information Processes and Systems*. 2014; (8): 24–28.
16. Certificate of state registration of the computer program No. 2018618729 Russian Federation. Program for collecting trajectory data on the movement of ships from open Internet sources: declared. 22.05.2018: publ. 19.07.2018 / Grinyak V.M., Shurygin A.V.
17. Simulation modeling of sea water traffic for planning a safe scheme of vessel traffic / V.M. Grinyak, A.V. Shulenina, I.V. Babiev, A.V. Artemyev. *Navigation and hydrography*. 2024; 4 (77): 15–26.
18. Kirillova M.A., Rozhko A.I. Prospects for the development of unmanned vessels in the Russian Federation. *Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Marine Engineering and Technology*. 2020; (3): 16–22. DOI: 10.24143/2073-1574-2020-3-16-22
19. The main trends in the introduction of artificial intelligence technologies in the management of marine autonomous surface vessels / A.I. Epikhin, A.V. Ignatenko, D.E. Studenikin, E.V. Heckert. *Operation of sea transport*. 2021; (1): 88–96. DOI: 10.34046/aumsuomt98/14
20. Pallotta G., Vespe M., Bryan K. Vessel pattern knowledge discovery from AIS data: a framework for anomaly detection and route prediction. *Entropy*. 2013; (15): 2218–2245. DOI: 10.3390/e15062218
21. Detection of abnormal vessel behaviour based on probabilistic directed graph model / H. Tang, L. Wei, Y. Yin [et al.]. *Journal of Navigation*. 2020; 73 (5): 1014–1035.
22. Ship Anomalous Behavior Detection Using Clustering and Deep Recurrent Neural Network / B. Zhang, K. Hirayama, H. Ren [et al.]. *Journal of Marine Science and Engineering*. 2023; 11 (4): 763.

Информация об авторах:

Артемьев Андрей Владимирович, канд. техн. наук, доцент, доцент каф. судовождения, Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток, artemyev@msun.ru

Гриняк Виктор Михайлович, д-р техн. наук, доцент, профессор каф. информационных технологий и систем, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, victor.grinyak@gmail.com

Иваненко Юрий Сергеевич, старший преподаватель департамента Программной инженерии и искусственного интеллекта, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, ivanenko_yus@dvfu.ru

Шуленина Алёна Викторовна, младший научный сотрудник сектора управления и навигации, Институт автоматики и процессов управления ДВО РАН, г. Владивосток, shuleninaav@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/212-227>

EDN: <https://elibrary.ru/BHUWNQ>

Дата поступления:
26.03.2025

Одобрена после рецензирования:
15.04.2025

Принята к публикации:
15.05.2025

.....

Правила оформления статей

.....

По рекомендации президиума ВАК распоряжением Минобрнауки России от 19.12.2023 № 453-р журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» включен в Перечень по 5 научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.6. Менеджмент (экономические науки), 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки), 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Специфика научного журнала ВВГУ как университетского вестника также предоставляет авторам возможность публиковаться по широкому спектру научных исследований: 1.3. Физические науки, 2.6. Химические технологии, науки о материалах, металлургия, 5.3. Психология, 5.9. Филология, 5.10. Искусствоведение и культурология.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы несут ответственность за оригинальность публикации, подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также использование данных, не предназначенных для открытой печати.

При цитировании и копировании публикаций ссылка на журнал обязательна.

Статьи в научном журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» публикуются бесплатно.

Направление авторских рукописей в адрес редакции рассматривается как передача авторами прав на их публикацию редакцией научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета». Публикуя статью в журнале с последующим ее размещением на сайте журнала, автор соглашается с условиями ее распространения в информационной среде на условиях открытой лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (подробнее – <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>). Таким образом, автор размещает свою статью для открытого использования с обязательным указанием авторства и полным сохранением всех авторских прав на публикацию.

В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Электронный вариант статьи направляется по адресу электронной почты vestnik@vvsu.ru. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, [ivanov.doc/Ivanov.docx](#)).

Требования к структуре научной статьи

Обязательные элементы:

- тематическая рубрика статьи;
- шифр научной специальности;

- шифр УДК;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
- полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- подразделение организации (по желанию) (на русском и английском языках);
- должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (на русском и английском языках);
- адрес электронной почты (e-mail), желательно ведомственной, и контактный номер телефона для каждого автора;
- аннотация статьи на русском и английском языках (200–250 слов);
- ключевые слова (на русском и английском языках) (не более 12);
- список источников оформляется в виде нумерованного списка приставных источников в конце статьи, располагается по порядку ссылок на них в тексте статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка. Список необходимо оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.7–2021. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Статья

Структура статьи должна соответствовать стилю изложения текста в научно-исследовательской работе. В ее содержании обязательно должны присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения следующие разделы:

- *Аннотация* (200–250 слов) является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Аннотация к статье должна быть: информативной (не содержать общих слов); содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье).
- *Введение* (включает актуальность темы исследования, постановку проблемы исследования, формулирование научной гипотезы, формулирование цели и задач исследования).
- *Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция.*
- *Методы исследования, методологические принципы и инструменты, методика и инструментарий исследования.*
- *Основная часть, апелляция к оппонентам и позициям, описание содержания исследования, его значимости* (экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий, доктрин, анализ действующего нормативно-правового материала и т.д.).
- *Выводы и научная новизна.* Статья обязательно должна содержать в себе ответы на вопросы, поставленные в вводной частью, демонстрировать конкретные выводы, предложения, практические положения по совершенствованию, корректировке и проч., а также отражать научную и практическую новизну полученных выводов для их дальнейшего использования и т.п.
- *Список источников* включает только использованные в статье авторские исследования, статистику, эмпирические и аналитические данные, архивные и нормативно-правовые источники.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, а также материалы, опубликованные ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию, в противном случае статья подлежит ретракции.

Оформление текста

- Текст статьи (от 12 до 20 тысяч печатных знаков) должен быть сохранен в формате DOC/DOCX или RTF (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 1,25 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 2 см, левое – 2 см, ориентация – книжная).
- Страницы должны быть пронумерованы и не содержать разрывов, колонтитулов.
- Рисунки в формате JPEG и диаграммы представляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь подрисуночную подпись с объяснением элементов рисунка. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.
- Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы в примечании указывают источник данных, приведенных в таблице.
- Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках.
- В связи с тем, что электронные версии публикаций обрабатываются в специальных программах для размещения в различных электронных библиотечных системах, математические символы, формулы с надстрочными и подстрочными индексами и буквы греческого алфавита в заголовках статей, аннотациях и ключевых словах теряются. Убедительная просьба избегать употребления таких символов в указанных частях публикации.

Подписной
индекс: 45069

